

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 11 (114)

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2014

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Забайкальский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
17.04.2012, регистрационный номер
ПИ № ФС 77-49419

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Научные направления журнала, рекомен-
дованные ВАК РФ для публикации резуль-
татов исследований на соискание ученой
степени доктора и кандидата наук:

- науки о Земле;
- политические науки;
- экономические науки

Журнал «Вестник Забайкальского государ-
ственного университета» до № 8 (87) 2012 г.
выходил под названием «Вестник Читинс-
кого государственного университета»

**Журнал рекомендован ВАК РФ для
публикации результатов исследо-
ваний на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук**

С 1997 г. журнал включен в базу данных
ВИНИТИ РАН

С 2013 г. журнал включен в каталог
периодических изданий Ulrich's Periodicals
Directory

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» мож-
но оформить в любом почтовом отделении.
Подписной индекс по федеральному поч-
товому Объединенному каталогу «Пресса
России» и интернет-каталогу «Российская
периодика»

www.arpk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно приобрести в
розницу.

Цена 397 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18

E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

Web: www.journal.zabgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЗабГУ», являются авто-
рскими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо
по почтовому адресу: 672039, г. Чита,
ул. Александро-Заводская, 30, редакция
журнала «Вестник ЗабГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.

Качество иллюстраций соответствует
качеству представленных оригиналов

ISSN 2227-9245

Вестник ЗабГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Иванов С.А.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЗабГУ;
Хатькова А.Н. – зам. гл. редактора, д-р техн. наук, профессор, проректор
по научной и инновационной работе ЗабГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, профессор;
Каплина С.Е. – редактор иностранной версии, д-р пед. наук, доцент;
Михайлова А.И. – литературный редактор;
Петрова И.В. – технический редактор, канд. социол. наук.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С.А. Иванов, д-р техн. наук, профессор, ректор
Забайкальского государственного университета.

Члены редакционного совета

Науки о Земле: С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита); И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор, академик РАН (Иркутск); Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита); В.Н. Заслоновский, д-р техн. наук, профессор (Чита); В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск); Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г.Г. Пирогов, д-р техн. наук, профессор (Чита); А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита); В.Г. Романов, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. НАН КР (Хабаровск); С.М. Сеница, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита); И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита); А.И. Труба-
чев, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г.А. Юргенсон, д-р геол.-минер. наук, про-
фессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита); Н.М. Шарапов, д-р техн. наук, профессор
(Чита); Л.В. Шумилова, д-р техн. наук, профессор (Чита)

Политические науки: Т.Е. Бейдина, д-р полит. наук, профессор (Чита); Ю.П. Гармаев,
д-р юрид. наук, профессор (Улан-Удэ); В.В. Гриб, д-р юрид. наук, доцент (Москва); В.С.
Дробышевский, д-р филос. наук, профессор (Чита); Ю.А. Зуляр, д-р истор. наук, профессор
(Иркутск); А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита); И.Ф. Покровский, д-р юрид. наук,
профессор (Санкт-Петербург); А.А. Протосевич, д-р юрид. наук, профессор (Иркутск); А.К.
Родионова, д-р полит. наук, доцент (Чита); Н.К. Рудый, д-р юрид. наук, доцент (Чита); Ю.Н.
Туганов, д-р юрид. наук, профессор (Москва); Т.Б. Цыренова, д-р полит. наук, доцент (Улан-
Удэ); Л.В. Шашкова, д-р полит. наук, профессор (Барнаул); А.В. Шемелин, д-р полит. наук,
доцент (Чита)

Экономические науки: Н.И. Атанов, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ); Е.С. Вылко-
ва, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург); С.А. Городкова, д-р экон. наук, доцент
(Чита); И.П. Глазырина, д-р экон. наук, профессор (Чита); К.К. Ильковский, д-р экон. наук
(Чита); Е.А. Малышев, д-р экон. наук, доцент (Чита); О.П. Санжина, д-р экон. наук, профес-
сор (Улан-Удэ); А.И. Татаркин, д-р экон. наук, профессор, академик РАН (Екатеринбург)

Члены международного редакционного совета

Науки о Земле: В.Р. Алабьев, канд. техн. наук (Украина); В.С. Волошин, д-р техн. наук,
профессор (Украина); К.Ч. Кожоголов, д-р техн. наук, профессор (Кыргызская Республика);
Ч.В. Колев, профессор (Болгария); Нгуен Хоай Тьяу, д-р, профессор (Вьетнам)

Политические науки: Ан Сен Ир, профессор, (Китай); Ван Чжи Хуа, д-р юрид. наук, про-
фессор (Китай); З. Шмыт, профессор (Польша)

Экономические науки: Х.З. Барабанер д-р экон. наук, профессор (Эстония); Мауи
Michigami, д-р экон. наук, профессор (Япония); Л. Оюунцэцэг, д-р экон. наук, профессор
(Монголия); L.G. Hassel, д-р экон. наук, профессор (Швеция), К.К. Шебеко, д-р экон. наук,
профессор (Пинск, Беларусь)

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор

**Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательско-
го совета ЗабГУ**

Вестник Забайкальского государственного университета (Вестник ЗабГУ) № 11 (114). –
Чита: ЗабГУ, 2014. – 174 с.

© Забайкальский государственный университет, 2014

Drafting committee

- Ivanov S.A.** – editor-in-chief, doctor of technical sciences, professor, rector, Transbaikal State University;
- Khatikova A.N.** – vice-editor, doctor of technical sciences, professor, prorector on scientific and innovative work, Transbaikal State University;
- Romanova N.P.** – scientific editor, doctor of sociological sciences, professor;
- Kaplina S.E.** – editor of foreign versions, doctor of pedagogical sciences, associate professor;
- Mikhailova A.I.** – literary editor;
- Petrova I.V.** – technical editor, candidate of sociological sciences.

Editorial board

Chairman of editorial board: S.A. Ivanov, doctor of technical sciences, professor, rector, Transbaikal State University.

Members of editorial board

Earth sciences: S.Ya. Berezin, doctor of technical sciences, professor (Chita); I.V. Bychkov, doctor of technical sciences, professor, academician RAS (Irkutsk); E.T. Voronov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of sciences of the RF (Chita); V.N. Zaslonsky, doctor of technical sciences, professor, (Chita); V.N. Oparin, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member RAS (Novosibirsk); Yu. V. Pavlenko, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G.G. Pirogov, doctor of technical sciences, professor, (Chita); A.B. Ptitsin, doctor of technical sciences, professor, (Chita); V.G. Romanov, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G.V. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of the RF, corresponding member of National Academy of Sciences of Kyrgyzstan (Khabarovsk); S.M. Sinita, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); V.A. Stetyukha, doctor of technical sciences, associate professor (Chita); I.F. Suvorov, doctor of technical sciences, professor (Chita); A.I. Trubachev, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G. Yurgenson, doctor of geological and mineralogical sciences, professor, honoured worker of sciences of the RF (Chita); N.M. Sharapov, doctor of technical sciences, professor (Chita); L.V. Shumilova, doctor of technical sciences, professor (Chita)

Political sciences: T.E. Beydina, doctor of political sciences, professor (Chita); Yu.P. Garmaev, doctor of law sciences, professor (Ulan-Ude); V.V. Grib, doctor of law sciences, associated professor (Moscow); V.S. Drobyshevsky, doctor of philosophical sciences, professor (Chita); Yu.A. Zular, doctor of historical sciences, professor (Irkutsk); A.V. Makarov, doctor of law sciences, professor (Chita); I.F. Pokrovsky, doctor of law sciences, professor (St. Petersburg); A.A. Protosevich, doctor of law sciences, professor (Irkutsk); A.K. Rodionova, doctor of political sciences, associated professor (Chita); N.K. Rudy, doctor of law sciences, associated professor (Chita); Yu. N. Tuganov, doctor of law sciences, professor (Moscow); T.B. Tserenova, doctor of political sciences, associated professor (Ulan-Ude); L.V. Shashkova, doctor of political sciences, associated professor (Barnaul); A.V. Shemelin, doctor of political sciences, associated professor (Chita)

Economics: N.I. Atanov, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); E.S. Vylkova, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); S.A. Gorodkova, doctor of economic sciences, associate professor (Ulan-Ude); I.P. Glazyrina, doctor of economic sciences, professor (Chita); K.K. Ilkovsky, doctor of economic sciences (Chita); E.A. Malyshev, doctor of economic sciences, associate professor (Chita); O.P. Sanzhina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); A.I. Tatarin, doctor of economic sciences, professor, academician RAS (Ekaterinburg)

Members of international editorial board

Earth sciences: V.R. Alabiev, candidate of technical sciences, (Ukraine); V.S. Voloshin, doctor of technical sciences, professor (Ukraine); K.Ch. Kozhogulov, doctor of technical sciences, professor (Kirghiz Republic); Ch.V. Kolev, professor (Bulgaria); Nguen Khoay Tiyau, doctor, professor (Vietnam)

Political sciences: An Sen Ir, professor (China); Van Chzhi Khua, doctor of law sciences, professor (China); Z. Shmyt, professor (Poland)

Economics: Kh. Z. Barabaner, doctor of economic sciences, professor (Estonia); Mayu Michigami, doctor of economic sciences, professor (Japan); L. Oyuntsetseg, doctor of economic sciences, professor (Mongolia); L.G. Hassel, doctor of economic sciences, professor (Sweden); K.K. Schebeko, doctor of economic sciences, professor (Pinsk, Belorussia)

Responsible for the issue N.P. Romanova, doctor of sociological sciences, professor

Confirmed and recommended to publishing by the decision of the editorial and publishing board of Transbaikal State University

Transbaikal State University Journal (Bulletin of ZabGU) № 11 (114). – Chita: ZabGU, 2014. – 174 p.

Founder:

Transbaikal State University

The journal is registered as mass media 17.04.2012, registration number PI number PS 7749419

Journal participates in the Russian Science Citation Index (RISC)

Frequency of publication:
12 issues per year

Research directions of the Journal recommended by the High Certification Commission (HCC) for publication of research results for the degrees of doctor and candidate of sciences:

- Earth sciences;
- Political sciences;
- Economics

The Transbaikal State University Journal up to the number 8 (87) 2012 was published under the title «Bulletin of the Chita State University»
The Transbaikal State University

Journal is recommended by the High Certification Commission for the publication of research for the degrees of doctor and candidate of sciences

Since 1997, the Journal is included in the database of VINITI RAN

Since 2013 the Journal is included in the catalogue of periodicals Ulrich's Periodicals Directory

Subscription to the Transbaikal State University Journal can be registered at any post office. Index is in accordance with the federal postal general catalogue «The Russian Press» and internet-catalogue «Russian periodicals»
www.arpk.org: 82102.

Subscription can be also registered by means of editorship. The Journal can be purchased at retail.
Price is 397 rubles.

Tel.: +7 (3022) 416718

E-mail: rikromanovachita@mail.ru

Web: www.journal.zabgu.ru

All materials published in the scientific journal «Transbaikal State University Journal» have intellectual property rights and are protected by copyright. Translation of the materials and their republication in any form, including electronic one, cannot be performed without written consent with the editorial board. The questions concerning the use of the journal's materials can be sent to the Chief editor by e-mail or postal address: 672039, Chita Aleksandro-Zavodskaya str., 30, editorship of the journal «Transbaikal State University Journal»

Editorial opinion does not necessarily represent the opinion of the authors.

Quality of the pictures correspond to the quality of the originals submitted

Науки о Земле

УДК 55(1/9)

Павленко Юрий Васильевич
Yuriy Pavlenko

ПРИШИЛКИНСКИЙ СТРУКТУРНО-ФОРМАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС: ОСНОВНЫЕ РАЗРЫВНЫЕ СТРУКТУРЫ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФЛАНГА

PRISHILKINSKY STRUCTURE-FORMATION COMPLEX: MAJOR FAULT STRUCTURES OF SOUTHWESTERN FLANK

Представлена региональная модель сложной системы разрывных структур Пришилкинского структурно-формационного комплекса на территории Восточного Забайкалья и Северного Приамурья. Она развита на границе Байкальского, Амурского и Алдано-Станового геоблоков, активно взаимодействовавших в течение длительной истории геологического развития земной коры. Модель способствует более глубокому пониманию закономерностей пространственного размещения мультиметалльного оруденения Пришилкинской минерагенической зоны, генетически связанного со структурно-формационным комплексом.

Рассмотрены основные структуры только юго-западного фланга комплекса, как наиболее неоднозначно интерпретируемого в геологической литературе уникального геологического объекта, протягивающегося на восток на сотни километров. Основное внимание обращено на сочетание разрывных структур разных порядков, определяющих общий каркас и внутреннее содержание модели. Южная граница структурно-формационного комплекса – система разрывов Монголо-Охотского глубинного разлома – проявлена наиболее отчетливо, северная граница – относительно расплывчата, представлена системой менее глубинных разрывов, сформировавшихся в результате тектонической (субдукционной) эрозии. Главной глубинной структурной и минерагенической стержневой единицей комплекса является Дарасун-Могочинский разлом – фрагмент геоблокоразделяющей структуры I порядка – регионального Монголо-Удского шва. По системам субпараллельных глубинных разрывов северного пе-

A regional model of the complex system of fault structures of Prishilkinsky structural-formational complex at the territory of Eastern Transbaikalie and Northern Priamurie is presented. It is developed on the border of the Baikal, Amur and Aldan-Stanovoy geo-blocks, which has actively been interacting during a long history of the earth's crust geological development. The model provides deep understanding of the placement's spatial patterns of multi-metal mineralization of Prishilkinsky mineragenous zone, which is genetically related to the structural-formation complex.

The basic structures of only the south-western flank of the complex, as the most ambiguously interpreted in the geological literature of the unique geological object, stretching eastwards for hundreds of kilometers are observed. The main attention is paid to the combination of fault structures of different orders, which determine the general framework and the inner content of the model. The southern border of the structural-formation complex – the system of faults of the Mongol-Okhotsk deep fault – is manifested most clearly; the northern border – relatively vague, is represented by a system of less deep faults, formed as a result of tectonic (subduction) erosion.

The main deep structural and mineragenous core unit of the complex is Darasun-Mogocha fault - a fragment of geo-block separated structure of the Ist order – the regional Mongol-Uda seam. The tectonic plates (tectonic napes), landed to the south into a tectonic package, were formed on the systems subparallel to the deep faults of the northern variable fall. The package is divided into small tectonic blocks – structural-material complexes, geological hetero-

ременного падения формировались тектонические пластины (тектонические покровы), сгруженные к югу в тектонический пакет. Пакет разбит на мелкие тектонические блоки — структурно-вещественные комплексы, геологические неоднородности которых определяют минеральный состав полезных ископаемых

Ключевые слова: Пришилкинский структурно-формационный комплекс и минерагеническая зона, Алдано-Становой, Байкальский, Амурский геоблоки, мегаблоки, тектонические пакеты, тектонические блоки, мультиметалльное оруденение, Восточное Забайкалье, Северное Приамурье

geneity of which is determined by mineral composition of rock minerals

Key words: structural-formation Prishilkinsky complex and mineragenous zone; Aldan-Stanovoy, Baikal, Amur geo-blocks, mega blocks, tectonic packages, tectonic blocks, multi-metal mineralization, Eastern Transbaikalie, Northern Priamurie

Пришилкинский структурно-формационный комплекс (СФК) и соответствующая ему Пришилкинская минерагеническая зона (МЗ) располагается в Восточном Забайкалье и Северном Приамурье вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, что обеспечивает доступность к его уникальному минерально-сырьевому потенциалу. СФК и его разнообразные формации формировались в области активного и длительного взаимодействия Байкальского, Амурского и Алдано-Станового геоблоков, геологическая история которых различается особенностями формирования прежде всего вещественно-структурных комплексов кристаллического фундамента (рис. 1). В результате геодинамических взаимодействий геоблоков в Пришилкинском СФК в течение рифея-фанерозоя созданы линейные и блоковые структурные и петрофизические неоднородности блоково-листрического типа, характеризующие локальные особенностям их внутреннего строения. Подробные сведения о Пришилкинской СФК и одноименной МЗ представлены в [16, 20, 22].

Главные линейные межблоковые структуры представлены сложными системами субпараллельных разрывов северо-восточного и северо-западного направлений в центральной части СФК и субмеридионального — в юго-западной. В забайкальской части Пришилкинского СФК основополагающее значение в фор-

мировании поликомплекса, а также его минерагении имеют два глубинных разлома северо-восточного направления — Дарасун-Могочинский (ДМР) и Могоча-Бушулейский (МБР).

Дарасун-Могочинский разлом является главным геоблокоразделяющим. Он расположен в 45...90 км севернее субпараллельного Монголо-Охотского в его висячем крыле; представлен фрагментом Монголо-Удского шва [15]. Могоча-Бушулейский разлом находится между названными разломами на расстоянии 7-50 км от Монголо-Охотского. Эти разломы формировали систему крупных нагроможденных на юг тектонических пластин, сопровождаемых многочисленными более мелкими пластинами, разрывами, общего северо-западного изменчивого (полого-крутого) падения под Витимо-Урюмскую структурно-формационную зону и Алдано-Становой щит. Основные же межгеоблоковые тектонические нагрузки пришлись на Дарасун-Могочинский и Монголо-Охотский разломы.

Джиллинда-Могочинская зона разломов является краевой структурой Западно-Станового мегаблока, имеет сложную морфологию сдвигово-надвиговой природы (правосторонний сдвиг). Углы падения зоны (с северо-запада на юго-восток) постепенно вышолаживаются от 70 до 20°. На юго-восточном фланге зона распадается на ряд составляющих, образующих структуру «конского хвоста» [4].

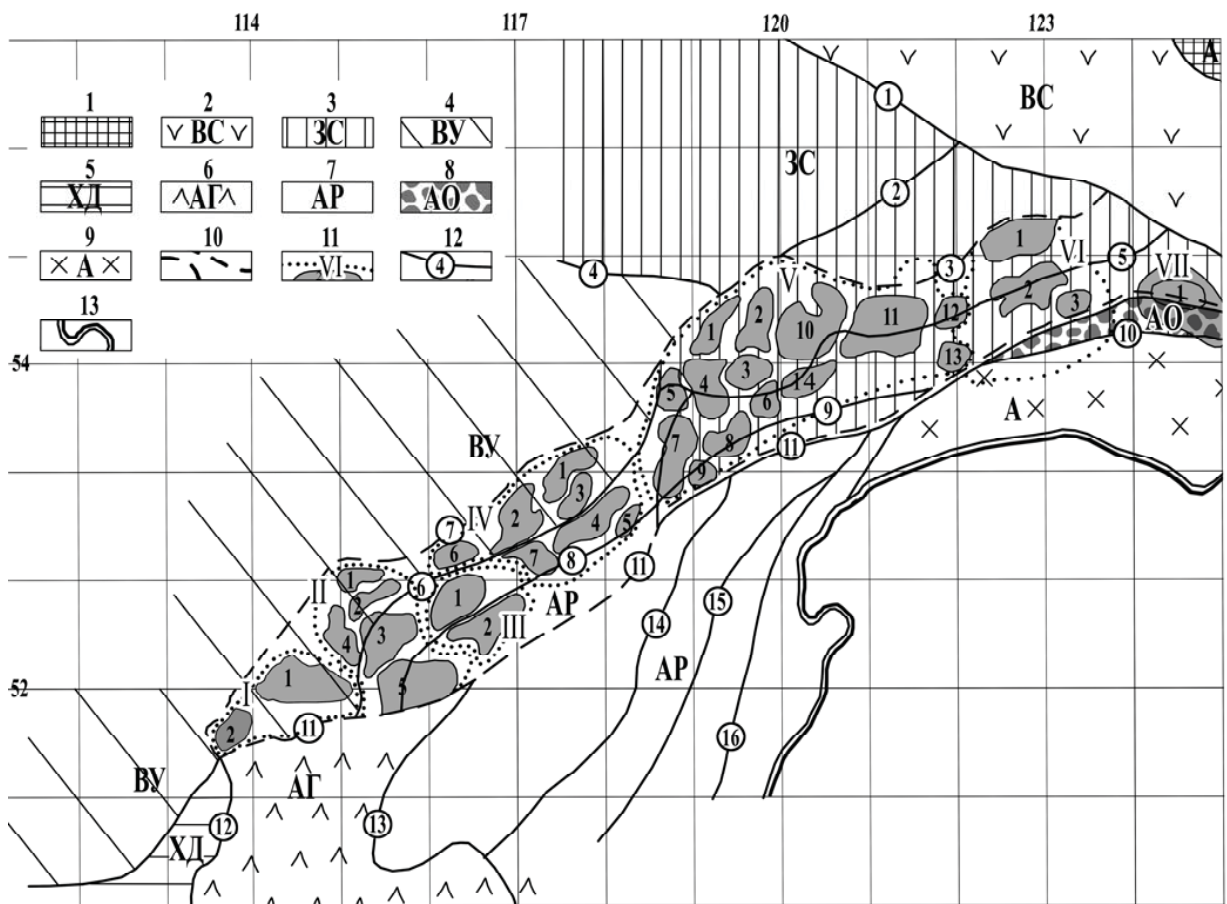

Рис. 1. Схема структурно-формационного районирования Восточного Забайкалья и Верхнего Приамурья [4-7 с дополнением автора]:

1-7, 9 – Структурно-формационные зоны (буквенное обозначение): 1-3 – Алданского (Алдано-Станового) щита Сибирской платформы. 1 – Алданская (Южно-Алданская) – (А), 2 – Восточно-Становая – (ВС), 3 – Западно-Становая – (ЗС); 4 – Витимо-Урюмская – (ВУ) Селенгино-Яблонево-Витимской складчатой системы Саяно-Байкальской складчатой области; 5-7 – Монголо-Забайкальская складчатая система одноименной складчатой области Амурского геоблока. 5 – Хэнтэй-Даурская – (ХД), 6 – Агинская – (АГ), 7 – Аргунская – (АР); 8 – Амуро-Охотская складчатая область: 9 – Буреинская (Гонжиская) – (А) Амурской складчатой системы, 10 – границы Пришилкинского СФК и минерагенической зоны, 11 – рудные районы (римские цифры) и узлы (арабские цифры) Пришилкинской минерагенической зоны. I – Кручининский (R, Ti, Au): 1 – Семёновский (Au, W), 2 – Кручининский рудно-россышной (Ti, Au); II – Дарасунский рудно-россышной (Au, fl, Mo): 1 – Усуглинский (fl, Fe), 2 – Улунгутуйский (fl), 3 – Дарасунский (Au, Ag, Mo), 4 – Эдакуйский (Au, Mo), 5 – Киинский (Au, Mo); III – Оловский (U, Mo): 1 – Зюльзинский (U, Mo), 2 – Оловский (U, Mo, W); IV – Жирекенский рудно-россышной (Mo, Cu, Au): 1 – Кочковатый (Mo, U), 2 – Маректинский (Mo, U, fl), 3 – Арчикийский (Au), 4 – Ульяканский (Mo, U, fl), 5 – Делинда-Шахтайский (Au), 6 – Берейнский (Mo, W, Au), 7 – Жирекенский (Mo, Cu); V – Могочинский рудно-россышной (Au, Mo, Cu, Sb): 1 – Джекадачинский (Mo, Au), 2 – Бугарихтинский (Mo, Au), 3 – Верхне-Амазарский (Au), 4 – Урюмский (Au, Mo, Cu), 5 – Итакинский (Au, Sb), 6 – Олонгринский (Au, Sb, U), 7 – Амуджиканский (Mo, Au, U), 8 – Давенда-Ключевский (Au, Mo, Cu), 9 – Горбичанский (Mo, W), 10 – Бухтинский (Au, Mo), 11 – Десинско-Кулинский (Au, Mo), 12 – Урка-Урушинский (Au, Ag, W), 13 – Среднеуркинский (Au), 14 – Большемогочинский (Au, Mo); VI – Хайктинский рудно-россышной (Mo, Au): 1 – Тогоминский (Mo, Au, Ag), 2 – Березитовый (Au, Ag, Mo, U), 3 – Монголийский (Mo, Au); VII – Соловьёвский рудно-россышной узел (Au); 12 – глубинные разрывные нарушения (номера в кружках): 1 – Джелтулакский, 2 – Тунгино-Моготский, 3 – Бухта-Бурпалинский, 4 – Джилинда-Могочинский, 5-6 – Монголо-Удский в составе: 5 – Могоча-Сергучанского, 6 – Дарасун-Могочинского, 7 – Нерчинско-Нерчуганский (система), 8 – Могоча-Бушулейский, 9 – Утуканский, 10 – Южно-Тукурингский, 11 – Монголо-Охотский с северной и восточной ветвями, 12 – Онон-Турунский, 13 – Восточно-Агинский, 14 – Куренгинский, 15 – Борзя-Газимурский, 16 – Пограничный; 13 – государственная граница России

Разломы северо-западного направления проявлены преимущественно в кристаллическом фундаменте в виде линейных зон тектономагматической активизации. На поверхности они картируются отдельными фрагментами, поскольку являются следствием многократных подновлений позднемезозойской активизацией структур фундамента, проявленных в верхнем структурном этаже.

Монголо-Охотский разлом и геоблоки. Для понимания главных структурных особенностей Пришилкинского СФК важнейшей структурой является Монголо-Охотская система (МОС) [16]. Во многих геологических материалах [3-7, 12] до сих пор считается, что именно эта система разграничивает Байкальский, Алдано-Становой и Амурский геоблоки. Нам представляется, что относительно ДМР МОС является более мелкой, но хорошо проработанной структурой второго порядка (особенно в юго-западной части СФК). Она, как и другие одноранговые структуры, разделяет внутренние блоки (террейны) Амурского геоблока, а не геоблоки. Эта полихронная структура является естественной геологической границей, принявшей на себя значительные динамические нагрузки при формировании специфического Пришилкинского СФК. На расположение СФК в Амурском, а не в Селенгино-Яблонево-м геоблоке указывают:

- принадлежность Пришилкинской структурно-формационной зоны (СФЗ), Агинской мегазоны Монголо-Охотской складчато-надвиговой системы и Аргунского террейна Керулено-Аргуно-Мамынского супертеррейна к единому Центрально-Азиатскому подвижному поясу Амурского геоблока [3, 6, 8, 24];

- принадлежность Оловско-Ундургинской мегазоны – основной гравитационной структуры Пришилкинского СФК, Уровско-Нижнешилкинской, Приаргунской и Восточно-Агинской мегазон к одноранговым площадным структурам обрамления Восточно-Забайкальского ареал-плутона;

на уровне 5-километрового среза они образуют единый гнейсодиоритовый, гранулитовый пояс вокруг ареал-плутона [15, 21];

- сопоставимые условия образования и состав большинства геологических комплексов, развитых в Пришилкинском СФК и на его южных границах в составе Амурского геоблока [5, 6];

- географическая и гравитационная принадлежность Пришилкинского СФК к Аргуно-Верхнеамурскому гравитационному полю первого порядка, четко фиксируемому на обзорных схемах глубинного строения Забайкальского и Дальневосточного регионов [1, 15]. Авторы схем, отмечая не полное совпадение гравитационного поля первого порядка с некоторыми известными региональными геологическими подразделениями, усматривают в этом структурно-вещественные помехи (неоднородности) раннедокембрийского кристаллического фундамента [21];

- несоответствие достаточно крупного минерагенического подразделения (Пришилкинской МЗ) отдельной структуре, исторически подготовленной для локализации специфического эндогенного оруденения;

- развитие единой сети флюидопроницаемых структур фундамента, обеспечивающих формирование, пространственное размещение и однотипного, и разновозрастного эндогенного оруденения [18, 19, 23] (рис. 2).

Дарасун-Могочинский разлом. Это глубинная, стержневая для Пришилкинского СФК структура, вблизи которой развивались основные геологические процессы. На поверхности разлом прослеживается от р. Ингода, через Вершино-Дарасунское месторождение на сс. Усть Горбица, Улькан, далее, с некоторым разворотом к северу, следует в верховье р. Итака, где меняет северо-восточное направление на субширотное по линии сс. Челдонка, Медвежий Ключ, г. Могоча, левобережье р. Амазар. Далее, на восток, разлом прослеживается до Джелтулакского разлома и именуется Могоча-Сергучанским.

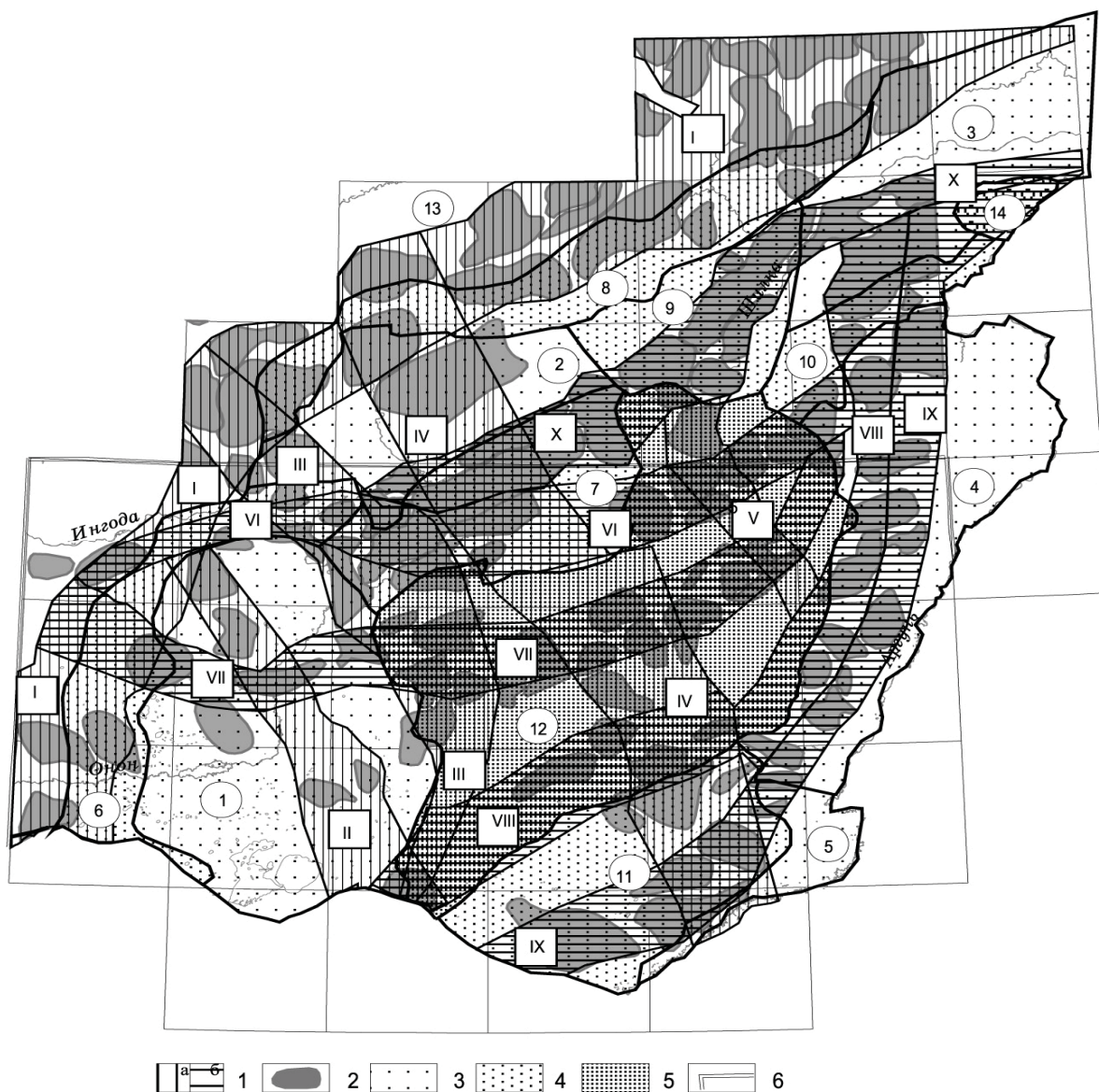

Рис. 2. Линейные зоны тектономагматической активизации докембрийского кристаллического фундамента в региональных структурах земной коры Юго-Восточного Забайкалья [19, 23]:

1 – зоны тектономагматической активизации субмеридионального (а) и субширотного – до субмеридионального (б) направлений, уточненные по полям экстенсивности; цифры в квадратах – наименования зон: I – Монголо-Удский шов, II – Ононская, III – Восточно-Агинская, IV – Далайнор-Газимурская, V – Урово-Газимурская, VI – Ингода-Куренгинская, VII – Ага-Урюмканская, VIII – Борзя-Уровская, IX – Приаргунская, X – Шилкинская; 2 – рудные узлы; 3-5 – мегаблоки со средней глубиной залегания кровли диорит-метаморфического слоя, км: 3 – 0-3; 4 – 5-6; 5 – 8-10 (по Г.А. Генко и Ю.А. Филипченко). Цифры в кружках – наименования мегоблоков: 1 – Восточно-Агинский, 2 – Оловский, 3 – Могочинский, 4 – Приаргунский, 5 – Далайнор-Аргунский, 6 – Ононский, 7 – Борцовочный, 8 – Урюмский, 9 – Среднешилкинский, 10 – Верхнегазимурский, 11 – Урулдонгуйский, 12 – Газимурский, 13 – Ульза-Олекминский, 14 – Амурхэ; 6 – контур площади листа М-50

На значительном протяжении разлом трассируется границей неотектонических блоков; морфология его на глубине (да и на поверхности) остается гипотетической или очень сложной, учитывая изменчивую ширину за счет массы сопутствующих разрывов. Поскольку по гравиметрическим характеристикам ДМР соответствует фрагменту Монголо-Удского шва [15], становится понятным его статус, как крупнейшей долгоживущей блокоразделяющей глубинной структуры кристаллического фундамента, значимость которого в геологической истории выше такового Монголо-Охотского разлома. По объективным физико-петрофизическим характеристикам крупных подразделений земной коры этот разлом, а не Монголо-Охотский, является геоблокоразделяющим.

По петрофизическим характеристикам ширина проекции плоскости сместителя Монголо-Удской структуры на уровне пятикилометрового среза составляет 20...80 км, падение этой плоскости северо-западное от крутого (юго-западная часть) до пологого, висячем боку находятся образования Байкальского и Алдано-Станового геоблоков, в лежащем — Амурского. Примечательно, что ДМР по отношению к раннедокембрийским структурам северного крыла (область поднятия и субдукционной эрозии) занимает секущее положение, а южного (область прогибания), относительно обрамления крупного Восточно-Забайкальского ареала плутона — согласное. По мнению Кириллюка [9], разлом разделяет области разновременной складчатости; по Е.М. Лейфману [13] — разделяет блоки разновременной активизации, нам представляется, что он разделяет блоки с разным строением коры.

Глубинный характер ДМР определяется развитием разновозрастных базитов, а в приразломных впадинах — базальтов и умеренно щелочных основных интрузий. Локализация габброидов кручининского комплекса свидетельствует о существенном подновлении разлома уже в раннем палеозое. В верхнем палеозое более активными являлись северные составляющие западного фланга разлома и южные составляющие

— восточного (Давенда-Ключевская группа интрузий). Структуры течения гранитоидов (40...70 °) указывают на северное падение разлома [10, 13]. Для плутонов висячего бока характерно развитие более кислых разностей гарполито- и плитообразных массивов, что отличает их от плутонов лежащего бока. В среднюю юру на восточном фланге южной части зоны в условиях прогибания формировались грабены и вулканические просадки, а в верхнеюрское-нижнемеловое — вся система разлома представляла мобильную зону с левосторонним сдвигом северной части зоны и рифтогенными грабенами, заполненными вулканиками основного, кислого составов и континентальной молассой. Процесс интенсивной активизации разлома этого времени сопровождался внедрением S-образных трещинных интрузий амуджиканского (?) комплекса с золотом. В нижнем мелу в аналогичной тектонической обстановке формировались щелочные интрузии и низкотемпературное оруденение сурьмы, ртути, фтора и золота. Следует согласиться с выводами Г.И. Менакера [14] о длительно развивавшейся глубинной природе структуры, к которому он пришел, используя, в том числе, и данные о сгущении изоаномал, резкую смену положительных и отрицательных значений (Δg) гравитационного поля.

Севернее шва локализуются массивы преимущественно гранодиоритовой и гранитовой формаций раннего палеозоя с провесами кровли гнейсово-кристаллосланцево-амфиболитовой и гнейсо-гранитовой формаций раннего протерозоя. Широкое развитие в южной части Пришилкинского СФК метаморфических пород и гранитоидов позднего рифея, не свойственных другим блокам (Олекма-Нюкжинскому, Витимо-Урюмскому), также указывает на ДМР, как границу блоков с разной геологической историей, т.е. на палеограницу Амурского геоблока.

Могоча-Бушулейский глубинный разлом. Разлом фиксируется гравитационной ступенью северо-восточного-субширотного направления, прослеживающейся более чем на 400 км. МБР — это система субпа-

параллельно ориентированных ветвящихся продольных разломов, сопровождаемых зонами расланцевания, милонитизации, брекчирования. Глубинный характер разлома определяется приуроченностью к нему разновозрастных базитов, а в приразломных впадинах — базальтов и умеренно щелочных основных интрузий. Время его заложения ранее определялось рубежом архея и раннего протерозоя [13]; возраст уточнен как среднепротерозойский на основании различий в становлении гранитоидных комплексов в северном и южном блоках [9, 10]. В области протерозойского одновременно со складчатостью формировались гранитогнейсовые купола, иногда не согласные с разломом, южнее — структурно согласные плутоны гранитоидов рифея (бухточинский комплекс). Приуроченность к разлому габброидов кручининского комплекса свидетельствует о его подновлении в раннем палеозое. В верхнем палеозое более активными являлись северные составляющие западного фланга разлома (Джелондинская, Зудыра-Мамачихинская, Бушулей-Бородинская и др. интрузии) и южные составляющие — восточного (Давенда-Ключевская группа интрузий).

В среднеюрское время на восточном фланге южной части Пришилкинской зоны в условиях прогибания формировались грабены и вулканические провалы, а в верхнеюрское-нижнемеловое время — вся система разлома представляла мобильную зону с левосторонним сдвигом северной части зоны и рифтогенными грабенами, заполненными вулканиками основного, кислого составов и континентальной молассой. Процесс интенсивной активизации разлома этого времени сопровождался внедрением S-образных трещинных интрузий амуджиканского (?) комплекса и золоторудной минерализацией. В нижнемеловую эпоху в аналогичной тектонической обстановке формировались щелочные интрузии и низкотемпературное оруденение сурьмы, ртути, фтора и золота.

В южной части Пришилкинского СФК широко развиты метаморфические образования кристаллосланцевой формации, вмещающие конкордантные мас-

сивы гранитоидов бухточинского комплекса рифея. Они слагают моноклиаль, погружающуюся на северо-запад, что подчеркнута смещением осей линейных высокомагнитных аномалий (ΔT) к северу относительно выходов границ массивов гранитоидов. Такое соотношение динамометаморфитов и гранитов, а также осложнение моноклиналей асимметричными синформами и куполовидными выступами по простиранию моноклинали является типичным для глубинных зон смятия. Характерны также многочисленные конкордантные массивы расслоенных габброидов кручининского, гранитоидов крестовского и олекминского комплексов раннего палеозоя. Следует добавить, что цепочка плитообразных массивов гранитоидов перми, контролируемых МБР, и развитие рифтогенных верхнеюрских-нижнемеловых впадин по ее простиранию, свидетельствуют о продолжительном периоде его тектонической активности.

Северо-западные разломы фундамента. Представлены пятью разломами, выделенными по геофизическим данным, которые частично совпадают с линейными зонами тектономагматической активизации докембрийского кристаллического фундамента и с Джилинда-Могочинской зоной разломов. Две зоны тектономагматической активизации (рис. 2) соответствуют гравитационным структурами третьего порядка Восточно-Забайкальского ареала плутона и его обрамления [17].

Эти крутопадающие линейные тектонические (межблоковые) зоны, развитые в кристаллическом фундаменте, являются северо-западным продолжением (и окончанием) Восточно-Агинской и Далайнор-Газимурской зон тектономагматической активизации. Главными их составляющими являются крутопадающие разрывные нарушения, линейные и овальные участки интенсивной гранитизации (согласно стратозиогипсам подошвы гнейсогранитового комплекса), участки относительно крутого погружения подошвы гранитогнейсового комплекса, линейные и субизометричные «отростки» с увеличенной мощностью гра-

нитогнейсового слоя, развитые в обрамлении ареал-плутона и иногда сопряженные с ним. С линейными зонами связана многократная тектономагматическая активизация раннедокембрийского кристаллического фундамента. Эти структуры характеризуются наиболее контрастными анизотропными свойствами пород, являются магистральными путями миграции тепловых потоков, различных продуктов гранитизации пород, флюидов, газов, гидротерм и рудного вещества, о чем свидетельствует пространственная совместимость их с высокой экстенсивностью распространения мультиметалльного оруденения Юго-Восточного Забайкалья [17].

Неоднородности тектонических пластин. Петрофизические особенности пород комплексов, сложность интерпретации геофизических материалов (в виду вероятностного характера) не позволяют создавать точные модели глубинного строения неоднородностей. Однако, несмотря на расхождения объемных моделей глубинного строения верхней части земной коры А.А. Духовского и др. [15] и авторов геологической карты [5], прежде всего в точности географической привязки, характеристики основных петрофизических комплексов в них вполне сопоставимы. Учитывая, что особенности строения фундамента горно-складчатых, слоисто-блоковых областей более всего влияют на их геологическое строение и минерагению, во главу угла выяснения закономерностей пространственного размещения полезных ископаемых и оценки их перспектив следует ставить петрофизические неоднородности, прежде всего, фундамента [23]. По этим признакам в Пришилкинском СФК в границах трех тектонических пластин (тектонических покровов), названных по подстилающим глубинным нарушениям, выделено одиннадцать контрастных по указанным свойствам блоков, которые отличаются структурными особенностями, глубинным строением и набором развитых полезных ископаемых (рис. 3).

Северная (Дарасун-Могочинская) тектоническая пластина (блоки I-IV)

располагается севернее Дарасун-Могочинского разлома. По петрофизическим характеристикам активной части земной коры в ней выделены Кручининский, Усуглинский, Букачачинский блоки, принадлежащие Селенгино-Яблонево́й складчатой области и Итакинский блок Западно-Становой СФЗ.

Кручининский субмеридиональный блок занимает крайнюю юго-западную часть Пришилкинского СФК от правобережья р. Ингода до субмеридиональной линии рек Эдакуй Ульдургинская – Талача. Блок пространственно согласуется с Каренгинской и Кручининской зонами третьего порядка гравитационного аномального поля, на западе ограничивается Верхнечитинской гравитационной зоной, на востоке – Монголо-Удским, на юге – Монголо-Охотским разломами. Для него характерен соответственно повышенный и резко повышенный уровень гравитационных полей, которые в целом отвечают развитию лейкократовых и биотит-амфиболовых равномернозернистых гранитов плотностью 2,63 ... 2,65 г/см³.

Усуглинский дугообразный блок простирается от линии рек Эдакуй Ульдургинская – Талача до р. Нерча. На северо-западе его выпуклой к северу границей является Нерчинская зона нарушений, на юго-востоке – Монголо-Удский шов. Западной (условной) границей является скрытый глубинный разлом северо-западного направления, который ограничивает на западе Зюльзинскую и Оловскую мезокайнозойские впадины; геоморфологически она выражена долиной р. Нерча.

В строении верхней части земной коры преобладают равномернозернистые лейкократовые, биотитовые, биотит-амфиболовые граниты; плотность пород 2,63...2,65 г/см³. На севере блок граничит с Букачача-Сырыгичинским и Нерчинским блоками второго порядка крупного Нерча-Урюмского гранитоидного блока, в котором развиты многочисленные гранитные массивы; плотность 2,60...2,63 г/см³. По А.А. Духовскому и др. [15], блок находится в Каренгинской зоне на границе с Верхне-

олекминской зоной Забайкальского гравитационного звена, глубина залегания подошвы сплошного гнейсогранитового слоя 7 ... 10 км. По существу блок представляет

юго-восточную мобильную окраину Нерча-Урюмского блока, разбитую на мелкие блоки в результате тектонической (субдукционной) эрозии [2].

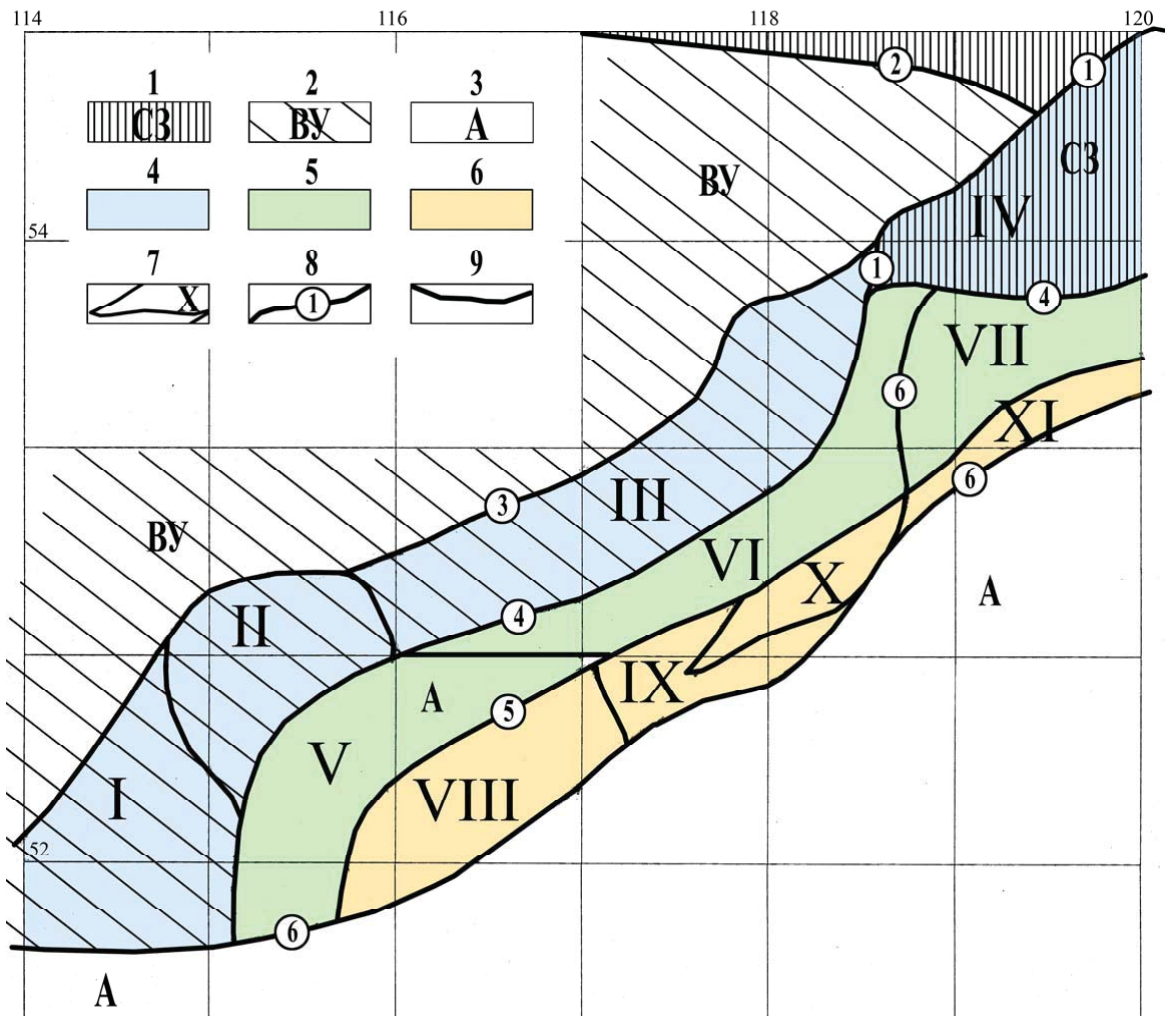

Рис. 3. Разрывные структуры юго-западной части Пришилкинского структурно-формационного комплекса:

1-3 – структурно-формационные зоны: 1 – Западно-Становая, 2 – Витимо-Урюмская (Селенга-Витимский мегаблок), 3 – зоны Амурского геоблока; 4-6 – тектонические пластины: 4 – Северная (Дарасун-Могочинская), 5 – Центральная (Могоча-Бушулейская), 6 – Южная (Монголо-Охотская); 7 – блоки геологической неоднородности: I – Кручининский, II – Усуглинский, III – Букачанинский, IV – Итакинский, V – Дарасунский, VI – Жирекенский, VII – Могочинский, VIII – Чернышевский, IX – Ундургинский, X – Чачинский, XI – Шилкинский; 8-9 – разрывные нарушения: 8 – глубинные разломы: 1 – Тунги́ро-Мого́тский, 2 – Джи́линда-Мого́чинский, 3 – Нерчи́нско-Нерчу́ганский, 4 – Дарасун-Мого́чинский (фрагмент Монголо-Удского шва), 5 – Мого́ча-Бушу́лейский, 6 – Монголо-Охотский с северной и восточной ветвями, 9 – прочие разрывные структуры

Эта часть Пришилкинского СФК характеризуется широким развитием выходов раннедокембрийского кристаллического основания — метаморфитов верхнеолекминского и гранитоидов позднестанового комплексов, которые послужили рамой для интрузий раннепалеозойского (кручининский, крестовский и олекминский комплексы), позднепермского (амананский комплекс) и позднеюрского (субвулканические образования) возраста. Из покровных образований локально развиты вулканогенные и осадочные породы чичаткинской свиты верхней перми, тургинской свиты нижнего мела, а вблизи Монголо-Охотского разлома — и среднеюрской карабачинской свиты. Основной фон составляет позднепалеозойская Эдакуй-Усуглинская магмоконтролирующая структура с зональными многофазными массивами гранитоидов верхней юры и разрывами преимущественно северо-восточного направления.

Букачачинский блок располагается в междуречье Нерча — Шурга, на юге граничит с Дарасун-Могочинским разломом, на севере и востоке условно — с Нерчуганской системой северо-восточных разрывов. Представляет фрагмент Букачача-Сыргичинского блока мобильной окраины Нерча-Урюмского мегаблока, в строении верхней части земной коры которого преобладают равномернозернистые лейкократовые, биотитовые, биотит-амфиболовые граниты с многочисленными гранитными массивами Ульдурга-Иначинской магматогенной зоны; плотность 2,60...2,63 г/см³. По А.А. Духовскому и др. [15], блок соответствует южной части Верхнеолекминской зоны Забайкальского гравитационного звена, глубина залегания подошвы сплошного гнейсогранитового слоя 8...10 км.

Основной геологический фон блока представляют гранитогнейсы раннего протерозоя, в провалах кровли которого находятся фрагменты карбонатных, глинисто-карбонатных формаций венда-нижнего кембрия. Формации верхнего структурного этажа — это щелочно-гранит-сиенитовая и трахидацит-трахириолитовая интрузия нижнего триаса.

Итакинский блок охватывает междуречье Шурги-Тунгира с левыми притоками, включая осевую часть Тунгирского хребта. По схемам латеральной делимости раннедокембрийского кристаллического фундамента земной коры А.А. Духовского и др. [15] и структурно-формационного районирования (лист N-51) блок входит в состав структур и полей Алдано-Станового щита, однако в последних сводных геологических работах [4, 5] он представлен фрагментом Пришилкинской зоны в составе Селенгино-Яблонево-Йаблоневой складчатой системы. Поскольку набор магматических комплексов, развитых вокруг субширотного Могочинского выступа архейского фундамента, практически идентичен комплексам соседних территорий Западно-Становой зоны, этот блок предпочтительно отнести к зоне Алдано-Станового щита.

По А.А. Духовскому и др. [15], в блоке выделяются Давендинская и Урюмская гравитационные зоны, контактирующие с Забайкальским гравитационным звеном по Олекмо-Патомской ступене; небольшое по площади Давендинское звено представляет, вероятно, фрагмент расположенной южнее Зюльзинской зоны, в связи с чем Монголо-Удский шов должен проходить по границе Давендинской и Урюмской гравитационных зон. По петрофизическим свойствам фундамент блока сопоставим с таковым Кручининского (плотность пород 2,63 ... 2,65 г/см³), что свидетельствует о неглубоком (7...9 км) залегании подошвы гнейсогранитового комплекса. На юго-востоке границей блока является Дарасун-Могочинский разлом, на северо-западе граница представляет сложную систему из Нерчуганской, Итакинской и Урюмской систем разрывов, разворачивающихся к северу согласно Олекмо-Патомской ступене, на востоке — проходит по субширотной крупной Джилинда-Могочинской системе разрывов, прослеживается далее в Амурскую область. Эти системы повсеместно трассируются раннепалеозойскими габброидами и позднепалеозойскими гранитоидами.

Фундамент обнажается на северо-востоке блока — это преимущественно мета-

морфиты кристаллосланцевой формации Могочинского выступа, являющиеся основой для гранитоидов рифея и раннего палеозоя. Магматические образования верхнемоклинского и олошкинского комплексов находятся в структурном согласии с образованиями могочинского комплекса. Наложённые структуры представлены активизационными комплексами позднего палеозоя-мезозоя, создающими клавишную систему из блоков высокого порядка, погружающуюся на север – это вулканоплутонические ассоциации щелочногранитовой и монцонит-гранитовой формации перми, среднеюрская алевролит-конгломератовая и верхнеюрская-нижнемеловая терригенно-вулканогенная и молассовая формации.

Центральная (Могоча-Бушулейская) тектоническая пластина (блоки V-VII) располагается между Могоча-Бушулейским подстилающим разломом и Дарасун-Могочинским налегающим. По петрофизическим характеристикам активной части земной коры выделяется три блока, принадлежащих Амурскому геоблоку.

Дарасунский блок примыкает с востока к Кручининскому блоку, дугообразно вытянут в северо-восточном направлении от р. Ингода до р. Куэнга, на юго-западе – ограничен субширотной частью Монголо-Охотского разлома, на северо-востоке – Кижинга-Кудинской субширотной зоной разломов. По строению фундамента блок очень неоднороден, разбит внутриблоковыми разломами на мелкие блоки, подверженные «пакетированию». Высокий средний уровень гравитационного поля свидетельствует о неглубоком (0...3 км) залегании диорит-метаморфического слоя (ДМС) повышенной основности на значительной части блока, именуемого Оловским [1] или Оловско-Ундургинским [15]; последний более крупный. Поднятия и выступы архей-протерозойского фундамента – это метаморфические комплексы пород (кристаллические сланцы, гнейсы с включениями амфиболитов, метагабброидов плотностью 2,75 г/см³), в прикровельной части участками гранитизированные,

плотность 2,70...2,75 г/см³. По северной, северо-западной окраине блока, у границы с Дарасун-Могочинским разломом, гравитационное поле существенно более низкое, соответствует юго-западной части Зюльзинской гравитационной зоны [15]; расчетная глубина подошвы гранитогнейсового слоя около 6 км, плотность 2,63...2,67 г/см³. Здесь верхний комплекс фундамента сложен неравномернозернистыми, порфирированными линзовидно-полосчатыми гнейсами различного состава, гранитогнейсами, гранитами с останцами сланцев, доломитов и ряда миланократовых пород.

Комплексы верхнего структурного этажа по составу и возрасту существенно не отличаются от общего (среднего), свойственного южному региону, однако в данном блоке верхнеюрские лейкогранитовый и монцонит-гранодиоритовый комплексы развиты значительно шире.

Жирекенский блок вытянут в северо-восточном направлении, на западе примыкает к Дарасунскому, на востоке – к Могочинскому блокам, распространяется от р. Куэнга до р. Чёрной и далее по правобережью Чёрного Урюма до пос. Кислый Ключ. Юго-западный контакт блока практически прямолинейный (субширотный), северо-восточный – S-образный по системе Урюмской зоны разломов (северная ветвь Монголо-Охотского разлома). По строению фундамента блок отличается пониженным уровнем гравитационного поля (плотность 2,63...2,67 г/см³), что свойственно гранитизированному архей-протерозоскому комплексу Зюльзинской и Урюмской гравитационных зон [15]; расчетная глубина подошвы гранитогнейсового слоя около 6 км. Этот комплекс сложен неравномернозернистыми, порфирированными линзовидно-полосчатыми биотитовыми, амфибол-биотитовыми, роговообманковыми гнейсами, гранитогнейсами, гнейсогранитами, гранитами с останцами сланцев, доломитов, амфиболитов, диорито- и габброподобных пород. На северо-востоке блока плотность пород постепенно увеличивается.

На поверхности в юго-восточной части преобладают породы гнейсогранитового

позднестанового комплекса раннего протерозоя, глинисто-карбонатные формации венда-раннего палеозоя, гарполитообразная интрузия гранитоидов позднего палеозоя с остатками кровли метаморфитов раннего протерозоя и вулканогенно-терригенного рифея, представляющая Бушулей – Мамачихинскую магматическую структуру. Массивы габброидов по периферии блока характеризуются локальными положительными аномалиями гравитационного и магнитного полей. Гранитоидные массивы палеозоя прорваны мелкими штоками порфиров мезозоя, с которыми пространственно ассоциирует эндогенная минерализация.

Могочинский блок прослеживается от Кислого Ключа на северо-восток, включая западную часть Амазарского хребта, в пределах сужающейся тектонической пластины, выходящей за границу Забайкальского края. Значительная часть поверхности блока представлена рифейскими образованиями, которые восточнее, в границах Амазарского блока, сменяются выступами более глубинных комплексов архея. Эти обнажения фундамента чаще окаймляются «полями» палеозойских интрузивов, на которые бессистемно развиваются небольшие редкие залежи терригенной могочинской свиты средней юры, внедряются небольшие интрузии триаса, юры и отдельные тела мелового магматизма.

Петрофизические свойства отчетливо характеризуют степень гранитизации участков выступов архей-протерозойского фундамента и развитие вулканогенно-интрузивного комплекса рифея, указывают на постепенный, а в целом значительный подъем (взброс) серии мелких блоков пород ДМС в северо-восточном направлении. Более глубокие части этого слоя представлены метаморфическим комплексом в составе кристаллических сланцев, гнейсов с включениями амфиболитов, метагаббро, метаанортозитов, плотностью $2,75 \text{ г/см}^3$. В более погруженных блоках в кровле фундамента проявлены процессы гранитизации пород, плотность снижается до $2,7 \text{ г/см}^3$. По латеральной делимости фундамента блок соответствует части Шилкинской

гравитационной зоны [15], на глубине 5 км представлен только гнейсодиоритовым и гранулит-базитовым комплексами.

Южная (Монголо-Охотская) тектоническая пластина (блоки VIII-XI) между подстилающим Монголо-Охотским и налегающим Могоча-Бушулейским разломами характеризуется гравитационным полем с наиболее изменчивыми петрофизическими характеристиками активной части земной коры, указывающими на повышенную степень неоднородности и более сложное блоковой строение этой части Амурского геоблока; выделяются четыре блока.

Чернышевский блок прослеживается от начала р. Шилка на северо-восток до левобережья р. Нерча в её приустьевой части, южной границей является Монголо-Охотский разлом, северо-восточной – предполагаемая поперечная (северо-западного направления) глубинная разрывная структура, фрагменты которой картируются на поверхности, а сама она выделяется по геофизическим данным, северо-западной – Могоча-Бушулейский разлом. Петрофизические неоднородности активной части земной коры блока свидетельствуют о его контрастном и мелкоблочном строении. При повышенном общем уровне гравитационного поля отмечены базитовые блоки глубоких частей ДМС, сложенные, вероятно, протобазальтами (плотность $2,88...2,95 \text{ г/см}^3$), блоки фундамента с гранитизированными в прикровельной части породами (плотность $2,70...2,75 \text{ г/см}^3$) и блоки ещё более гранитизированных пород (плотность $2,63...2,67 \text{ г/см}^3$) – структур формирования гранитов, в том числе и лейкократовых. По латеральной делимости фундамента блок соответствует Оловской гравитационной зоне [15], ограниченной резкими тектоническими контактами.

На поверхности блок слагают рифейские метаморфический комплекс (плагиогнейсы, кристаллосланцы), бухточинские гранит-гранодиориты, которые являются рамой для гранитоидов, вулканитов палеозоя и гранитов верхней юры. Значительную часть блока занимают позднемезозойский

вулканогенно-терригенный комплекс и моласса небольшой мощности; на глубине 5 км развиты только комплексы фундамента.

Ундургинский блок по конфигурации напоминает коренной зуб с двойной системой крепления, открытой на северо-восток, а геологически — это локальный сфеночазм [12] или клинораздвиг — «клиновидная в плане расходящаяся под острым углом ясно очерченная граничная и локальная структура, в состав которой входят осадочные и магматические образования» [11]. Северная граница блока протягивается по правобережью р. Ундурги до субмеридиональной приустьевой части, южная — до устья р. Чёрная, центральная — находится на правобережье р. Берея. Эта структура — следствие процессов разъединения блоков, разогрева пород до квазипластичного состояния, которое сопровождалось явлением диапиризма. В пределах блока в прикровельной части выступа архей-протерозойского фундамента преобладают гранитизированные породы плотностью $2,70...2,75$ г/см³. По латеральной делимости фундамента блок соответствует Ундургинской гравитационной зоне [15] с пониженным относительным уровнем поля.

На поверхности этого небольшого блока преобладают гнейсограниты, гнейсогранодиориты, граниты, гранодиориты, кварцевые диориты бухточинского комплекса позднего рифея, в провесах кровли которого сохранились различные по составу гнейсы, кристаллические сланцы, мраморы, кварцито-гнейсы пришилжинского метаморфического комплекса. Чаще в прибрежных частях локализованы габброиды кручининского комплекса, интрузии крестовского гранодиоритового и олекминского гранитового комплексов раннего палеозоя, единичные магматические тела амананского монцитит-гранитового комплекса перми, нерчуганского щелочногранитового комплекса раннего триаса и дутулурского гранитного комплекса верхней юры.

Чачинский блок по конфигурации представляет деформированный (сплюснутый) ромб с северо-восточной диагональю в 140 км и северо-западной — 40

км; фрагмент р. Чача находится по середине блока. Как и все другие, данный блок ограничен разрывными нарушениями, по которым участками формировались верхнемезозойские рифтогенные впадины. По типу геолого-геофизического разреза активной части земной коры представлен выступом архей-протерозойской коры с гранитизированными в прикровельной части породами плотностью $2,70...2,75$ г/см³; петрофизические неоднородности свидетельствуют о присутствии нескольких мелких примерно однотипных по свойствам блоков. По схеме латеральной делимости фундамента блок соответствует юго-западной части Шилжинской гравитационной зоны с относительно повышенным уровнем поля [15].

На поверхности развиты практически те же комплексы рифея, нижнего палеозоя, перми, триаса, что и в Ундургинском блоке, существенно в большей степени присутствует верхнеюрский нерчинский трахиандезит-риолитовый комплекс (гранит-порфиры, гранодиорит-порфиры, монцитит-порфиры, риодациты, трахибазальты).

Шилжинский блок расположен по левобережью р. Шилка, в плане представляет слегка изогнутую полосу субширотного направления, прослеживающуюся на юге от устья р. Чёрная и верховья р. Амазар — на севере в Амурскую область, пересекая под острым углом долину р. Амазар практически на всем её протяжении. Петрофизические неоднородности свидетельствуют о развитии мелких, близких по свойствам, блоков, которые в целом соответствуют выходам фундамента с комплексом метаморфических пород — кристаллических сланцев основного состава, гнейсов с многочисленными включениями меланократовых пород (амфиболитов, метагаббро, метаанортозитов) плотностью $2,75$ г/см³ и аналогичных блоков с гранитизированными в прикровельной части породами плотностью $2,70...2,75$ г/см³. По схеме латеральной делимости фундамента блок соответствует юго-западной части Шилжинской гравитационной зоны с относительно повышенным уровнем поля [15].

На поверхности выходы габбродиоритов раннеархейского амазарского комплекса наблюдаются лишь на отдельных участках, преобладают же гнейсограниты, гнейсогранодиориты, граниты, гранодиориты, кварцевые диориты бухточинского комплекса позднего рифея, в провесах кровли которого сохранились различные по составу гнейсы, кристаллические сланцы, мраморы, кварцито-гнейсы пришилжинского метаморфического комплекса. Меньше развиты раннепалеозойские габбровый кручининский (габбро, габбронориты, анортозиты) и гранодиоритовый крестовский комплексы (гранодиориты, кварцевые диориты, плагиограниты гнейсовидные и массивные). Ещё реже наблюдаются магматические тела инегириского раннемелового трахибазальт-трахириолитового (трахибазальты, трахиандезитбазальты) и нерчинского верхнеюрского трахиандезит-риолитового (гранит-порфиры, гранодиорит-порфиры, монционит-порфиры, риодациты) комплексов.

Выводы. Представление о тектоническом строении Пришилжинского структурно-формационного комплекса основано на синтезе глубинной и поверхностной геологии. Он сочетает объективные данные гравиметрических измерений активной части земной коры и экстенсивность проявления на современной поверхности мультиметальной эндогенной минерализации, своеобразно формировавшейся в неоднородных геологических блоках. Созданная модель способствует целям объективного научного прогноза и разработки гипотезы зарождения, локализации и сохранности полезных ископаемых в условиях протяженной вертикальной колонны флюидных преобразований горных пород и структур. Одновременно целесообразно продолжить исследования по совершенствованию легенд геологических карт масштаба 1:1 000 000 Дальневосточной и Алдано-Забайкальской серий.

Литература

References

1. Атлас глубинного строения земной коры и верхней мантии территории СССР / ред. В.Ю. Зайченко и В.А. Ерхова. М., 1989.
2. Блюман В.А. Субдукционная эрозия // Планета Земля. Тектоника и геодинамика: энцикл. справочник / ред. Л.И. Красный, О.В. Петров, В.А. Блюман. СПб.: ВСЕГЕИ, 2004. С. 608.
3. Геологическая карта Приамурья и сопредельных территорий. Масштаб 1:2 500 000. Объяснительная записка. Санкт-Петербург-Благовещенск-Харбин: МПР РФ [и др.], 1999. 135 с.
4. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). Серия Алдано-Забайкальская. Лист N-50 – Сретенск. Объяснительная записка. СПб.: Картографическая фабрика ВСЕГЕИ, 2010. 377 с.
5. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). Серия Алдано-Забайкальская. Лист M-50 – Борзя. Объяснительная записка. СПб.: Картографическая фабрика ВСЕГЕИ, 2010. 553 с.

1. *Atlas glubinnogo stroeniya zemnoy kory i verhney mantii territorii SSSR* [Atlas of the deep structure of the crust and upper mantle in the USSR]; ed. V.Yu. Zaychenko and V.A. Yerkhov. Moscow, 1989.
2. Blyuman V.A. *Subduksionnaya eroziya* [Subduction erosion]; Earth. Tectonics and Geodynamics: Wikis. handbook; ed. L.I. Red, O.V. Petrov, V.A. Blyuman. St.-Peterburg: VSEGEI, 2004, p. 608.
3. *Geologicheskaya karta Priamuriya i sopredelnyh territoriy. Masshtab 1:2 500 000* (Geological map of Priamurie and adjacent territories. Scale 1: 2 500 000). Explanatory note. St. Petersburg-Blagoveshchensk-Harbin MNR [et al.], 1999. 135 p.
4. *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiyskoy Federatsii. Masshtab 1:1 000 000 (tretie pokolenie)* (State Geological Map of the Russian Federation. Scale 1: 1 000 000 (third generation). Series Aldan-Transbaikal. Sheet N-50 - Sretensk. Explanatory memorandum. St.-Peterburg: Cartographic Factory of VSEGEI, 2010. 377 p.
5. *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiyskoy Federatsii. Masshtab 1:1 000 000 (tretie pokolenie)* (State Geological Map of the Russian Federation. Scale 1: 1 000 000 (third generation). Series Aldan-Transbaikal. Sheet M-50 - Borzya. Explanatory memorandum. St.-Peterburg: Cartographic Factory of VSEGEI, 2010. 553 p.

6. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). Серия Алдано-Забайкальская. Лист М-49 – Петровск-Забайкальский. Объяснительная записка. СПб.: Картографическая фабрика ВСЕГЕИ, 2010. 394 с.

7. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). Серия Дальневосточная. Лист М-51 – Сквородино. Объяснительная записка. СПб.: Картографическая фабрика ВСЕГЕИ, 2009. 448 с.

8. Гусев Г.С., Песков А.И. Геохимия и условия образования офиолитов Восточного Забайкалья // Геохимия, 1996. № 8. С. 723-737.

9. Кирилук В.П. Геология и условия формирования докембрийских комплексов юго-западной окраины Алдано-Витимского щита: дис. на соискание уч. ст. канд. геол.-минерал. наук. ЛГУ, Львов, 1965. 585 с.

10. Козлов С.А., Зайков Е.А., Новченко С.А. [и др.]. Геологическое строение и полезные ископаемые листов N-50-XXVIII, XXIX, XXXIV. Отчет Жирекенской партии о результатах работ по ГДП-200 за 1994-2001 гг. – ФГУГП «Читагеолсъемка», Чита, 2002. 677 с.

11. Красный Л.И. Клинораздвиг // Планета Земля. Тектоника и геодинамика: энцикл. справочник / ред. Л.И. Красный, О.В. Петров, Б.А. Блюман. СПб.: ВСЕГЕИ, 2004. С. 512.

12. Красный Л.И. Сфеночазм // Планета Земля. Тектоника и геодинамика: энцикл. справочник / ред. Л.И. Красный, О.В. Петров, Б.А. Блюман. СПб.: ВСЕГЕИ, 2004. С. 613.

13. Лейфман Е.М., Литвинов В.Л., Фишкин М.Ю. Геологическая карта СССР масштаба 1:200 000. Серия Восточно-Забайкальская. Лист N-50-XXX. Объяснительная записка. М.: Недра, 1969. 56 с.

14. Менакер Г.И. Строение тектоносферы и закономерности размещения рудных месторождений в Забайкалье. Чита: Читагеология, 1989. 65 с.

15. Методическое пособие по изучению глубинного строения складчатых областей для Государственной геологической карты России масштаба 1:1 000 000 /А.А. Духовский (отв. исп.), Н.А. Артамонова, А.И. Атаков и др. СПб.: ВСЕГЕИ, 2005. 135 с.

16. Павленко Ю.В. Геолого-структурные особенности блоков, граничащих с Пришилкинским структурно-формационным комплексом // Вестник

6. Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiyskoy Federatsii. Masshtab 1:1 000 000 (trete pokolenie) (State Geological Map of the Russian Federation. Scale 1: 1 000 000 (third generation). Series Aldan-Transbaikal. Sheet M-49 - Petrovsk-Zabaikal-sky. Explanatory memorandum. St.-Peterburg: Cartographic Factory of VSEGEI, 2010. 394 p.

7. Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiyskoy Federatsii. Masshtab 1:1 000 000 (trete pokolenie) (The State Geological Map of the Russian Federation. Scale 1: 1 000 000 (third generation). Far Eastern Series. Sheet M-51 - Skovorodino. Explanatory memorandum. St.-Peterburg: Cartographic Factory of VSEGEI, 2009. 448 p.

8. Gusev G.S., Sand A.I. *Geohimiya* (Geochemistry), 1996, no. 8. P. 723-737.

9. Kirilyuk V.P. Geology and conditions of formation of Precambrian complexes of the southwestern margin of the Aldan-Vitim shield [Geologiya i usloviya formirovaniya dokembriyskih kompleksov yugo-zapadnoy okrainy Aldano-Vitimskogo shhita]: dis. cand. geol.-mineral. sciences. LSU, Lviv, 1965. 585 p.

10. Kozlov S.A., Zaikov E.A., Novchenko S.A. [et al.]. *Geologicheskoe stroenie i poleznye iskopaemye listov N-50-XXVIII, XXIX, XXXIV* [Geological structure and minerals of the sheets N-50-XXVIII, XXIX, XXXIV]: Zhireken Party report on the results of work on the GFC-200 for 1994-2001. FGUGP «Chitageolse-mka», Chita, 2002. 677 p.

11. Krasny L.I. *Klinorazdvig* [Wedge fault]: Earth. Tectonics and Geodynamics: Wikis. handbook; ed. L.I. Krasny, O.V. Petrov, B.A. Blyuman. St.-Peterburg: VSEGEI, 2004, p. 512.

12. Krasny L.I. *Sfenochazm* [Sfenochazm]: Earth. Tectonics and Geodynamics: Wikis. handbook; ed. L.I. Krasny, O.V. Petrov, B.A. Blyuman. St.-Peterburg: VSEGEI, 2004, p. 613.

13. Leifman E.M., Litvinov V.L., Fishkin M.Yu. *Geologicheskaya karta SSSR masshtaba 1:200 000* [Geological map of the USSR, scale 1: 200 000]. Series Eastern Transbaikalie. Sheet N-50-XXX. Explanatory memorandum. Moscow: Nedra, 1969. 56 p.

14. Menaker G.I. *Stroenie tektonosfery i zakonornosti razmeshheniya rudnyh mestorozhdeniy v Zabaikalie* [Tectonosphere structure and patterns of ore deposits distribution in Transbaikalie]. Chita: Chitageologiya, 1989. 65 p.

15. *Metodicheskoe posobie po izucheniyu glubinnogo stroeniya skladchatykh oblastey dlya Gosudarstvennoy geologicheskoy karty Rossii masshtaba 1:1 000 000* [Textbook for the study of deep structure of the folded regions of Russian State Geological Map scale 1: 1 000 000]; A.A. Dukhovskoy (Resp. App.), N.A. Artamonova, A.I. Atakov and others. St.-Peterburg: VSEGEI, 2005. 135 p.

16. Pavlenko Yu.V. *Vest. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), Chita ZabGU, 2014, no. 8 (111). P. 11-22.

Забайкальского государственного университета, Чита: ЗабГУ. 2014. № 8 (111). С. 11-22.

17. Павленко Ю.В. Глубинное строение и минерагения Юго-Восточного Забайкалья. Чита: ЧитГУ, 2009. 200 с.

18. Павленко Ю.В. К вопросу океанизации земной коры Восточного Забайкалья (Часть I-IV) // Вестник Забайкальского государственного университета, Чита: ЗабГУ. 2013. №№ 05(96)-08(99). С. 141-152 (I), 145-163 (II), 152-160 (III), 168-182(IV).

19. Павленко Ю.В. Объемная геолого-геофизическая модель Юго-Восточного Забайкалья: закономерности размещения эндогенного оруденения (Части I-III) // Вестник Забайкальского государственного университета, Чита: ЗабГУ. 2011. №№ 9 (76)-11(78). С. 102-116 (I), 96-104 (II), 91-103 (III).

20. Павленко Ю.В. Онон-Джелтулакский клинораздвиг как крупная складчато-надвиговая структура // Вестник Забайкальского государственного университета, Чита: ЗабГУ. 2014. № 5 (108). С. 19-25.

21. Павленко Ю.В. Пришилкинский структурно-формационный комплекс Восточного Забайкалья и Верхнего Приамурья: глубинное строение юго-западной части // Вестник Забайкальского государственного университета, Чита: ЗабГУ. 2014. № 7 (110). С. 11-27.

22. Павленко Ю.В. Пришилкинский структурно-формационный комплекс Восточного Забайкалья и Верхнего Приамурья: история геологического развития // Вестник Забайкальского государственного университета, Чита: ЗабГУ. 2014. № 9 (112). С. 26-36.

23. Павленко Ю.В. Структуры кристаллического фундамента и минерагения Юго-Восточного Забайкалья // Проблемы геологической и минерагенической корреляции в сопредельных районах России, Китая и Монголии (Международный симпозиум 2-5 октября 2011 г.). Чита: Экспресс-издательство, 2011. С. 7-11.

24. Парфенов Л.М., Попеко Л.И., Томуртоого О. Проблемы тектоники Монголо-Охотского орогенного пояса // Тихоокеанская геология, 1999. Т. 18. № 5. С. 24-43.

17. Pavlenko Yu.V. *Glubinnoe stroenie i minerageniya Yugo-Vostochnogo Zabaikaliya* [Deep structure and minerogenity of the Southeastern Transbaikalia]. Chita: ChitGU, 2009. 200 p.

18. Pavlenko Yu.V. *Vest. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), Chita: ZabGU, 2013, no.no. 05 (96)-08 (99). Pp. 141-152 (I), 145-163 (II), 152-160 (III), 168-182 (IV).

19. Pavlenko Yu.V. *Vest. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), Chita: ZabGU, 2011, no.no. 9 (76)-11 (78). Pp. 102-116 (I), 96-104 (II), 91-103 (III).

20. Pavlenko Yu.V. *Vest. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), Chita: ZabGU, 2014, no. 5 (108). P. 19-25.

21. Pavlenko Yu.V. *Vest. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), Chita: ZabGU, 2014, no. 7 (110). P. 11-27.

22. Pavlenko Yu.V. *Vest. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), Chita: ZabGU, 2014, no. 9 (112). P. 26-36.

23. Pavlenko Yu.V. *Problemy geologicheskoy i mineragenicheskoy korrelyatsii v sopredelnykh raionah Rossii, Kitaya i Mongolii* (Problems of geological and mineragenous correlation in the neighboring areas of Russia, China and Mongolia): International Symposium, 2-5 October 2011. Chita: Express Publishing, 2011, pp. 7-11.

24. Parfenov L.M., Popeko L.I. Tomurtoogo O. *Tihookeanskaya geologiya* (Pacific geology), 1999. Vol. 18, no. 5. P. 24-43.

Коротко об авторе

Павленко Ю.В., д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ
Сл. тел.: (3022) 35-32-02

Научные интересы: мелкосреднемасштабное геологическое картирование, прогнозирование, поиски, разведка месторождений

Briefly about the author

Yu. Pavlenko, doctor of geological and mineral sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia

Scientific interests: small and medium scale geological mapping, forecasting, searching, prospecting of deposits

УДК 551.435.4 (084.3)

Савельева Полина Юрьевна
Polina Saveleva

Мистрюков Анатолий Александрович
Anatoliy Mistryukov

РЕЗУЛЬТАТЫ СРЕДНЕМАСШТАБНОГО ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ РЕЛЬЕФА ЧУЙСКОЙ ВПАДИНЫ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)

RESULTS OF THE MEDIUM-GEOMORPHOLOGICAL MAPPING RELIEF OF CHUYA DEPRESSION (SOUTHEAST ALTAI)

Авторами представлены результаты изучения геоморфологического строения Чуйской впадины, основанные на материалах полевых наблюдений и дешифрирования космоснимков, проводимых с целью реконструкции истории развития этого района с позднего плейстоцена до наших дней. При проведении среднемасштабного геоморфологического картографирования района использовался снимок Landsat, дешифрирование которого позволило провести детальный анализ рельефа района, выделить границы элементарных поверхностей и определить возрастные генерации элементов мезорельефа. Также для более детального анализа рельефа были использованы снимки высокого разрешения QuickBird и крупномасштабные аэрофотоснимки, которые позволили выделить элементы микрорельефа, осложняющие элементарные поверхности (моренные гряды, межморенные понижения, бугры пучения, термокарстовые котловины, эрозионные рывины, ложбины стока и невысокие уступы террас). Итогом проведенных работ послужило создание электронной геоморфологической карты, по детальности соответствующей масштабу 1:100000.

Подготовка и оформление электронной версии карт осуществлялись с использованием программного обеспечения ArcGIS. Применение компьютерных технологий в современном картографировании позволяет оперативно редактировать и дополнять карты на этапе их составления. Таким образом, гео-

The results of the geomorphological structure studies of Chuya depression, based on the materials of field observations and descriptions of the satellite imagery, conducted in order to reconstruct a history of the area from the late Pleistocene up to now, are discussed in the article.

During the medium-geomorphological mapping of the area satellite image Landsat was used, which interpretation allowed to conduct a detailed analysis of the relief area, to select the boundaries of elementary surfaces and to determine the age generation of mesorelief elements.

For a detailed analysis of the relief high-resolution QuickBird imageries and large-scale aerial imagery were used, that are allowed to allocate the elements of the microrelief, complicating elementary surfaces (moraine ridges, intermoraine depressions, knolls of swelling, thermokarst depressions, erosion drains, gullies and low scarps of terraces). The result of this work was the creation of a geomorphological detailed map of 1:100000 scale.

The preparation and designing of electronic version maps were made by the use of ArcGIS software. The use of computer technologies in the modern mapping operatively allows to edit and complete maps during their drawing up. So, geomorphological map is not only the final product, but also a database for further analysis.

The legend of the geomorphological map was developed according to the morphogenetic principle. The

морфологическая карта является не только конечным продуктом, но и базой данных для дальнейшего анализа.

Легенда геоморфологической карты разработана по морфогенетическому принципу. На карте показаны морфогенетические типы и формы рельефа, которые объединены в четыре группы, отображенные на карте оттенками цвета: флювиальные формы, ледниковые формы, аккумулятивные равнины и склоны. Морфологические особенности отображаются с помощью штрихового рисунка и крапа. Возраст рельефа на карте не указан, так как большинство выделенных морфокомплексов имеют дискуссионное происхождение и представляют собой сложное сочетание более древних погребенных поверхностей с наложенными на них более молодыми, образованными более поздними процессами

Ключевые слова: Горный Алтай, рельеф, межгорные впадины, геоморфологическое картирование, дешифрирование данных дистанционного зондирования (ДДЗ)

map shows the morphogenetic types and landforms which are combined into four groups mapped to color tones: fluvial forms, glacial forms, accumulative plains and hillsides. Morphological features are displayed with line drawing and specks.

The age of relief is not marked on the map, because most defined morphological complexes have a discussion origin and present a complex mix of older buried surfaces with a superimposed young, formed during more recent processes

Key words: Gorny Altai, terrain, intermountain depressions, geomorphological mapping, remote sensing (RS) data interpretation

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 14-05-31501 мол_а и № 13-05-00599а) и междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 53

История развития рельефа Горного Алтая запечатлена в коррелятных осадках, большая часть которых накоплена в межгорных впадинах и широких долинообразных понижениях [1, 2, 4,6]. Изучая рельеф и отложения впадин, мы можем восстановить позднекайнозойскую историю развития региона. Кроме того, впадины располагают значительными равнинными территориями, что является наиболее благоприятным для хозяйственного их освоения. Для рационального использования территории впадин необходимо более детальное изучение их геоморфологического строения. Тем не менее, несмотря на огромное количество материалов, собранных за многолетнюю историю изучения Чуйской впадины, до сих пор многие вопросы об истории формирования четвертичных отложений и рельефа этого района остаются дискуссионными.

Чуйская межгорная впадина расположена в Юго-Восточной части Горного Алтая и является самой крупной в данном регионе (рис. 1), ее протяженность около 70 км и ширина достигает 35 км. Абсолютные отметки в центральной части впадины составляют 1750...1850 м, увеличиваясь к периферии до 2000...2100 м. Она окружена хребтами Чихачёва, Курайским, Южно-Чуйским и отрогом Северо-Чуйского хребта Чаган-Узунским массивом [5]. Территория впадины и обрамляющих склонов хребтов дренируется рекой Чуя и ее многочисленными притоками, наиболее крупные из которых: Кызылшин, Бугузун, Юстыд – на востоке и Елангаш, Себыстей, Ирбисту, Кокозек, Тархата, Чаган-Бургазы, Чаган-Узун – в северо-западной части района (рис. 1).

В ходе полевых работ авторами проводилось детальное геоморфологическое описание отдельных участков района, в результате которого охарактеризованы основные типы элементарных поверхностей рельефа (микрорельеф, угол наклона, описание рыхлых отложений в обнажениях на поверхностях, петрографический состав крупных обломков) [3, 8, 9, 10].

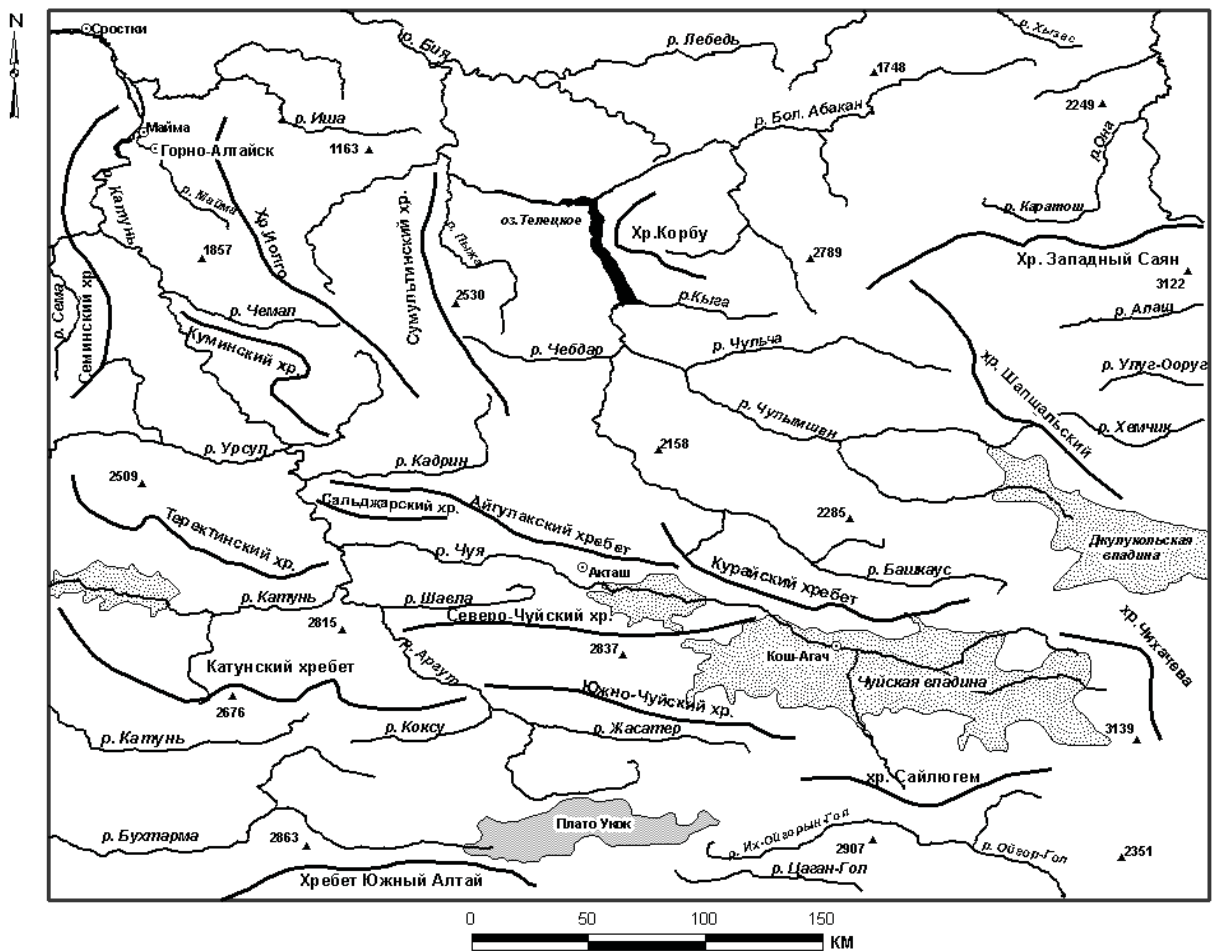

Рис. 1. Орографическая схема Юго-Восточной части Горного Алтая

Поверхность Чуйской впадины в юго-восточной части представляет собой равнину с плоским дном (рис. 3, 7), сложенную преимущественно валунно-галечниками озёрно-флювиогляциальными отложениями, местами перекрытыми маломощной пачкой алевроитов. В зонах островной мерзлоты рельеф осложнен буграми пучения в виде вытянутых мелких гряд и холмов. Неглубокие дефляционные котловины часто представлены солончаками. Понижения, где находятся небольшие ручьи, искусственные оросительные каналы и пойма долины р. Чуя часто сильно задернованы и заболочены с большим количеством термокарстовых озёр [3, 8, 10]. В долинах рек Бугузун, Юстыт, Бар-Бургазы хорошо развит комплекс эрозионно-аккумулятивных террас. В верховьях этих долин выделяются размы-

тые моренные поля, частично перекрытые более молодыми флювиальными отложениями. Комплекс морен хорошо развит также в долине р. Кокоря [1, 6, 7]. Предгорные участки равнины осложнены террасовыми уступами, небольшими долинами постоянных и временных водотоков с конусами выноса и шлейфами. Эта часть впадины в настоящее время наиболее активно подвергается постоянным дефляционным процессам.

Слабо всхолмленный рельеф в северо-западной части равнины объясняется наличием хорошо развитого комплекса морен [1, 6, 7] (рис. 2). На этом участке можно наблюдать как хорошо сохранившиеся увалисто-холмистые морены с конечными грядами, так и размытые поверхности морен. Склоны морен, как правило, крутые, фор-

мируются за счет эрозионного вреза мелких ручьев и рек, а характер их крутизны определен внутренним строением (глыбо-валунно-галечники, плотно сцементированные алевро-песчаным цементом). Эти склоны сильно подвержены процессам денудации, поэтому у подножья морен часто формируются коллювиальные осыпи, оплывы, оползни. Флювиогляциальные равнины и шлейфы расположены с внешней стороны конечных морен. Их поверхности сложены галечниками и валунами, вымытыми из морен. Эти морфологические элементы также подвергаются размыву, их поверхности часто осложнены более современными формами, такими как пролювиально-делювиальными шлейфами и аллювиальными равнинами.

Особую группу составляют отроги хребтов, обрамляющие Чуйскую впадину, представляющие собой элементы расчлененного низкогорного и останцового рельефа (рис. 5, 6). В областях влияния ледников на коренных склонах иногда можно наблюдать следы ледниковой экзарации (бараньи лбы) (рис. 5), а также склоны с четко выраженными мелкими и более крупными террасами озёрно-ледникового происхождения. Террасовые уступы могут быть параллельно склону (в виде ступеней) или слегка наклонные. На некоторых склонах выделяются уступы структурно обусловленного рельефа, ориентированные согласно отдельности и слоистости осадочных толщ. Поверхности уступов слабонаклонные, местами замкнутые коллювиально-делювиальными отложениями (щебень, дресва, отломы). Большая часть коренных пород подвергается активному выветриванию, поэтому эти поверхности представляют собой щетки остроугольных пластин. В некоторых местах привершинные части склонов могут быть крутыми либо наоборот, водораздельные пространства имеют небольшие углы наклона и носят ярко выраженный выровненный характер, местами полностью перекрыты остатками коры выветривания. Склоны хребтов расчленены рытвинами, промоинами и небольшими оврагами. Выносимый с коренных склонов рыхлый обломочный материал скапливает-

ся в межгрядных понижениях и седловинах либо осаждается в виде широких шлейфов и конусов выноса у подножья склонов [1, 5, 8, 9, 10] (рис. 3, 4).

Деградация последнего оледенения повлекла смену основных экзогенных рельефообразующих процессов в ледниковых долинах. Зона аккумуляции сместилась в сторону современного оледенения. В верховьях ледниковых долин, в карах и цирках по-прежнему преобладают процессы экзарации, морозного выветривания и нивации. В области дегляциации, где в настоящее время активизированы эрозионные, гравитационные, делювиальные, солифлюкционные процессы, рыхлый материал выносится водотоками с бортов ледниковых долин, и его основная часть затем переотлагается в самой впадине и за ее пределами [3, 5, 8, 9, 10].

По результатам полевых исследований авторов и дешифрирования космических снимков территории Чуйской впадины составлена цифровая геоморфологическая карта, размер выделов которой соответствует картам масштаба 1:100 000 (рис. 2-7) [8, 9, 10].

На геоморфологических картах мелких и средних масштабов обычно показываются типы рельефа, в нашем случае мы попытались показать различные разновидности элементов рельефа, выделяемые по морфологическим и структурным признакам, по геоморфологическому положению и постгенетическому преобразованию, характеристики которых отражены в *легенде* (Условные обозначения на рис. 5):

1. Флювиальные формы

11. образованные постоянными водотоками;

111. аккумулятивные (поймы);

1111. широкие, задернованные, местами заболоченные, с разветвленными и меандрирующими руслами, старицами;

1112. подверженные размыву, слабо задернованные;

1113. осложненные неглубокими разветвленными каналами стока, слабо задернованные.

112. эрозионно-аккумулятивные;

1121. узкие долины небольших рек с хорошо выраженными террасами, прирусловыми валами и островками;

1122. террасы, сложенные водноледниковыми, ледниковыми, озерно-ледниковыми отложениями, поверхности которых изменены более поздними флювиальными процессами;

1123. долины небольших рек с многочисленными извилистыми и разветвленными руслами и с поймами, почти полностью задернованными и частично заболоченными;

1124. долины небольших пересыхающих водотоков;

11241. узкие с частично заболоченными и задернованными поймами, извилистыми руслами, врезанными в слаболитифицированные и рыхлые отложения;

11242. широкие с разветвленными руслами, слабоврезанные в озерно-флювиальные отложения;

11243. узкие, врезанные в коренные плотные породы;

11244. с частично заболоченной, задернованной поймой и с извилистыми руслами, врезанными в озерно-ледниковые отложения;

11245. широкие с многочисленными извилистыми разветвленными руслами и островками, врезанные в озерные и флювиогляциальные отложения.

12. образованные временными водотоками

121. эрозионные;

1211. большие промоины;

1212. широкие врезанные ложбины стока местами с задернованными днищами;

1213 овраги на склонах, сложенных ледниковыми и флювиогляциальными отложениями.

122. аккумулятивные;

1221. с поймами, частично заболоченными задернованными, и неглубокими каналами стока;

1222. конуса выноса, частично задернованные, осложненные промоинами и разветвленными каналами стока.

2. Ледниковые формы

21. аккумулятивные;

211. морены с хорошо сохранившимися поверхностями;

2111. с холмисто-западинным микро-рельефом и конечными валами;

2112. с хорошо выраженными конечно-моренными валами и межморенными понижениями;

2113. холмистые с западинами и термокарстовыми озёрами.

212. морены с размытыми поверхностями;

2121. плоские с ровной поверхностью;

2122. плоские со слабоволнистой поверхностью;

2123. холмистые, первичный рельеф которых нарушен небольшими оврагами и рытвинами;

2124. размытые, с мелковолнистым рельефом, осложненные глубокими эрозионными рытвинами;

2125. сильно размытые, сглаженные, осложненные микрогрядами и неглубокими эрозионными рытвинами.

213. боковые морены;

2131. перекрытые маломощным чехлом ледниковых отложений, поверхности которых изменены процессами денудации;

2132. перекрытые мощным чехлом ледниковых отложений, первичный рельеф которых осложнен небольшими оползевыми формами и глубокими рытвинами и промоинами;

2133. осложненные крупными оползнями.

22. экзарационные (склоны ледниковых долин);

221. сложенные коренными породами с формами ледниковой экзарации и местами перекрытые маломощным чехлом ледниковых отложений;

222. крутые обвально-осыпные склоны, поверхности которых сглажены процессами оплывневого и делювиального смыва.

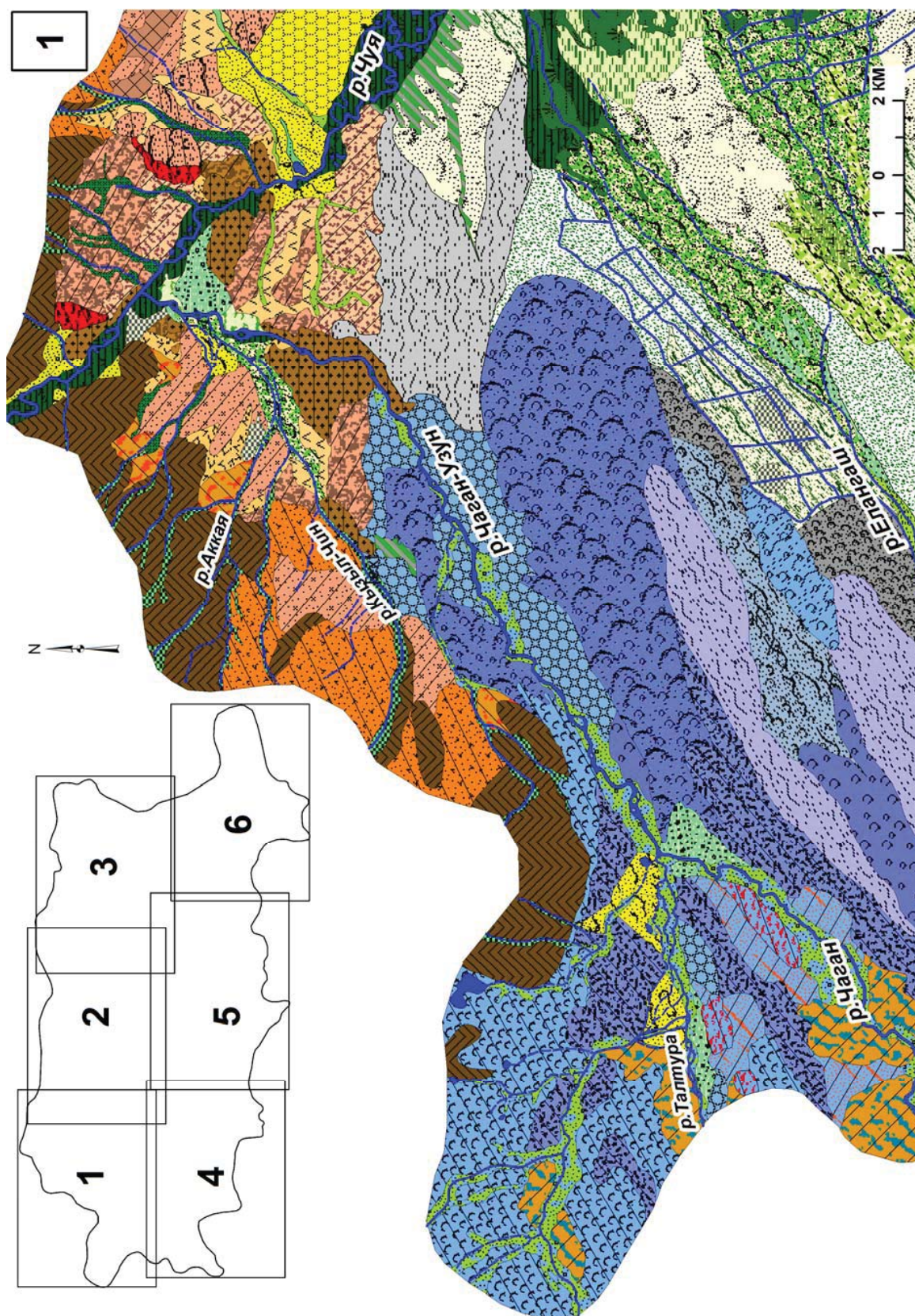

Рис. 2. Схема расположения фрагментов геоморфологической карты Чуйской впадины. Фрагмент карты № 1

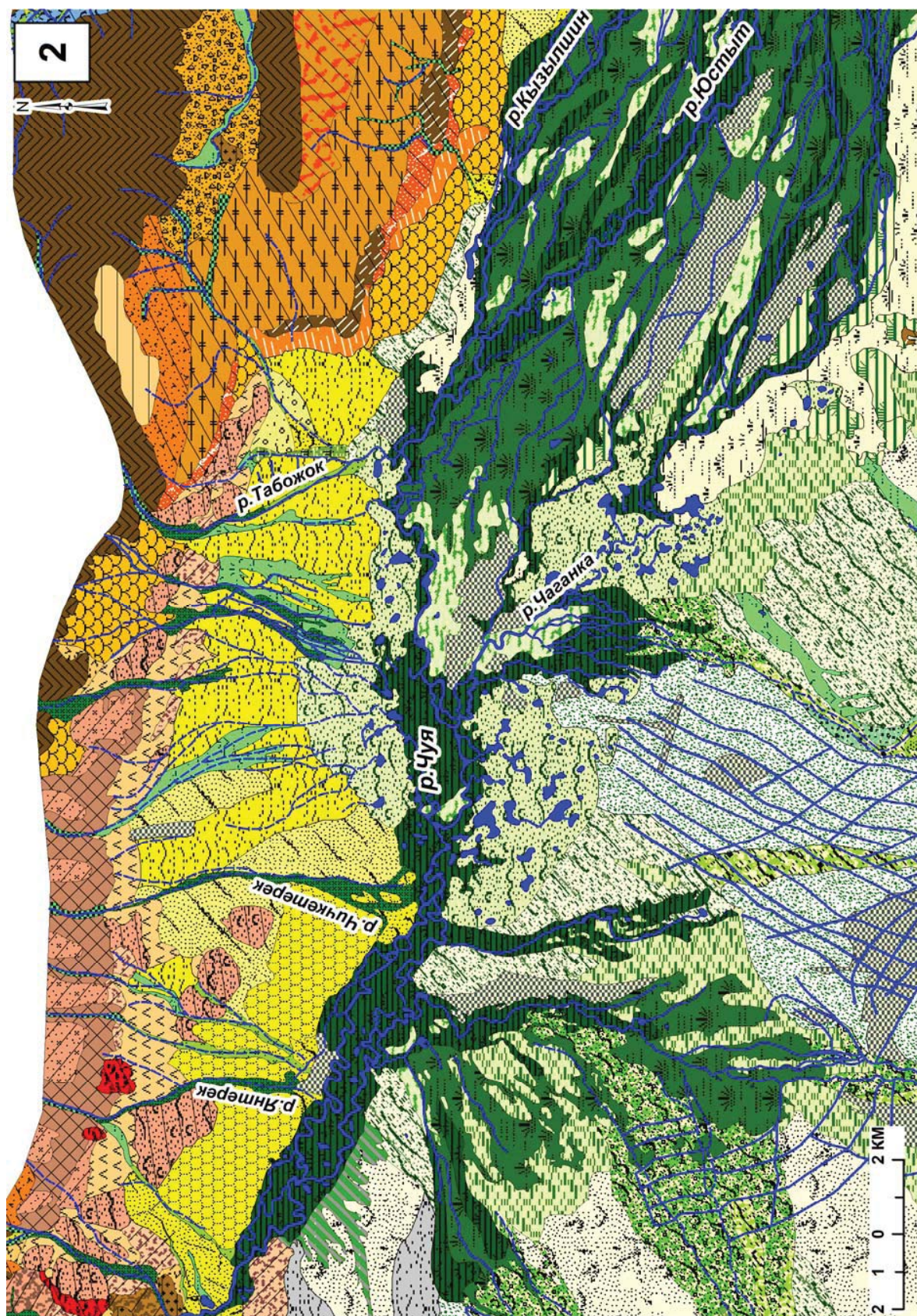

Рис. 3. Фрагмент № 2 геоморфологической карты Чуйской впадины

Рис. 4. Фрагмент № 3 геоморфологической карты Чуйской впадины

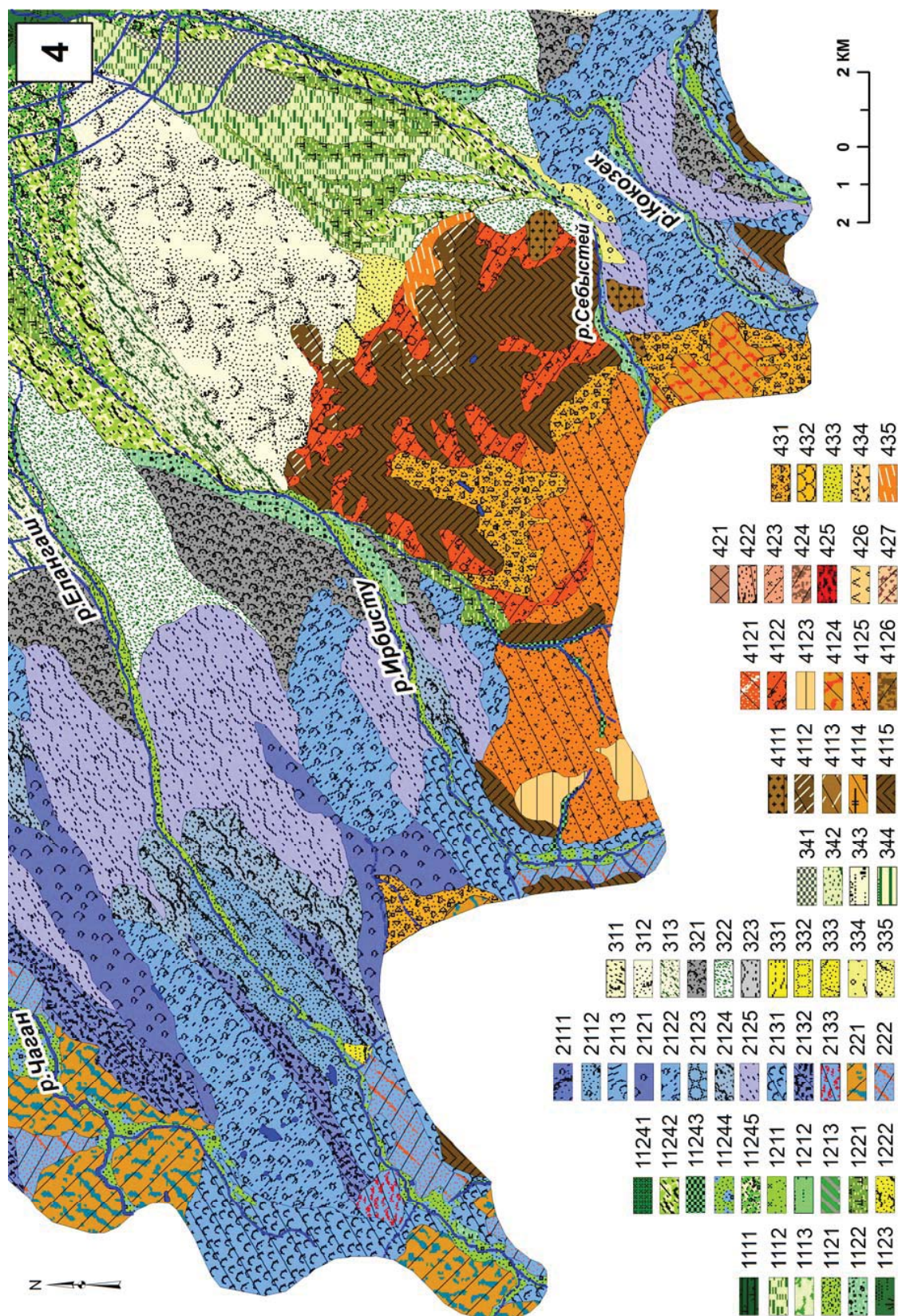

Рис. 5. Фрагмент № 4 геоморфологической карты Чуйской впадины.
Условные обозначения к карте

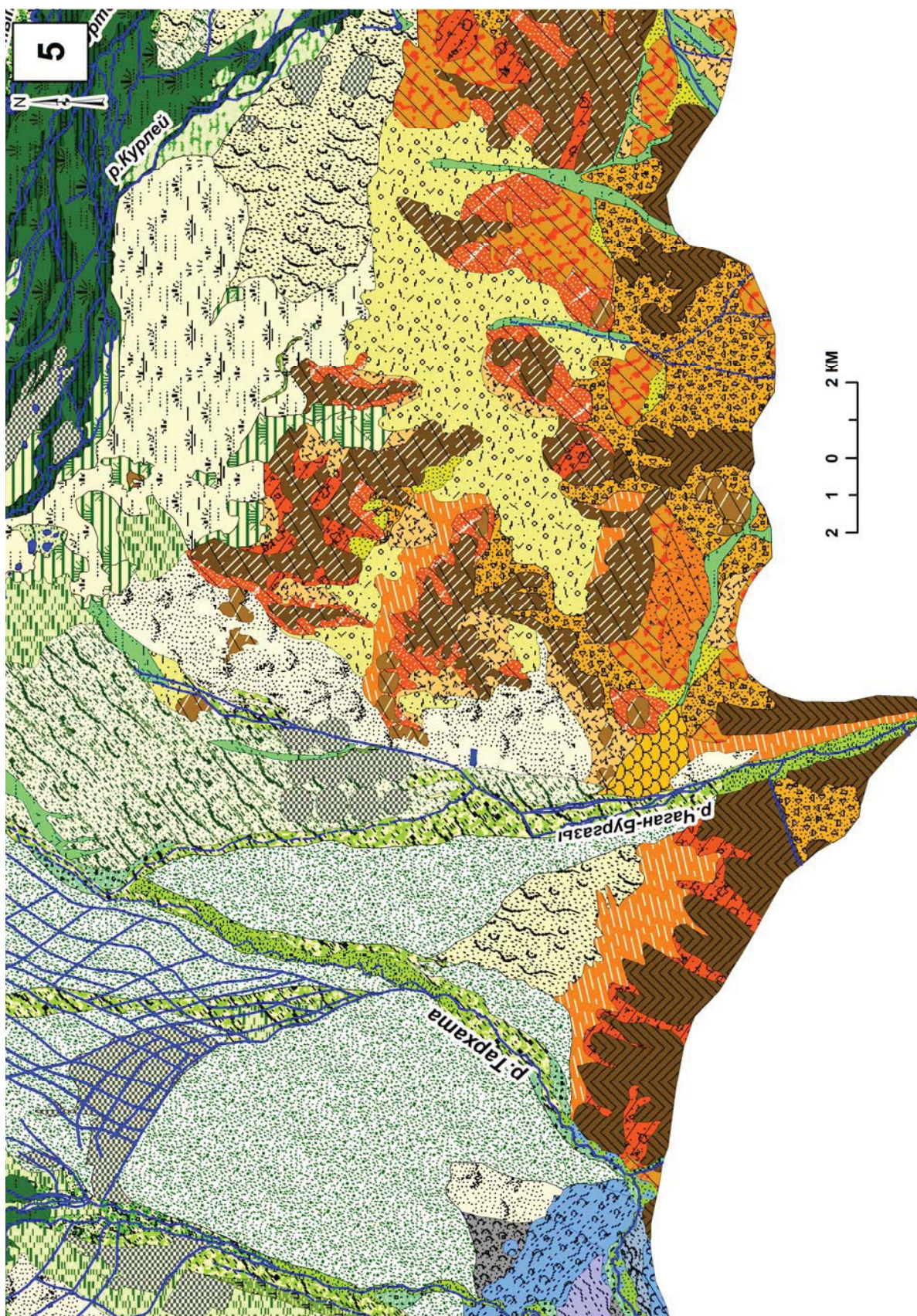

Рис. 6. Фрагмент № 5 геоморфологической карты Чуйской впадины

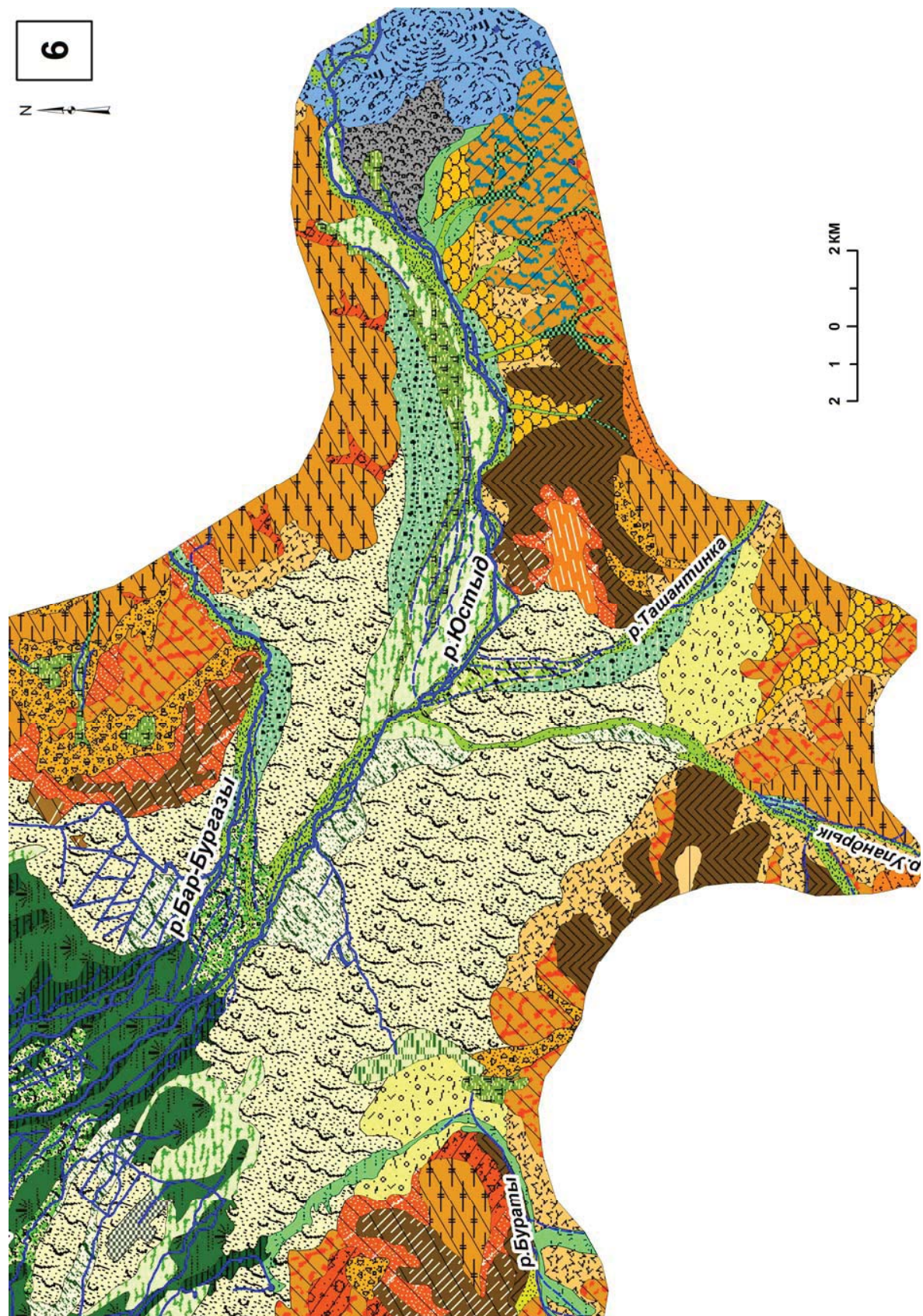

Рис. 7. Фрагмент № 6 геоморфологической карты Чуйской впадины

3. Аккумулятивные равнины

31. сложенные озёрно-флювиогляциальными отложениями;

311. осложненные волнисто-грядовым рельефом;

312. плоские с небольшими холмами с редкими эрратическими валунами;

313. плоские с редкими эрратическими валунами с многочисленными оврагами и промоинами.

32. сложенные флювиогляциальными отложениями;

321. со следами многочисленных линейно направленных блуждающих русел и островов;

322. с сетью небольших веерообразно разветвленных блуждающих сухих русел;

323. с ровной поверхностью, перекрытой крупным валунно-глыбовым материалом.

33. слабонаклонные, сложенные озёрно-флювиогляциальными отложениями, поверхности которых перекрыты мощным чехлом делювиально-пролювиальных отложений;

331. с поверхностями, осложненными промоинами и разветвленными слабо-врезанными каналами временных водотоков;

332. с поверхностями, осложненными холмисто-бугристым микрорельефом, подчеркнутым сетчатым рисунком ложбин и промоин;

333. с поверхностями, осложненными мелкоресистым микрорельефом;

334. с ровными поверхностями;

335. с поверхностями, осложненными озерными абразионно-аккумулятивными уступами.

34. сложенные озёрно-флювиогляциальными отложениями, поверхности которых преобразованы современными процессами.

341. измененные в процессе хозяйственной деятельности человека;

342. с буграми пучения, кочками и мелкими термокарстовыми озерами;

343. солончаками;

344. солончаками, частично заболоченными.

4. Склоны

41. эрозионно-денудационные, сложенные коренными породами;

411. частично перекрытые маломощными склоновыми отложениями;

4111. отдельные небольшие останцово-денудационные возвышенности, поверхности которых частично денудированы и перекрыты маломощными склоновыми отложениями;

4112. отдельные небольшие останцово-денудационные возвышенности, осложненные эрозионно-аккумулятивными уступами (озерного и водно-ледникового происхождения);

4113. склоны, осложненные абразионными уступами (озёрные террасы);

4114. склоны средней крутизны, осложненные структурно обусловленными уступами;

4115. очень крутые и крутые склоны, сильно расчлененные.

412. местами перекрытые рыхлыми отложениями склонового ряда

4121. местами осложненные эрозионно-аккумулятивными уступами (озерного и водно-ледникового происхождения);

4122. небольшие межгрядные понижения, с пролювиально-делювиальными отложениями;

4123. плоские широкие водораздельные поверхности;

4124. средней крутизны с выступами коренных пород, в понижениях перекрытые маломощными коллювиально-делювиальными отложениями;

4125. средней крутизны, слабонаклонные, перекрытые шлейфами коллювиально-делювиальных отложений;

4126. пологие и средней крутизны перекрытыми шлейфами делювиально-коллювиальных отложений, с отдельными выступами коренных пород.

42. эрозионно-денудационные, сложенные коренными слабо литифицированными породами, местами значительно перекрытые рыхлыми склоновыми отложениями;

421. склоны средней крутизны с выступами и коренных пород;

422. останцово-денудационные возвышенности с широкими плоскими водоразделами, перекрытыми частично или полностью пролювиально-делювиальными отложениями, осложненными эрозионно-аккумулятивными уступами;

423. пологие, слаборасчлененные склоны, частично перекрытые шлейфом склоновых отложений;

424. склоны средней крутизны, расчлененные многочисленными оврагами и долинами временных водотоков, с холмисто-грядовым и мелкобугристым рельефом;

425. оползнями;

426. склоны пологие и средней крутизны, перекрытые маломощными шлейфами склоновых, преимущественно делювиально-коллювиальных отложений;

427. склоны пологие и средней крутизны, с сильно размытыми поверхностями, перекрытыми делювиальными шлейфами, расчлененные многочисленными оврагами и долинами временных водотоков.

43. аккумулятивные поверхности, сложенные пролювиальными, делювиальными и коллювиальными отложениями;

431. шлейфы, перекрывающие широкие межгрядные понижения, осложненные промоинами;

432. широкие пологозалегающие шлейфы, осложненные узкими неглубокими ложбинами стока;

433. небольшие конуса выноса и шлейфы у подножьев склонов;

434. маломощные шлейфы, перекрывающие подножья пологих склонов хребтов;

435. делювиально-пролювиальные шлейфы, осложненные абразионно-аккумулятивными уступами.

В результате геоморфологических исследований выделены и описаны основные типы форм рельефа, определена их генетическая принадлежность. Итогом проведенных работ послужило создание электронной геоморфологической карты, по детальности соответствующей масштабу 1:100000.

Литература

1. Девяткин Е.В. Кайнозойские отложения и неотектоника Юго-Восточного Алтая. М.: Наука, 1965. 244 с.

2. Зыкин В.С. Стратиграфия и эволюция природной среды и климата в позднем кайнозое юга Западной Сибири, Новосибирск: Изд-во «Гео», 2012. 487 с.

3. Мистрюков А.А., Савельева П.Ю. Рельеф и экзогенные процессы Чуйской впадины Горного Алтая // Экзогенные рельефообразующие процессы: результаты исследований в России и странах СНГ: Электронный сборник материалов XXXIV Пленума Геоморфологической комиссии РАН. Волгоград: ВГСПУ, 2014.

4. Новиков И.С. Морфотектоника Алтая, Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2004. 313 с.

5. Новиков И.С., Мистрюков А.А., Трефуа Ф. Геоморфологическое строение района Чуйской межгорной впадины (Горный Алтай) // Геология и геофизика. 1995. Т. 36. № 10. С. 64-74.

6. Окишев П.А. Рельеф и оледенение Русского Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 382 с.

References

1. Devyatkin E.V. *Kaynozoyские otlozheniya i neotektonika Yugo-Vostochnogo Altaya* [Cenozoic sediments and neotectonic of the Southeastern Altai]. Moscow, Nauka, 1965. 244 p.

2. Zykin V.S. *Stratigrafiya i evolyutsiya prirodnoy sredy i klimata v pozdnem kaynozoe yuga Zapadnoy Sibiri* [Stratigraphy and evolution of environments and climate during the late Cenozoic in the southern West Siberia], Novosibirsk: Publ. house «Geo». 2012. 487 p.

3. Mistryukov A.A., Saveleva P.Yu. *Ekzogennyye relefoobrazuyushhie protsessy: rezultaty issledovaniy v Rossii i stranah SNG* (Exogenic relief-forming processes, the results of studies in Russia and CIS Countries): Electronic sourcebook of XXXIV Plenum Geomorphological Commission RAS). Volgograd: VSSPU. 2014.

4. Novikov I.S. *Morfotektonika Altaya* [Altai Morphotectonics], Novosibirsk: Pub. house SB RAS, branch «Geo», 2004. 313 p.

5. Novikov I.S., Mistryukov A.A., Trefua Ph. *Russian Geology and Geophysics*, 1995, no. 36 (10), P. 57-66.2.

6. Okishev P.A. *Relief i oledenenie Russkogo Altaya* [Relief and glaciation of Russian Altai]. Tomsk: Pub. house TSU. 2011. 382 p.

7. Попов В.Е. О замкнутых системах краевых ледников в долинах юго-западной части Чуйской степи Горного Алтая // Гляциология Алтая. Томск, 1962. Вып. 1. С. 188-221.

8. Савельева П.Ю. Строение рельефа Чуйской впадины Горного Алтая // Электронный сборник тезисов Пятой Сибирской конференции молодых учёных по наукам о Земле. Секция Региональная геология. Новосибирск, 2010.

9. Савельева П.Ю., Мистрюков А.А. Геоморфологическая карта района Чуйской впадины Горного Алтая масштаба 1:100 000 // Геоморфология и картография: материалы XXXIII Пленума Геоморфологической комиссии РАН. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. С. 97-101.

10. Савельева П.Ю., Мистрюков А.А. Геоморфологическое строение Чуйской впадины (Юго-Восточный Алтай) // Теория геоморфологии и ее приложение в региональных и глобальных исследованиях: материалы Иркутского геоморфологического семинара, Чтений памяти Н.А. Флоренсова. Иркутск: ИЗК, 2010. С. 218-219.

7. Popov V.E. *Glyatsiologiya Altaya* (Altai Glaciology). Tomsk, 1962, no. 1. P. 188-221.

8. Saveleva P.Yu. Elektronny sbornik tezisov Pyatoy Sibirskoy konferentsii molodyh uchyonyh po naukam o Zemle. Sektsiya Regionalnaya geologiya (Electronic book of abstracts of the 5th Siberian Early Career Geo-Scientists Conference. Section of Regional geology). Novosibirsk, 2010.

9. Saveleva P.Yu. Mistryukov A.A. Geomorfologiya i kartografiya: materialy XXXIII Plenuma Geomorfologicheskoy komissii RAN (Geomorphology and cartography: proceedings of the XXXIII Plenum Geomorphological Commission RAS). Saratov: SSU, 2013, P. 97-101.

10. Saveleva P.Yu. Mistryukov A.A. *Teoriya geomorfologii i ee prilozhenie v regionalnyh i globalnyh issledovaniyah: materialy Irkutskogo geomorfologicheskogo seminar, Chteniy pamyati N. A. Florensova*. (Theory of geomorphology and its application in regional and global studies: proceedings of the Irkutsk geomorphological seminar, Readings memory N. A. Florensov). Irkutsk: IEC SB RAS, 2010, P. 218-219.

Коротко об авторах

Савельева П.Ю., мл. науч. сотрудник, Институт геологии и Минералогии СО РАН, ст. преподаватель, каф. «Общая и региональная геология», геолого-геофизический факультет, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, РФ
poli@igm.nsc.ru

Научные интересы: геоморфологическое картирование, дистанционное зондирование, четвертичная геология, эволюционная география

Мистрюков А.А., канд. геогр. наук, ст. науч. сотрудник, Институт геологии и Минералогии СО РАН, доцент каф. «Общая и региональная геология», Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, РФ
amistr@igm.nsc.ru

Научные интересы: геоморфологическое картирование, дистанционное зондирование, четвертичная геология, эволюционная география

Briefly about the authors

P. Saveleva, junior researcher, Institute of Geology and Mineralogy SB RAS, assistant professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Scientific interests: geomorphological mapping, paleogeomorphology, remote sensing, quaternary geology, evolutionary geography

A. Mistryukov, doctor of geographical sciences, senior researcher, Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS, Novosibirsk, Russia

Scientific interests: geomorphological mapping, paleogeomorphology, remote sensing, quaternary geology, evolutionary geography

Политические науки

УДК 325.11

Власова Карина Евгеньевна
Karina Vlasova

ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

FACTORS OF RUSSIAN GERMANS' MIGRATION ON THE TERRITORY OF TRANSBAIKALIE

Статья посвящена исследованию факторов, влияющих на прибытие и современные процессы сокращения численности немецкого населения Забайкальского края. Авторы проанализировали влияние объективных факторов, таких как геополитический, исторический и пришли к выводу о том, что историческая память современных немцев Забайкалья является объективным фактором, способствующим их выезду из региона, пребывание в котором они и их предки считали суровым и несправедливым наказанием. Доказывается, что объективным фактором, который влияет на миграцию российских немцев, является фактор современной миграции населения из Забайкальского края, связанной с ухудшением демографической и экономической ситуации на территории региона. Как свидетельствуют материалы статьи, культурному и этническому растворению немцев способствуют условия проживания в городе, где немцы почти ничем не отличаются от большинства русскоязычного населения. Вместе с этим, содержание статьи доказывает, что имеется субъективный фактор, действие которого способствует не только сохранению немецкого этноса в Забайкалье, но и их объединению, основанному на чувстве патриотизма по отношению к России, Забайкалью, а также стремлении возродить здесь национальную культуру и язык. Заинтересованность в возрождении немецкой культуры на территории Забайкалья проявляется в стремлении забайкальских немцев к активному участию в общественной жизни и взаимодействию с максимально широким общественным, этническим и конфессиональным окружением

Ключевые слова: факторы миграции, российские немцы, немцы Поволжья, забайкальские немцы, Забайкалье, немецкая культура, немецкий язык, лютеранство

The article is devoted to the research of factors influencing on arrival and modern processes of the German population quantity reduction on the Transbaikalie. The authors analysed the influence of objective factors, such as geopolitical, historical factors and have come to the conclusion that historical memory of modern Germans of Transbaikalie is an objective factor assisting their departure from the region, staying in which was considered by their ancestors a severe and unfair punishment.

In the article it is proved, that an objective factor that influences on the migration of the Russian Germans is a factor of modern population's migration from Transbaikalie, related to worsening of demographic and economic situation on the territory of the region. As the materials of the article testify, cultural and ethnic dissolution of Germans is assisted by the terms of residence in a city, where the Germans do not differ from the majority of the Russian-language population. At the same time the content of the article proves that there is a subjective factor which provides not only the preservation of the Germans in Transbaikalie, but their joining up due to patriotic attitude towards Russia and Transbaikalie, as well as their wish to revive national culture and language here. The interest in the revival of German culture in Transbaikalie is seen in the desire of the Germans on the territory of Transbaikalie to active participation in public life and interaction with the widest social, ethnic and religious environment

Key words: factors of migration, Russian Germans, Germans of Povolzhie, Germans of Transbaikalie, Transbaikalie, German culture, German, Lutheranism

Одной из проблем, сопровождающих современное развитие этнической сферы современного Забайкальского края, является тенденция, связанная с устойчивым сокращением численности многих этнических групп. Ярким свидетельством процесса убыли этнического населения является снижение численности забайкальских немцев, фиксируемое начиная с 90-х гг. XX в. Если данные переписи 2002 г. свидетельствуют о наличии 1 294 немцев на территории региона [19; С. 284], то данные переписи 2010 г. – 750 немцев [25]. В это время, согласно данным Читинской организации российских немцев «Хофнунг», в г. Чита проживало около 400 немцев, сегодня – их не более 240 [9]. Таким образом, убыль этнических немцев с территории региона представляет проблему, для понимания сущности которой необходимо ответить на вопрос, какие факторы оказывают влияние на указанный процесс. Вместе с этим, важной задачей является необходимость выяснить причины и условия, способствующие тому, что некоторые из них не только остаются в Забайкалье, но и прилагают значительные усилия, пытаясь возродить культурные традиции российских немцев [7; С. 75].

Об истории появления, жизни и проблемах немцев в Забайкалье упоминали такие издания, как «Сибирская советская энциклопедия» [20; С. 204] и «История Сибири» [12; С. 311]. Особенности различных групп немцев интересовались забайкальские краеведы В.Ф. Балабанов [1; С. 113], В.Ф. Вагнер [2], Г.А. Жеребцов [8; С. 67], Л.В. Краус [13; С. 94], А.Г. Озорнина [17; С. 46], Е.Д. Петряев [18; С. 149], А.И. Чащин [24; С. 54], В.Ф. Немеров [22], Г.А. Юргенсон [28, 8] и др. О жизни и проблемах современных немцев в Забайкалье мы узнаем из информации городской организации читинских немцев «Хофнунг» [27], опубликованных интервью И.А. Решта [9], М. Троицкого [16], других газетных публикаций [10]. В целом, тема российских немцев в Забайкалье привлекает значительное количество авторов, однако вопрос о факторах, влияющих на количество представителей этой национальности,

проживающих в Забайкалье, до сих пор не ставился и не обсуждался.

Отвечая на вопрос о причинах современной миграции немцев из Забайкалья, во-первых, необходимо обратить внимание на наиболее значимые исторические традиции, связанные с алгоритмом прибытия и убытия немцев в регион в течение длительного периода времени. Дело в том, что геополитическое положение Забайкалья как отдаленного, приграничного, но стратегически важного и насыщенного полезными ископаемыми региона России уже на протяжении трех столетий объективно обеспечивает присутствие здесь немцев. Ведь это, как правило, наиболее грамотные и добросовестные специалисты, исследователи, военные, строители и управленцы, находящиеся на службе у российского государства. Однако для понимания особенностей процесса миграции немцев в это время надо иметь в виду, что число их никогда не превышало нескольких десятков, даже после того, как в XVIII в. российское государство стало привлекать их для более интенсивного исследования и освоения этих территорий. Основное приложение усилий для них в Забайкалье – работа, требующая высокого уровня образования и профессионализма, но чаще всего носящая временный характер. Например, крупная группа немцев работала в регионе в связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали [17; С. 46].

Следует отметить, что немцы в это время, как правило, не оставались в Забайкалье на весь период своей жизни. Исключением является семья И. Бальдауфа, горного инженера, чей сын поэт Ф. Бальдауф широко известен в Забайкалье [18; С. 149]. Другим исключением можно считать пример жизни в Забайкалье немцев-декабристов [9], таких как К.П. Торсон, М.К. и В.К. Кюхельбекеры, которые жили в Забайкалье после отбытия сроков ссылки и каторги в Забайкалье в течение многих лет [5; С. 23]. Однако, несмотря на эти примеры в Забайкалье, в отличие от других регионов России, немцы не сформировали слой населения, а также постоянных поселений

или колоний, где бы традиция немецкой культуры вместе с привычкой жить в Забайкалье передавалась бы из поколения в поколение.

В целом, рассмотрение примеров прибытия и убытия немцев в Забайкалье в период XVII-XIX вв. показывает, что в это время не было создано традиции заселения этническими немцами этих территорий по той причине, что они были способны привлечь их лишь на ограниченное время, связанное с необходимостью исполнения воли российского государства. Поэтому можно заключить, что восприятие себя как «временного человека» в Забайкалье, в отличие от многих других регионов России, где в это время были сформированы крупные немецкие колонии [11], закономерно для немцев и исторически присуще побывавшим здесь представителям этого народа.

Традиция восприятия Забайкалья как временного места для своего нахождения и себя как временного человека в регионе укрепились в период начала и середины XX в., когда немцы появлялись здесь как военнопленные. Большая группа немцев была прислана в Забайкалье в годы Первой мировой войны. В Чите тогда оказались тридцать две с половиной тысячи иностранных солдат. Свидетельством их присутствия является братская могила германских, австрийских, турецких военнопленных на территории Старо-Читинского кладбища, где, как считается, похоронено около 700 человек [22].

Как утверждает краевед В.Ф. Немеров, в Чите они проживали в очень хороших условиях, потому что концлагерей тогда не было, а действовало утвержденное Николаем II «Положение о военнопленных», обязывавшее относиться к ним гуманно [22]. Состоятельные читинцы, такие как Шумовы и Зазовские, сдавали военнопленным свободные помещения, за которые платила Городская дума. В большинстве они разместились в селах Антипиша и Песчанка, в казармах в г. Чита на улице Шилова и в районе Михайло-Архангельской церкви [24; С. 54]. Здесь они чувствовали себя вполне свободно, так как им предоставлялась

оплачиваемая работа, жилье, их хорошо кормили. Военнопленные могли посещать рестораны, а для отправления религиозных нужд они ходили в костел, который располагался на пересечении улиц Уссурийская и Сретенская. Некоторые из читинок тогда вышли замуж за военнопленных и дали начало нескольким известным фамилиям в нашем городе, таким как Майзленгер. К примеру, долгое время в Читинском педагогическом институте работала О. М. Майзленгер, благодаря которой был сохранен памятник военнопленным. Однако в своем большинстве, несмотря на гостеприимство читинцев, в 20-е гг. XX в. немцы покинули Забайкалье, как только правительство ДВР даровало им свободу [22].

Значительно большее влияние, чем военнопленные, на этническую среду Забайкалья оказали временно переселенные сюда российские немцы. В 30 гг. XX в. в Советском Союзе в связи с репрессиями началось массовое переселение российских немцев из Поволжья, где уже в 1930-х гг. формировались рабочие «бригады», распределяемые в Забайкалье в районы золотодобычи [13; С. 94]. С началом Великой Отечественной Войны после Указа Президиума ВС СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», российские немцы были выселены в Казахстан, Среднюю Азию, на Урал, в Сибирь и в Забайкалье [7; С. 75]. Предки многих читинских немцев, например семья Шиферштейн, сначала были отправлены из Поволжья в Узбекистан, жили в г. Ташкент, где до сих пор проживает множество немцев, и только затем – в Забайкалье. В это же время из Читинской области некоторых немцев выселяли еще дальше на восток, в Амурскую область [9].

После окончания Великой Отечественной войны репрессированные российские немцы оставались в Забайкалье надолго. Они были переведены на спецпоселение с ущемлением личных прав и ограничением передвижения. В январе 1947 г. в Читинскую область с Урала и Красноярского края прибыли несколько групп немцев-спецпоселенцев, которых расселили в Балейс-

ком, Каларском и Оловяннинском районах и использовали в качестве рабочей силы на предприятиях горной и лесной промышленности. Утраченные права немцы получили на основании Указа Президиума ВС СССР от 13.12.1955 г., но им запрещалось возвращаться к прежнему (до 1941 г.) месту жительства и хлопотать о конфискованном при выселении имуществе [2].

В целом, именно это поколение переселенных в Забайкалье российских немцев сформировало здесь то немецкое население, остатки которого покидают регион в наши дни. Пребывание в Забайкалье они и их потомки оценивали как несправедливое и суровое наказание. Как только российские немцы получили Полную реабилитацию после принятия Законов РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.4.1991 г. и «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г. (в Читинской области на 1998 г. было реабилитировано 239 немецких семей) оно в своей массе отправилось из Забайкалья [13; С. 95].

Кто-то из них уехал в другие регионы России, но большая часть отправилась на историческую Родину, где у них обнаруживались родственные связи. При этом, если на первых порах проблем с въездом в Германию не было, то затем правила въезда ужесточились, так как стали требовать знания немецкого языка и культуры. Многим стали отказывать в переезде без объяснения причин. Однако, несмотря на трудности, связанные с переездом, немцы продолжают уезжать из Забайкалья, что приводит к резкому сокращению их численности в регионе. Таким образом, основным обстоятельством, влияющим на сокращение численности немцев в Забайкалье, является фактор миграции, в соответствии с которым для них наш край — это регион, пребывание в котором возможно только в течение непродолжительного времени.

Таким образом, рассмотрение геополитического и исторического фактора показывает, что отъезд этих людей из Забайкалья в своей массе закономерен, обоснован и подкреплен процессом современной миг-

рации населения из региона, связанной с ухудшением демографической ситуации [15; С. 33]. Как показывают данные, изменение в области политической обстановки, а также социально-экономического развития Забайкальского края неблагоприятно повлияли на сокращение численности населения региона, которая за период с 1990 г. по 2014 г. сократилась на 230, 3 тыс. человек [26].

Еще одним фактором сокращения численности немцев в Забайкалье являются процессы внешнего социального влияния и размывания границ между этносами. Сегодня у представителей этноса большие опасения вызывают тенденции, свидетельствующие об утрате немцами Забайкалья собственно немецкой культуры и культурной идентичности. Как убеждены многие потомки немцев, прибывших в Забайкалье в сер. XX в., современное поколение забайкальских немцев внешне ничем не отличается от русских и не стремится обособиться ни от них, ни от других народов. Кроме этого, сохранению немецкой диаспоры в Забайкалье не способствует то, что немцы не стараются создавать немецкие семьи, а вступают в смешанные браки с бурятами, татарами, русскими, азербайджанцами, дагестанцами, чеченцами и с представителями других национальностей [9].

Сокращение количества немцев, происходящее благодаря воздействию рассмотренных ранее факторов, говорит о том, что исторический, геополитический факторы и фактор внешнего социального влияния в современном Забайкалье не способствуют формированию позитивного образа региона в глазах российских представителей немецкого народа. На фоне сказанного особенностью является то, что в Забайкалье есть немцы, которые не собираются уезжать, более того, они активно прилагают усилия для возрождения своей национальной идентичности и сохранения организационного единства. В противовес перечисленным объективным причинам значимыми здесь являются внутренние, субъективные причины, которые побуждают забайкальских потомков немцев, многие из которых были

репрессированы, выбирать немецкую идентификацию и оставаться при этом гражданами Российской Федерации. Рассматривая субъективный фактор формирования немецкой идентичности в Забайкальском крае, отметим, что возрождение немецкой культуры провозгласили своим лозунгом несколько общественных организаций, действующих в Забайкальском крае, такие как «Видергебурт», «Традиции» и «Хофнунг». Степень их социальной активности различна.

Первым среди них в 1991 г. было зарегистрированное Читинское областное общество российских немцев «Видергебурт», «Возрождение». При своей регистрации оно заявляло о себе как о региональной общественной организации, объединяющей российских немцев, проживающих в Читинской области с целью сохранения и развития немецкой культуры и этноса [3]. Однако после выезда за пределы России большей части своих членов в течение 90-х гг. XX в. общество заметной социальной активности не проявляет. Также не заметно участие в общественной жизни региона со стороны зарегистрированной в 2009 г. в г. Чита «Местной национально-культурной автономии российских немцев читинского района под названием «Традиции» [14]. В то же время на социальном поле Забайкалья очень заметна Читинская городская общественная организация российских немцев под названием «Хофнунг», что в переводе означает «Надежда», которая появилась в 2002 г.

Читинский Центр «Хофнунг» — одна из самых малочисленных немецких организаций в России, так как представительство немцев в регионе невелико. Организация объединяет российских немцев (и лиц других национальностей), проживающих в Чите, с целью возрождения и сохранения этноса, традиций, культуры, немецкого языка, национального достоинства немцев. Социальная активность организации российских немцев в Чите «Хофнунг» направлена на содействие формированию благоприятной социальной и этнической обстановки в Забайкальском крае, созда-

нию взаимодействия с самыми разнообразными группами и организациями [27].

Необходимо отметить, что собственных средств у организации нет, она существует на общественных началах. Наиболее активные представители «Хофнунг» занимаются проблемами организации помимо основной работы. Например, действующий председатель И.А. Решта преподает музыку в средней школе № 22. М.И. Дычко, одна из основателей «Хофнунг», работает учителем немецкого языка в школе № 38. Учителем географии в школе № 47 работает известная немецкая поэтесса Л.В. Пляскина (Крауз).

Приоритетными направлениями деятельности организации являются научно-исследовательская, образовательная, информационная, социальная, культурно-досуговая и издательская деятельность [23]. Основной задачей научно-исследовательской деятельности «Хофнунг» является изучение истории российских немцев Забайкалья, которое реализуется через организацию и проведение конференций, симпозиумов. Уже несколько лет забайкальские немцы участвуют в организации грантовых, исследовательских проектов, связанных с их участием в Гражданском Форуме, ежегодно проводимом в Забайкалье. В рамках программы мероприятия организация участвовала в конкурсе проектов по направлению «Развитие культурно-нравственных традиций народов Забайкалья». В 2004 г. «Хофнунг» победил в конкурсе «Сохранение творческого наследия Российских немцев». В 2005 г. была организована научно-практическая конференция «Взаимодействие и укрепление культур народов Забайкалья». В 2007 г. члены «Хофнунг» приняли участие в проведении научно-практической конференции «Роль российских немцев в развитии культуры и экономики Забайкалья».

В средней школе № 38 действует организованный «Хофнунг» кружок «Поиск», на котором изучение истории немцев в Забайкалье проходит одновременно с изучением немецкого языка. Этой же теме, только с уклоном в сферу поэтического перевода и

изучения материалов о жизни немецких художников, поэтов и композиторов, посвящена работа творческой группы «Наследие». Эта группа занимается изданием книг, посвященных истории и культуре немцев в Забайкалье на русском и немецком языках. Ею подготовлены и выпущены в свет сборники стихов «Мои первые переводы» и «Так пусть звучит мелодия стиха», сборник стихов Ф. Бальдауфа, сборник статей научной конференции «Немцы в Забайкалье: история, культура, современность», сборник стихов и переводов Л.В Краус «Верность истокам», а также книга, посвященная истории семьи Л.В. Краус «Память стучится в сердце», книга Г.А. Юргенсона и С.М. Синицы «Маршрутом Палласа». Готовится к изданию книга на русском и немецком языках «Немцы в Забайкалье» [23].

Основной задачей образовательной и информационной деятельности является сохранение немецкого языка и культуры в Забайкалье. Для читинских немцев «Хофнунг» проводит бесплатные курсы немецкого языка и участвует во всевозможных городских мероприятиях, выступая в немецких костюмах с народными танцами и песнями [16].

Для забайкальских школьников «Хофнунг» организует семинары, такие как «Научно-исследовательская деятельность учащихся как фундамент при выборе будущей профессии» и «Престижность владения иностранным языком в любой профессии». В 2004 г. в рамках международного проекта «Год Германии 2004» проведена «Неделя немецкого языка и культуры» и «В объективе Германия». В 2007 г. организовано проведение молодежного семинара «Культура Германии». В 2011 г. в Чите организован Фестиваль Дней Германии [16]. Ежегодно активисты и энтузиасты организации занимаются подготовкой и проведением Фестивалей детской культуры, регулярно проходящих в рамках празднования Дня города. Не остается без внимания летний отдых, который прагматичные немцы пытаются организовать в условиях совмещения языковой и оздоровительной практики в спортивно-лингвистических лагерях, вы-

езжая в санаторий Дарасун, а также в гг. Красноярск, Минусинск и Германию. Не оставляют без внимания в «Надежде» и тех, кто был переселён в Забайкалье в годы сталинских репрессий. Им оказывают помощь в организации бесплатного отдыха на курортах края.

Хотя немцев, проживающих в Забайкалье, становится меньше, благодаря фестивалям национальных культур, члены Читинской городской организации российских немцев «Хофнунг» смогли подружиться с представителями других диаспор, узнать их обычаи, рассказать о своих. Так, например, немцы принимали участие в проекте «Вместе мы – сила» театра национальных культур «Забайкальские узоры», в рамках которого они выступили на празднованиях Сабантуя, Сагаалгана, Новруза и Дня цыган. Представители других диаспор, в свою очередь, приходят и выступают на немецких праздниках. На данный момент представители разных диаспор совместно проводят праздники, помогают друг другу [27].

В XXI в. важным фактором, способствующим объединению немцев и формированию их идентичности, становится лютеранская религия. Для современных забайкальских немцев важны документально подтвержденные сведения о том, что лютеранство неразрывно связано с традициями немцев [4] и о том, что в Забайкалье, несмотря на репрессии, эти традиции неукоснительно соблюдались [17; С. 46]. Действующая в регионе лютеранская организация находится в тесном взаимодействии с «Хофнунг» [6]. Она появилась в Чите в 2000 г. благодаря усилиям большой немецкой семьи Линкер. Это евангелическая лютеранская община Св. Матфея, которая является частью в Евангелическо-Лютеранской Церкви России (ELKRAS). На настоящий момент ее возглавляет О. Линкер, входящая в актив организации «Хофнунг». Число прихожан относительно общины невелико, не более тридцати, тем не менее, собрания верующих отличаются теплотой и сердечностью. Члены общины поют песни на немецком языке, слушают национальную музыку, читают и сами пи-

шут стихи, делятся рецептами национальной кухни [9].

Итак, «Хофнунг» дал возможность объединиться и лучше узнать друг друга представителям более 100 семей. Организация открыта для всех, на встречи и занятия сюда приходят и те, у кого нет немецких корней. «Пропуском» служит живой интерес к немецкой культуре, желание учиться, узнавать что-то новое. Конечно, деятельность «Хофнунг» не закрывает ее участникам путь из Забайкалья, так как на фоне активности этой организации каждый из членов «Хофнунг» может выбрать свой путь. Важно, что на территории Забайкалья представители немецкого народа ощущают себя членами большой и дружной семьи забайкальцев. При этом внимание к «Хофнунг» как немецкому представительству в регионе есть показатель того, что немецкая культура интересна широкому кругу людей.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что сохранение и возрождение этноса российских немцев в Забайкальском крае в принципе возможно и желательно. Прежде всего, человек должен хотеть быть гражданином России, и это должно определяться не только уровнем жизни, но и воспитанием и знанием истории своей страны. Человек должен иметь основания гордиться и своей национальностью. Российские немцы за почти 300 лет пребывания в Забайкалье сделали много хорошего для России. Нужно, чтобы это знали все российские граждане, включая, конечно, самих российских немцев. Наконец, для сохранения этноса нужны дети, а для этого нужны контакты. Виртуальными контактами в компьютерных сетях при всей их пользе здесь не обойдешься. Реальные контакты возникают на общей территории, общей работе, при совместной учебе, совместном отдыхе.

Подведем итоги:

1. В Забайкальском крае проживают потомки российских немцев, прибывших в регион главным образом из Поволжья в период сталинских репрессий, поэтому в регионе не существует характерных для многих российских территорий постоянных немец-

ких поселений или колоний, а историческая память современных немцев Забайкалья является объективным фактором, способствующим их выезду из региона, пребывание в котором они и их предки считали суровым и несправедливым наказанием.

2. Объективным фактором, который влияет на миграцию из Забайкальского края большинства российских немцев, является фактор современной общей миграции населения из Забайкальского края, связанной с ухудшением демографической и экономической ситуации на территории региона. Отъезд касается не только Германии, но уезжают в другие более развитые регионы России, что указывает на депрессивность Забайкальского края.

3. Фактор внешнего социального влияния способствует культурному и этническому растворению немцев, которые, проживая в городских условиях, почти ничем не отличаются от большинства русскоязычного населения.

4. Важным субъективным фактором, который способствует объединению немцев в Забайкалье, становится деятельность организации увлеченных и равнодушных немцев, связанных между собой стремлением к возрождению национальной культуры, языка. При этом, в силу субъективности, зависящей от личностных, ценностных установок лидеров и участников, они могут быть направлены как на организацию скорейшего выезда немцев из Забайкалья, так и на возрождение культуры российских немцев в Забайкалье. Так, например, закреплению немцев в Забайкалье способствуют усилия активистов организации читинских немцев «Хофнунг». При этом характерно, что ни отъезд, ни закрепление в Забайкалье не являются самоцелью для «Хофнунг». Важным является заинтересованность в возрождении немецкой культуры на территории Забайкалья, которая проявляется в стремлении забайкальских немцев как организованного ядра к активному участию в общественной жизни и взаимодействию с максимально широким общественным, этническим и конфессиональным окружением.

Литература

References

1. Балабанов В.Ф. Исследователи Восточного Забайкалья // Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». Чита, Изд-во ЗабГПУ, 2002. Вып. 5. 211 с.
2. Вагнер В.Ф. Немцы. [Электронный ресурс]: Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=6760> (дата обращения 10.09.2014).
3. Вагнер В.Ф. Видергебурт. [Электронный ресурс]: Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=1627> (дата обращения 12.10.2014).
4. ГАЗК, ф. 31, оп. 1, д. 304.
5. Дамбаев Г.Э. Декабристы М. и В. Кюхельбекеры в Баргузине // Из прошлого и настоящего баргузинских бурят. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд., 1970. С 23-26.
6. Дроботушенко Н.Е., Кизяев И.Л. Лютеранство. [Электронный ресурс]: Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=6947> (дата обращения 12.10.2014).
7. Дульзон А.А. Российские немцы: прошлое, настоящее и будущее. Томск: Изд-во Томского Политехнического университета, 2012. 87 с.
8. Жеребцов Г.А. О лицах немецкой национальности, стоявших на учете в Могочинской спецкомендатуре Читинской области в сороковых – пятидесятых годах XX века // Немцы в Забайкалье: история, культура, современность: материалы межрегион. науч. конф. Чита: Поиск, 2008. С. 67-75.
9. Затирко А. Замечательный сосед. Немцы. [Электронный ресурс]. URL: <http://articles.chita.ru/60758/> (дата обращения: 05.11.2014).
10. Иванова О. По воле судьбы. [Электронный ресурс]: Забайкальский рабочий, 2008. № 37. URL: <http://www.zabaykal.net/chita/po-vole-sudby> (дата обращения 30.10.2014).
11. История немцев в России. [Электронный ресурс]: Rusdeutsch информационный портал немцев в России. URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=3&hmenu01=19> (дата обращения 28.10.2014).
12. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Ленинград: Наука, 1968. Т. 2. 538 с.
13. Крауз Л.В. Память стучится в сердце // Немцы в Забайкалье: история, культура, современность: материалы межрегион. науч. конф. Чита: Поиск, 2008. С. 94-103.
14. Местная национально-культурная автономия российских немцев Читинского района «Традиции». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusprofile.ru/id/4427450> (дата обращения 03.11.2014).
1. Balabanov V.F. *Materialy k «Entsiklopedii Zabaykaliya»* [Materials for «Encyclopedia of Transbaikalie»]. Chita: ed. ZabGU, 2002. Vol. 5. 211 p.
2. Vagner V.F. *Nemtsy* (The Germans) Available at: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=6760> (accessed 10 September 2014).
3. Vagner V.F. *Vidergeburt* (Vidergeburt.) Available at: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=1627> (accessed 12 October 2014).
4. GAZK (GAZK), f. 31, op. 1, d. 304.
5. Dambaev G.E. *Iz proshlogo i nastoyashego barguzinskih buryat* [From the past and present of the Barguzin Buryats]. Ulan-Ude: Buryat. ed., 1970. P. 23-26.
6. Drobotushenko N.E., Kizyaev I.L. *Lyuteranstvo* (Lutheranism) Available at: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=6947> (accessed 12 October 2014).
7. Dulzon A.A. *Rossiyskie nemtsy: proshloe, nastoyashee i budushee* [Russian Germans: past, present and future]. Tomsk: Publishing house of the Tomsk Polytechnic University, 2012. 87 p.
8. Zherebtsov G.A. *Nemtsy v Zabaikalie: istoriya, kultura, sovremennost* (The Germans in Transbaikalie: history, culture, modernity): materials of the interregional scientific conference). Chita, Search, 2008. P. 67-75.
9. Zatirko A. *Zamechatelny sosod. Nemtsyi* (A wonderful neighbor. The Germans). Available at: <http://articles.chita.ru/60758/> (accessed 05 November 2014).
10. Ivanova O. *Po vole sudby* (By the will of fate). Available at: <http://www.zabaykal.net/chita/po-vole-sudby> (accessed 30 October 2014).
11. *Istoriya nemtsev v Rossii* (History of Germans in Russia). Available at: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=3&hmenu01=19> (accessed 28 October 2014).
12. *Istoriya Sibiri s drevneyshih vremen do nashih dney* [History of Russia from ancient times to the present day]. Leningrad, Nauka, 1968. Vol. 2. 538 p.
13. Krauz L.V. *Nemtsy v Zabaikalie: istoriya, kultura, sovremennost* (The Germans in Transbaikalie: history, culture, modernity): materials of the interregional scientific conference. Chita, Search, 2008. P. 94-103.
14. *Mestnaya natsionalno-kulturnaya avtonomiya rossiyskih nemtsev Chitinskogo rayona «Traditsii»* (Local national-cultural autonomy of Russian Germans of the Chita region «Traditions») Available at: <http://www.rusprofile.ru/id/4427450> (accessed 03 November 2014).

15. Миграция населения Забайкальского края // Стат. Сб. Чита, Забайкалкрайстат, 2014. 33 с.
16. Михаил Троицкий – организатор образовательных проектов Россия-Германия. [Электронный ресурс]. URL: <http://guest.chita.ru/troickii/> (дата обращения 25.10.2014).
17. Озорнина А. В Библии можно найти все // Наука, культура. Жизнь. 2004. № 2 (12). С. 46-47.
18. Петряев Е.Д. Первый поэт Забайкалья Федор Иванович Бальдауф (1800 -1839) / Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки по истории культуры края. Чита: Чит. кн. изд., 1954. С. 130-149.
19. Приложения // География Забайкальского края / В.С. Кулаков. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 308 с.
20. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Наука, 1931. Т. 2. 574 с.
21. Сластина Е. Немцы в объективе. [Электронный ресурс]: Земля. № 32. 07.08. 2013. URL: <http://www.zemlya-chita.com/?num=148&it=2926> (дата обращения 01.10.2014).
22. Станиславская Е., Тюльнев А. Первая мировая. Надпись на памятнике на латыни. Здесь обозначены страны, солдаты и офицеры которых оказались в Чите: немцы, австрийцы, венгры, турки. [Электронный ресурс]. URL: <http://tv-altes.ru/index.php?dn=news&to=art&id=7130> (дата обращения 28.09.2014).
23. Харчева О. «Надежде» 10 лет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admin.chita.ru/news/?id=4195> (дата обращения 29.10.2014).
24. Чашин А.И. Срегенский лагерь военнопленных Первой мировой войны (1914-1918 гг.) // Хронограф: забайкальский исторический журнал. 2012. С. 54-83.
25. Численность лиц немецкой национальности, проживающих в субъектах Российской Федерации (по итогам переписи населения 2010 года). [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?menu=29&menu00=5> (дата обращения 04.11.2014).
26. Численность населения Забайкальского края в 2013 г. уменьшилась на 4,9 тысяч человек [Электронный ресурс] URL: <http://news.chita.ru/58110/> (дата обращения 04.11.2014).
27. Читинских немцев объединяет «Надежда». [Электронный ресурс] URL: <http://kzab.ru/index.php?news=26035> (дата обращения 11.10.2013)
15. *Migratsiya naseleniya Zabaikalskogo kraja* [Migration in Zabaikalsky Krai] // Statistical digest. Chita, Zabaikalkraystat, 2014. 33 p.
16. *Mikhail Troitsky – organizator obrazovatelnykh proektov Rossiya-Germaniya* (Mikhail Troitsky – organizer of educational projects from Russia to Germany) Available at: <http://guest.chita.ru/troickii/> (accessed 25 October 2014).
17. Ozornina A. *Nauka. Kultura. Zhizn* (Science. Culture. Life), 2004, no. 2 (12). P. 46-47.
18. Petryaev E.D. *Issledovateli i literatory starogo Zabaikaliya. Ocherki po istorii kultury kraja* [The researchers and writers of the old Transbaikalie. Essays on the history of culture of the region]. Chita: Chita ed., 1954. P. 130-149.
19. Kulakov V.S. *Geografiya Zabaikalskogo kraja* [The geography of Transbaikal region]. Chita, Express publishing, 2009. 308 p.
20. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet encyclopedia]. Novosibirsk: Nauka, 1931. V. 2. 574 p.
21. Slastina E. *Nemtsy v obiektive* (The Germans in objective) Available at: <http://www.zemlya-chita.com/?num=148&it=2926> (accessed 01 October 2014).
22. Stanislavskaya E., Tyulnev A. *Pervaya mirovaya. Nadpis na pamyatnike na latyni. Zdes oboznacheny strany, soldaty i ofitsery kotorykh okazalis v Chite: nemtsy, avstriytsy, vengry, turki* (The first world war. The legend on the monument in Latin. Here are marked countries, soldiers and officers which were in Chita: Germans, Austrians, Hungarians, Turks) Available at: <http://tv-altes.ru/index.php?dn=news&to=art&id=7130> (accessed 28 September 2014).
23. Kharcheva O. *«Nadezhde» 10 let* (The «hope» for 10 years) Available at: <http://www.admin.chita.ru/news/?id=4195> (accessed 29 October 2014).
24. Chashhin A.I. *Hronograf* (Chronograph): Transbaikal historical journal. 2012. P. 54-83.
25. *Chislennost lits nemetskoy natsionalnosti, prozhivayushih v subektah Rossiyskoy Federatsii (po itogam perepisi naseleniya 2010 goda)* (The number of persons of German nationality living in the subjects of the Russian Federation (according to the results of census 2010) Available at: <http://www.rusdeutsch.ru/?menu=29&menu00=5> (accessed 04 November 2014)
26. *Chislennost naseleniya Zabaykalskogo kraja v 2013 g. umenshilas na 4,9 tysyach chelovek* (The population of the Transbaikal region in 2013 decreased by 4.9 thousand people) Available at: <http://news.chita.ru/58110/> (accessed 04 November 2014).
27. *Chitinskih nemsev obedinjaet «Nadezhda»* (The Chita Germans are united by «Hope») Available at: <http://kzab.ru/index.php?news=26035> (accessed 11 October 2013).

28. Юргенсон Г.А. Немцы и Сибирь // Немцы в Забайкалье: история, культура, современность: материалы межрегион. науч. конф. Чита: Поиск, 2008. С. 8-17.

28. Yurgenson G.A. *Nemtsy v Zabaykalie: istoriya, kultura, sovremennost* (The Germans in Transbaikalie: history, culture, modernity): materials of the interregional scientific conference. Chita: Poisk, 2008. P. 8-17.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Власова К.Е., аспирант, мл. науч. сотрудник, НОМЦ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
karina12305@mail.ru

K. Vlasova, postgraduate, junior scientific worker, Transbaikal State University, Chita, Russia

Научные интересы: межкультурное взаимодействие, религиозное мифотворчество, религиозные культуры Забайкалья

Scientific interests: cross-cultural interaction, religious myth-creation, religious culture of Transbaikalie

УДК 327.88

Дудин Павел Николаевич
Pavel Dudin

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МЭНЦЗЯНА И ЕЕ ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

STATE ECONOMIC POLICY OF MENGJIANG AND ITS LEGAL CONFIRMATION

Рассматриваются основные направления и механизмы реализации государственной экономической политики японских оккупационных сил на занятых ими территориях Северо-Восточного Китая. Регион обладал обширными пастбищами и богатыми источниками производства продукции животноводства, поэтому Япония, ощущая острую потребность в стратегических военных ресурсах, используя местные власти и систему государственного регулирования в качестве инструмента, проводила политику контроля экономики страны, пытаясь претворить в жизнь свою стратегию «Война кормит войну». Одним из ключевых ресурсов была овечья шерсть, поставки которой обеспечивали до 90 % потребности Японии в этом товаре. Второе место занимали скот, продукты животноводства и, прежде всего – зерно. Лошади, верблюды, крупный рогатый скот подвергались селекции, предпринимались меры по улучшению их качества и повышению численности. На третьем месте стояли полезные ископаемые: уголь, руда и другие, которые шли на оснащение японской армии и производство оружия.

В связи с этим, были приняты специальные законы и подзаконные акты, которые ставили экономику Мэнцзяна под жесткий контроль оккупационных сил и создавали систему государственных учреждений, реализующих экономическую политику. Оккупанты контролировали экспорт и импорт товаров, ввели правило обязательного лицензирования. Одним из наиболее эффективных инструментов контроля была система регулирования цены товара, когда та или иная продукция закупалась у производителя по заниженной стоимости, а реализовывалась – по завышенной. В результате подобных мер Япония получила мощный прирост ресурсов, а население Мэнцзяна нищало и голодало

This article discusses the basic directions and mechanisms for implementing the government's economic policy of the Japanese occupying forces in the occupied territories of the North-East China. The region had extensive pastures and rich sources of livestock production, so Japan, feeling an urgent need for strategic military resources used local authorities and the system of state regulation as a tool, pursuing a policy of control of the economy, trying to implement its strategy of «war feeds war». One of the key resources was wool and Mengjiang provided up to 90 % of the Japanese demand in it. The second place took livestock production, and especially growing grain. Horses, camels, cattle were selected. And some measures were taken to improve the quality and increase the number of them. The third place took minerals: coal, ore, and other materials that were supplying the Japanese military and arms production. In this regard, special laws and regulations were adopted, and they put the economy of Mengjiang under strict control of the occupying forces and created a system of state institutions implementing economic policy. The occupants controlled export and import of goods, and they established the rule of compulsory licensing. One of the most effective tools for control of the regulation system was the price of goods, when one or the other products were purchased from the manufacturer at a lower cost, but it was implemented - at an inflated. As a result of such measures, Japan received a strong increase of resources, and the population of Mengjiang became impoverished and starved

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, Мэнцзян, экономическая политика, закон, экономические ресурсы

Key words: Inner Mongolia, Mengjiang, economic policy, law, economic resources

На современном этапе для отечественной науки возникает потребность в крупномасштабных исследованиях особенностей государственных, политических и правовых систем ведущих стран мира, с которыми взаимодействует Россия и, прежде всего, это касается Китая, выступающего в качестве экономического и военного партнера, государства с многовековой историей дипломатических отношений, на приграничном пространстве которого в XX в. происходили бурные процессы государственностроительства. В ряде случаев это сопровождалось формированием собственной системы органов власти или отдельных публично-властных институтов. Для успешного существования и развития обеих стран сегодня необходимо иметь верное представление об их государственном и политическом развитии, включая и один из самых драматических периодов истории Китая — период японской оккупации, когда северо-восточные районы были превращены в экономический придаток Японии, а в границах занятого пространства создавались государственноподобные образования, служащие эффективным инструментом освоения ресурсов и природных богатств. Исходя из этого, цель данной статьи состоит в анализе государственной экономической политики, посредством которой японские оккупационные силы претворяли в жизнь план по установлению контроля над всей Юго-Восточной Азией.

Материалов, посвященных изучению и описанию процессов становления государственности у монгольских народов достаточно, однако работ, изучающих предметно государственную экономическую политику Мэнцзяна и Внутренней Монголии и ее правовое закрепление, практически нет. Отдельную категорию источников составляют воспоминания участников тех событий. Зарубежная печать выпускает материал, автором которого является Сэцэн

Захчид (Сэцэнбат, кит. имя — Юй Баохэн), опубликовавший материал на английском, японском, а позднее — и на китайском языках [7, 12, 13]. Авторы, последовательно и предметно работающие с материалом по Мэнцзяну, — Цзин Хай [29], Ци Чжанмин [30], Дин Сяочжэ [17], Баоинь Чаокэт [15] и др. Важно отметить, что и тогда, и сейчас данной проблематикой занимались преимущественно либо университеты Внутренней Монголии, либо центральные учреждения Пекина, Тяньцзиня и некоторые другие крупные научные центры.

В череде современных ученых следует выделить Сун Цунъе, который в своих работах [22, 23, 24, 25], используя значительный объем архивного материала, статистических данных, приводя сведения, содержащиеся в монгольской и китайской прессе 1930-1940-х гг., подробно раскрывает вопросы права и правового регулирования общественных отношений в Мэнцзяне, преимущественно касающихся вопросов экономики и торговли.

Зарубежная литература этого периода выходит под грифом ведущих мировых учебных центров: Оксфорда, Кембриджа, Токийских университетов, куда некоторое время назад устремился поток эмигрантов из Внутренней Монголии. В своих трудах Уильям Бизли [2], Парке Кобл [5], Эдвин Мойз [8], Сара Кросби Мэллори Пэйн [11], Марк Элиот [6], Цинь Юянь [31] и другие [1, 3, 9] не изучают именно Мэнцзян — в большинстве книг он упоминается при описании событий на Севере Китая или во Внутренней Монголии на фоне японской оккупации. Тем не менее, даже этот мизерный объем материала позволяет дополнить имеющиеся данные.

Экономическую сторону монгольских событий в ходе общего исследования опийного рынка в Китае изучают Тимоти Брук и Боб Тадаши Вакабаяши [4]. В работе использован материал японских ар-

живов, опубликованный в 1970-1980-е гг., контекстно освещается нормативная база оборота опиума на Севере страны, создаваемая оккупационными силами.

Среди трудов монгольских авторов подобных работ практически нет, можно отметить единственный полноценный труд Д. Зоригта «Дэ Ван» [32].

Вне зависимости от возросшего объема научного материала, который освещает события во Внутренней Монголии в первой половине XX в., комплексных работ собственно по Мэнцзяну, его правовой системе, развитию государственности и попыток получения государственного суверенитета до настоящего времени нет. Представленные труды имеют иной предмет изучения, фрагментарны и зачастую конъюнктурны, что говорит о необходимости изучения этого вопроса.

Центральная часть Внутренней Монголии, известная в дальнейшем под названием Мэнцзян, всегда являлась предметом особого интереса Японии, который выразился в попытке создания в середине 1930-х гг. независимого Монгольского государства. Северо-Восток Китая выступал в качестве арены монопольной продажи товаров и источника природных богатств, таких как уголь, железо и продукции животноводства, являющейся важным стратегическим военным ресурсом.

Целью Японии было создание единой японско-монгольской экономической системы, главенствующую роль в которой играли японский капитал и японская техника, привлекаемые для разработки необходимых ресурсов, а оккупационные силы осуществляли полный контроль над экономикой со стороны государственного аппарата страны, управляемой с участием местной политической элиты, подконтрольной оккупантам. Только путем четкой и жесткой экономической политики можно было получить необходимое для разработки природных ресурсов оборудование.

Несмотря на богатые запасы полезных ископаемых, промышленность Мэнцзяна была слабо развита. В основном, на деньги, вырученные от продажи сырья, покупались

необходимые товары – еда, одежда, стройматериалы и т.д. В данной ситуации, без контроля над материальными ресурсами, в том числе и над ввозимой продукцией, обеспечить наличие производственных мощностей, необходимых для разработки природных богатств Мэнцзяна, было невозможно. Этой цели и служила японская политика по принятию нормативных правовых актов – законов и распоряжений, которые стали документальной базой для создания работающей как часы системы.

Японцы называли этот район одним из флангов сферы взаимного процветания Восточной Азии [18; С. 251]. Поэтому придерживались «принципа соответствия соответствию», полностью подчиняя экономику оккупированных северокитайских территорий требованиям японской военной экономики. Превратив данный регион в места сбыта японского демпингового товара, захватив рынок, имея в распоряжении богатые и практически неисчерпаемые источники продовольствия, японские власти, на всех этапах от добычи и производства до сбыта и потребления, придерживались в равной мере строгого контроля в выбранном политическом курсе.

Важным стратегическим военным ресурсом выступала шерсть. Япония испытывала острую потребность в ней, в связи с чем первое направление государственной экономической политики сводилось к улучшению и увеличению поголовья овец и получению овечьей шерсти. Ежегодная потребность Японии в шерсти для военных и гражданских нужд оценивалась более чем в 50 тыс. т. Свыше 90 % шерсти импортировалось. К примеру, в 1936 г. импортировано 80531,8 т шерсти [15; С. 4]. По мере развития агрессивной войны рост потребности в военных одеялах и амуниции из шерсти становился всё больше, шерсть стала важным ресурсом для воюющей Японии. Согласно имеющимся данным, в то время поголовье овец составляло 3 млн 955 тыс. овец [15; С. 11], в среднем каждая овца давала 0,75 кг шерсти, таким образом, ежегодное производство шерсти составляло 3 тыс. т. Однако и эти объемы не

могли удовлетворить потребность Японии. Поэтому было принято решение превратить Мэнцзян в базу по производству шерсти и предпринять меры по улучшению и увеличению поголовья овец.

Для реализации этого плана предпринимался ряд правовых мер, призванных улучшить животноводство и увеличить объёмы производства шерсти. В марте 1938 г. правительство Мэнцзяна, подчиняясь указаниям японцев, приняло «Пятилетний план развития производства» (позже преобразованный в «Трёхлетний план развития производства»), пошаговый план развития животноводства, добычи полезных ископаемых, производства сельхозпродукции и развития других сфер экономики. Он был разработан Мэнцзянским Комитетом по развитию Восточной Азии и представлял собой комплексный документ, затрагивавший вопросы развития 8 отраслей народного хозяйства.

Согласно этому плану, 8 октября 1938 г. [15; С. 3] был опубликован документ, предметно регулирующий вопрос развития животноводческих ресурсов Мэнцзяна — «Основные тезисы животноводческой политики Мэнцзяна» (далее по тексту — «Тезисы...»), который ознаменовал собой начало системного подхода в вопросе развития животноводства.

«Тезисы...» представляли собой документ, содержащий официальную позицию японских оккупационных сил от имени монгольских правительственных органов, направленную на развитие и захват богатых животноводческих ресурсов. В них подчёркивалась особая важность животноводческой отрасли экономики государства для производства и оборонной промышленности. На базе усиления её развития основной упор в работе делался на улучшение и увеличение производства лошадей и овец.

25 октября 1938 г. решением Объединённого Совета автономных аймаков Внутренней Монголии, взяв за основу «Тезисы...», был опубликован Закон «Об ограничении вывоза шерсти» и соответствующее постановление «Об исполнении Закона «Об ограничении вывоза шерсти»

[15; С. 4], которые создали систему административного лицензирования при вывозе шерсти. Поэтому лицо, намеревающееся заняться экспортом шерсти, было обязано подать в Объединённый Совет заявление о разрешении на вывоз, в котором указывались: наименование товара, стоимость, экспортёр, подающий заявление и получатель товара, адрес проживания либо юридический адрес, маршрут вывоза товара и прочая необходимая информация. Этими мерами было положено начало системе контроля над вывозом шерсти и продукции из шерсти за пределы страны.

После объединения Мэнцзяна, Чанани и Цзиньбэя данный закон был упразднен. Когда были приняты Закон «О контроле над торговлей» и Закон «О контроле над товарами», они ещё более ужесточили меры контроля вывоза шерсти.

Для удовлетворения потребности в животноводческих ресурсах воюющей Японии правительство Мэнцзяна взяло под контроль вопросы улучшения и увеличения численности домашнего скота. Для начала предстояло улучшить и увеличить численность лошадей как стратегического ресурса, необходимого для военных нужд и развития промышленности Японии и оккупированных её территорий. Согласно имеющимся данным, в конце 1930-х гг. общее поголовье лошадей в районе Мэнцзян составляло 400...500 тыс. голов [15; С. 3]. После того, как Япония начала широкомасштабную агрессию, резко возросла потребность в лошадях для армии, а также для развития добывающей промышленности в Японии и на подконтрольных территориях, Центральных и Восточных регионов Китая. Японцы знали, что монгольская порода лошадей отличается кротким нравом, подходящим ростом, а также хорошо переносит голод, холод, болезни и дальние переходы, являясь настоящей находкой для военных. Поэтому в «Тезисах...» особо выделялось, что «необходимо сделать упор на разведение лошадей» [15; С. 4]. В рамках воплощения этой политики в жизнь предполагалось превратить Мэнцзян в базу для разведения и поставке лошадей, а также

предпринять ряд мер по улучшению и увеличению их количества. Следуя выбранному курсу, Министерство промышленности опубликовало «План увеличения поголовья лошадей в Мэнцзяне» [15; С. 5], в котором основной упор делался на разведении небольших лошадей, пригодных для военных нужд. Также определялось, что селекция и улучшение должны производиться на основе местных пород лошадей без привлечения иностранных пород.

Проектом предполагалось:

- 1) направить из Японии учёных, занимающихся селекцией;
- 2) создать государственные площадки по разведению лошадей, животноводческие опытные станции, конезаводы в каждом уезде (конезавод являлся более крупной единицей, нежели площадки по разведению лошадей), управления коневодства (в каждом хошуне организовать крупные коневодческие хозяйства, которые напрямую управлялись канцеляриями аймаков), площадки по селекции лошадей и прочие организации;
- 3) использовать только хорошо себя зарекомендовавшие местные породы лошадей, разводимые местным монгольским населением;
- 4) производить отделами развития животноводства аймаков закупку у местного населения жеребят;
- 5) ввести регистрацию в сфере селекционной работы;
- 6) усилить контроль над ввозом и вывозом пород лошадей;
- 7) взять под контроль содержание пастбищ;
- 8) распространить ветеринарные знания и технологии на сферу разведения лошадей;
- 9) под руководством правительства проводить мероприятия по лечению и профилактике болезней лошадей и заготовке кормов на зиму;
- 10) поощрять создание колодцев, выращивание кормовых культур и заготовку сена;
- 11) осуществить меры по уменьшению числа волков и сохранению поголовья лошадей в зимний период.

1 октября 1939 г. было издано Распоряжение № 11 «О контроле общественных пастбищ», в соответствии с положениями которого организации, занимающиеся использованием пастбищ, должны были утверждаться только решением Государственного Административного Юаня [26; С. 50]. С этого времени правительственные учреждения осуществляли полное управление всеми процессами в области животноводства.

В 1941 г. был принят «Пятилетний план улучшения ситуации в сфере разведения домашнего скота», в котором более подробно описывались меры по увеличению производства шерсти. 20 октября 1941 г., при совместном финансировании Автономного Правительства Объединённых Монгольских Аймаков и Восточноазиатской ассоциации овцеводов, в городе Чжанцзякоу было создано юридическое лицо – Ассоциация овцеводов Монголии, а на местах созданы племенные станции разведения овец. Проводилась селекция путём завоза из Японии курдючной овцы либо отбора местных пород с наиболее высокой производительностью шерсти, кроме того предпринят целый ряд мер вспомогательного характера. Ответственность за разведение курдючной овцы возлагалась на отделы развития животноводства при администрациях аймаков, а также на племенные станции, которые должны были заниматься закупкой у населения ягнят. В то же время были даны указания контролировать селекцию всем органам власти в хошунах. Показательны в этом плане воспоминания заместителя председателя правительства Мэнцзяна, главнокомандующего Монгольской армией Ли Шоусиня: «После вторжения японских войск в Индию среди японских солдат разразились тропические болезни, в то же время среди солдат Хоугунской дивизии, которая переместилась из Датуня в провинцию Гуанси, также от болезней умерло более тысячи человек. Японцы провели исследования и пришли к выводу, что для лечения и профилактики болезней очень полезна конина, поэтому в уезде Чжанбэй была построена современная скотобойня. После

лошадей табунами сгоняли туда и делали консервы из конины. В результате в аймаке Симэн и в южной части провинции Чахар почти не осталось лошадей» [23; С. 14].

Относительно улучшения других видов домашнего скота также были разработаны планы улучшения и увеличения поголовья в соответствии с реально сложившейся ситуацией в каждой местности. К примеру, в вопросе улучшения и увеличения поголовья коров и быков предпочтение отдавалось мясным и тягловым породам. Проводились работы по улучшению местных пород скота с параллельным привлечением иностранных пород с целью улучшения их характеристик. В сфере разведения верблюдов также предпочтение отдавалось породам, использовавшимся военными для перевозки грузов.

В сфере экспорта домашнего скота были определены организации, уполномоченные заниматься этим видом деятельности. Согласно «Основным тезисам развития животноводства в Мэнцзяне», необходимо было осуществлять контроль над экспортом основных видов скота, особенно за вывозом племенного скота. Кроме запрещения вывоза домашнего скота, не достигшего определённого возраста, также была введена система лицензирования экспорта скота.

10 июня 1939 г. Объединённый Совет принял Закон № 22 «Об ограничении вывоза скота», в котором говорилось: «лица, занимающиеся вывозом за пределы Мэнцзяна лошадей, баранов, коз, верблюдов и коров, должны получить лицензию начальника Главного комитета Объединённого Совета Мэнцзяна... Не достигшие двенадцатилетнего возраста кобылы и не достигшие семилетнего возраста овцы не должны вывозиться за пределы Мэнцзяна, однако кобылы возрастом более 10 лет и овцы возрастом более 5 лет могут беспрепятственно вывозиться в государство Маньчжоу-Го... Нарушение данного закона карается каторжными работами сроком на один год либо штрафом в размере 2 тыс. юаней. Также данное наказание распространяется на лиц, покушавшихся на совершение преступления. Весь домашний скот наруши-

телей конфискуется...» [23; С. 11]. После принятия Закона «О контроле над товарами» данные нормы не нашли в нем своего закрепления и были упразднены. 10 октября 1939 г., взяв за основу Закон «Об ограничении вывоза скота», был принят Закон № 4 «Об ограничении вывоза домашнего скота» и «Основные меры по выполнению Закона «Об ограничении вывоза скота», благодаря которым меры по контролю вывоза скота нашли своё конкретное правовое закрепление и воплощение. Менялся контролирующий орган. Вместо Министерства животноводства за лицензирование теперь отвечало Управление животноводства.

Закон также гласил: «лица, занимающиеся вывозом за пределы Мэнцзяна лошадей, овец, козлов, верблюдов, коров, мулов, ослов и свиней, должны подавать в письменном виде заявление на получение разрешения вывоза скота, в котором в обязательном порядке указывается тип скота, количество, цена и возраст, место выпаса скота, место и способ покупки скота, место вывоза и способ транспортировки, маршрут, адрес и наименование покупателя, профессия, имя и фамилия и прочая информация». После этого на заявлении ставил свою резолюцию начальник Управления животноводства. Изменилась степень тяжести наказания за нарушение действующего законодательства, теперь нарушителю грозило до одного года тюремных работ и штраф в 500 юаней [23; С. 15].

После утверждения заявитель получал лицензию на экспорт, которую он передавал ближайшим органам экономического контроля либо сотруднику Управления животноводства соответствующего аймака, затем при транспортировке скота по железной дороге к сопроводительным документам необходимо было показать данную лицензию.

22 января и 6 мая 1940 г. Закон подвергся изменениям, в него включили пункты об ограничении вывоза ослов, мулов и свиней. 17 сентября 1940 г. новые поправки значительно увеличили меру наказания. В новой редакции закона нарушитель подвергался тюремным работам на срок до

трёх лет и штрафу в размере 5 тыс. юаней, а домашний скот нарушителя закона либо лица, посягнувшего на нарушение закона, подлежал конфискации. Если домашний скот полностью или частично не мог быть конфискован, то выплачивал штраф в размере стоимости домашнего скота [23; С. 9]. Таким образом, контроль над вывозом скота ещё более ужесточался.

Из приведённых данных видно, что ограничениям по вывозу подвергались, в основном, сельхозпродукция, продукция животноводства. Используя местные власти, Япония контролировала материальные ресурсы данного региона. Главной целью контроля являлось получение неограниченного гарантированного доступа к ресурсам, а также обеспечение ввоза материальных ресурсов для разработки захваченных природных ископаемых и накопления финансовых фондов.

В сфере сбыта Япония проводила политику «Снабжения — раздачи зерном», это снабжение шло по порядку: специальные потребности, стандартные и гражданские (потребности населения). Естественно, в первую очередь, обеспечивалось удовлетворение специальных и стандартных потребностей. Расходы на население ограничивались.

Сотрудники спецслужб, шпионы, военные, полицейские, пользуясь своей властью, забирали муку в магазинах по официально установленной цене, а потом перепродавали по ценам черного рынка, зарабатывая до 100 % прибыли. На складе «Фуечана» было 80 тыс. цзиней зерна и описанным ранее способом было изъято 2/3 этого количества, что принесло компании огромные убытки.

Японские империалисты, кроме того, что закупали у населения продовольствие по низкой цене, зачастую отбирали бесплатно для военных нужд. К примеру, 14 июня 1940 г. утверждено постановление Министерства гражданских дел № 10 «Административно-правовые нормы для общественного зернохранилища» [27; С. 96, 100, 101, 142].

На случай голода и заботы о неимущих гражданах уже имеющиеся городские зер-

нохранилища, уездные, районные, волостные зернохранилища в равной степени решено переименовать в общественные. Принудить население запастись продовольствием. Представители Министерства гражданских дел должны были собрать определенное количество продовольствия в городах и уездах, градоначальники и уездные начальники несли ответственность за сбор с населения в должном количестве запасов продовольствия для общественного хранилища; при необходимости собрать налоги в форме наличных денег. По существу, это была своеобразная форма сбора продовольствия с населения в пользу военного провианта.

Из воспоминаний Чжачисчина (на тот момент председателя торгово-промышленной палаты аймака Шилин-Гол): «Аймак Симэн в то время вывозил скот в Маньчжоу-Го и там обменивал его на зерно. Однако из-за разницы между фактической стоимостью скота и официальной закупочной цены скота в Маньчжурию мы несли большие убытки. Причина была в том, что цена, по которой Маньчжурия покупала скот, импортируемый из восточных сомонов аймака Симэн, была намного ниже цены, по которой покупался скот в самой Маньчжурии, а покупать зерно по такой низкой цене невыгодно. Про такую форму торговли маньчжурская сторона говорила, что она заботится о монголах, а на самом деле это была эксплуатация животноводов. На неоднократные обращения Чжачисчина маньчжурский представитель и японские чиновники правительства Монголии говорили, что Монголия должна «оказывать должное содействие в войне в Великой восточной Азии и это не тот вопрос, в котором можно торговаться» [23; С. 16].

Забываясь о контроле над материальными ресурсами, японская сторона, с одной стороны, вывозила полезные ископаемые и продукцию животноводства, а с другой — максимально ограничивала ввоз товаров, необходимых для жизни, ввозя, в основном, материалы, необходимые для разработки полезных ископаемых, что привело к большому дефициту товаров повседневно-

го спроса. В декабре 1943 г. специальный представитель сомона Мэнци провинции Чахар У Хутянь отправил председателю Монгольско-тибетского комитета телеграмму: «В городе Чжанцзякоу после летних каникул из-за нехватки продовольствия были распущены все ученики и учителя средних школ. В сомоне Тумот жизнь населения полностью под контролем японских оккупантов. В 1944-1945 г. людям не хватало еды и одежды, невозможно было купить ни спичек, ни соли, люди вынуждены были собирать солёную землю и добывать из неё соль. Люди вынуждены, как в XVII в., добывать огонь посредством огнива, чтобы приготовить еду. Мужчины и женщины, старые и молодые ходят ободранные и грязные, все худые и с жёлтыми лицами» [23; С. 16].

В условиях острого дефицита товаров первой необходимости японцы ввели систему распределения товаров. Люди, которым выдавались товары, подразделялись на три категории «особые», «важные» и «народ». Сначала удовлетворялись нужды «особой» и «важной» категории получателей и только потом — «народа». Всё это сильно ограничивало возможности простого народа по покупке необходимых товаров: при распределении продовольствия выдавали каждому человеку в месяц по 7,5 цзиней муки, а потом сократили норму до 6 цзиней. В г. Юйцзюй для проживающих в десятикилометровой зоне, исходя из количества людей в семье, разрешалось покупать только однодневную норму продовольствия, а в тридцатикилометровой зоне — только трёхдневную норму продовольствия [23; С. 17].

Председатель правительства Мэнцзяна Дэ Ван Дэмчигдонров вспоминал: «Рис, мука и лучшие продукты уходили японским военным и японцам, местным жителям доставались порченные и некачественные продукты» [23; С. 17].

В столице Мэнцзяна г. Чжанцзякоу снабжение товарами повседневного спроса было ещё хуже, чем в остальных городах.

Чжанцзякоу катастрофически не хватало продуктов питания и других товаров первой необходимости. Согласно нормам выдачи, введённым японцами, вне зависимости от количества человек в семье, в трёхдневный паёк входила одна маленькая коробка спичек и немного масла для лампы, народ постоянно голодал. Подобная политика приводила к тому, что процветал чёрный рынок, на котором можно было приобрести все необходимое по ценам, в несколько раз превышающим их реальную стоимость.

Вследствие потребности японского военного командования в ресурсах Мэнцзян превратился в главного поставщика стратегически важных товаров. Оставшись без поддержки из-за рубежа, Япония стремилась развивать свою военную промышленность с использованием возможностей, которые открывались посредством контроля над Маньчжурией и Внутренней Монголией. Развитие этих регионов стало приоритетным. По аналогии с ресурсами для тяжёлой промышленности, для Японии возникла необходимость смены поставщиков шерсти из стран, не входивших в зону обращения японской йены, на поставщиков, входящих в эту зону. Таким образом, значимость Мэнцзяна для военной политики Японии определялось тем, что во время войны он стал одним из главных поставщиков военных ресурсов.

Базовым комплексным документом, определяющим экономическую политику оккупационных сил, являлся принятый в 1938 г. «Трёхлетний план развития производства», а приоритетными направлениями стали овечья шерсть, скотоводство и продукция животноводства, зерно и добыча полезных ископаемых, с которой было связано развитие тяжёлой промышленности и импорт-экспорт товаров, обеспечивающих ее, что было сделано в кратчайшие сроки и обеспечило успех японской военной кампании как в войне с Китаем, так и на всем пространстве Юго-Восточной Азии.

Литература

References

1. Atwood Chr. Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information. *Twentieth-Century China* 25 (2): 75-113. April 2000.
2. Beasley, W. G. *Japanese imperialism 1894-1945*. Oxford: Oxford University Press, 1987.
3. Black C. E., Dupree L., West E.E., Naby E. *The Modernization of Inner Asia*. M. E. Sharpe, 1991.
4. Brook, Timothy; Wakabayashi, Bob Tadashi. *Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839-1952*. University of California Press, 2000.
5. Coble, Parks M. *Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931 – 1937*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1991.
6. Elliott, Mark C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 59, No. 3, Aug., 2000.
7. Hyer P., Sechin Jagchid. *A Mongolian living Buddha: biography of the Kanjurwa Khutughtu*. SUNY Press, 1983.
8. Moise, Edwin E. *Modern China: A History*. London and New York: Longman, 1986.
9. Narangoa L., Cribb, R. B. *Imperial Japan and national identities in Asia, 1895-1945*. Nordic Institute of Asian Studies monograph series. Routledge, 2003.
10. *Negotiations aid Mongol Autonomy // The New York Times*. November 06, 1933.
11. Paine, S. C. M. *The Wars for Asia, 1911-1949*. Cambridge University Press, 2012.
12. Sechin Jagchid. *Prince Gungasangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization*, Zentralasiatische Studien, 1979.
13. Sechin Jagchid. *The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902-1966*. Bellingham, Washington: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1999.
14. *Self-rule sought by Inner Mongolia // The New York Times*. October 16, 1933.
15. Баоинь Чаокэт. Политика контроля псевдорегима Мэнцзяна в отношении ресурсов: исследование

1. Atwood Chr. *Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information* [Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information]. *Twentieth-Century China* 25 (2): 75-113. April 2000.
2. Beasley W. G. *Japanese imperialism 1894-1945* [Japanese imperialism 1894-1945]. Oxford: Oxford University Press, 1987.
3. Black C.E., Dupree L., West E.E., Naby E. *The Modernization of Inner Asia* [The Modernization of Inner Asia]. M. E. Sharpe, 1991.
4. Brook, Timothy; Wakabayashi, Bob Tadashi. *Opium Regimes* [Opium Regimes]. China, Britain and Japan, 1839-1952. University of California Press, 2000.
5. Coble, Parks M. *Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931 – 1937* [Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931 – 1937]. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1991.
6. Elliott, Mark C. *The Journal of Asian Studies* (The Journal of Asian Studies). Vol. 59, no. 3, Aug., 2000.
7. Hyer P., Sechin Jagchid. *A Mongolian living Buddha: biography of the Kanjurwa Khutughtu* [A Mongolian living Buddha: biography of the Kanjurwa Khutughtu]. SUNY Press, 1983.
8. Moise, Edwin E. *Modern China: A History* [Modern China: A History]. London and New York: Longman, 1986.
9. Narangoa L., Cribb, R.B. *Imperial Japan and national identities in Asia, 1895-1945*. Nordic Institute of Asian Studies monograph series [Imperial Japan and national identities in Asia, 1895-1945. Nordic Institute of Asian Studies monograph series]. Routledge, 2003.
10. *Negotiations aid Mongol Autonomy* (Negotiations aid Mongol Autonomy): *The New York Times*. November 06, 1933.
11. Paine, S. C. M. *The Wars for Asia, 1911-1949* [The Wars for Asia, 1911-1949]. Cambridge University Press, 2012.
12. Sechin Jagchid. *Prince Gungasangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization* [Prince Gungasangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization], Zentralasiatische Studien, 1979.
13. Sechin Jagchid. *The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902-1966* [The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902-1966]. Bellingham, Washington: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1999.
14. *Self-rule sought by Inner Mongolia* (Self-rule sought by Inner Mongolia): *The New York Times*. October 16, 1933.
15. Baoin Chaoket. *Zhurnal Universiteta Vnutrenney Mongolii (gumanitarnye i sotsialnye nauki)*

дование государственной политики в области животноводства // Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки). 2001. № 5. (宝音朝克图. 伪蒙疆政权的物资统制政策: -家畜统制政策的研究. 内蒙古大学学报 (人文社会科学版), 2001. 5).

16. Дин Сяочжэ. Избранные материалы об истории открытия общественных школ и Обществе японской дружбы / Ин-т истории и культуры Университета Внутренней Монголии, г. Хух-Хото // Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки). 2007. № 5. (丁晓杰. 日本善邻协会兴亚义塾始末述论. 内蒙古师范大学历史文化学院, 内蒙古, 呼和浩特, 内蒙古大学学报 (人文社会科学版), 2007. №5).

17. Дин Сяочжэ. Так называемый «отец-основатель» Мэнцзяна – псевдорегим Мэнцзяна и глава корпуса японских советников Кания Акирацуги // Журнал социальных исследований. 2011. Март. (丁晓傑, 所謂“蒙疆肇建之父”-偽蒙疆政權日本最高顧問金井章次, 社會科學研究 2011 年第3期).

18. Накамура. Экономика Мэнцзяна (Японское издание). Издательство Югуан, 1941. – глава 11. (中村信著《蒙疆的经济》(日文版), 有光社, 1941年版, 第11)

19. Обзор собрания монгольского законодательства: сб. документов Управления по делам аймаков Автономного Монгольского Объединенного Правительства «Обзор собрания Монгольского законодательства». Т. 1 (положения основных законов). Издание Управления науки Мэнцзяна. – Чжанцзякоу, 1940. (蒙古联合自治政府总务部编纂. 蒙古法令辑览: 第一卷 (基本法篇). 张家口: 蒙疆行政学会发行, 1940).

20. Обзор собрания монгольского законодательства: сб. документов Управления по делам аймаков Автономного Монгольского Объединенного Правительства «Обзор собрания монгольского законодательства». Т. 2 / Издание Управления науки Мэнцзяна. – Чжанцзякоу, 1941. (蒙古联合自治政府总务部编纂. 蒙古法令辑览: 第二卷. 蒙疆行政学会发行, 1941).

21. Рэн Цийи. Антикommунистическая деятельность режима и ее культурные аспекты в Мэнцзяне / Гуманитарный институт Университета Внутренней Монголии, г. Хух-Хото // Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки). 2008. № 1. (任其悻. 蒙疆政权在文化方面的反共活动. 内蒙古大学人文学院, 内蒙古, 呼和浩特, 内蒙古大学学报 (哲学社会科学版). 2008. №1).

22. Сун Цунъе. Предварительные исследования уголовно-процессуального законодательства псевдорегима в Мэнцзяне / Ин-т монголоведения Университета Внутренней Монголии, г. Хух-Хото // Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки). 2010. № 2. (宋从

(Journal of Inner Mongolia University (Humanities and social sciences), 2001, no. 5.

16. Dean Syaochzhe. *Zhurnal Universiteta Vnutrenney Mongolii (gumanitarnye i sotsialnye nauki)* (Journal of Inner Mongolia University (Humanities and social sciences), 2007, no. 5.

17. Dean Syaochzhe. *Zhurnal sotsialnyh issledovaniy* (Journal of social research), 2011. March.

18. Nakamura. *Ekonomika Mjenczjana* [Economy of Mengjiang]. Publisher Yuguan, 1941. Chapter 11.

19. *Obzor sobraniya mongolskogo zakonodatelstva: sb. dokumentov Upravleniya po delam aymakov Avtonomnogo Mongolskogo Obedinennogo Pravitelstva «Obzor sobraniya Mongolskogo zakonodatelstva»* (Review of the meeting of the Mongolian legislation: Sat. documents of the office of the Joint Mongolian aimaks of autonomous government «Review Meeting of the Mongolian law»). Vol. 1 (basic laws' provisions). Publication of the Office of Science Mengjiang. Zhangjiakou 1940.

20. *Obzor sobraniya mongolskogo zakonodatelstva: sb. dokumentov Upravleniya po delam aymakov Avtonomnogo Mongolskogo Obedinennogo Pravitelstva «Obzor sobraniya mongolskogo zakonodatelstva»* (Review of the meeting of the Mongolian legislation: Sat. documents of the office of the Joint Mongolian aimaks of autonomous government «Review Meeting of the Mongolian law»). Vol. 2. Issue Management Science Mengjiang. Zhangjiakou 1941

21. Ren Tsiy. *Zhurnal Universiteta Vnutrenney Mongolii (gumanitarnye i sotsialnye nauki)* (Journal of Inner Mongolia University (Humanities and social sciences), 2008, no. 1.

22. *Zhurnal Universiteta Vnutrenney Mongolii (gumanitarnye i sotsialnye nauki)* (Journal of Inner Mongolia University (Humanities and social sciences), 2010, no. 2.

越. 伪蒙疆政权刑事诉讼法初探. 内蒙古大学蒙古学学院, 内蒙古呼和浩特, 内蒙古大学学报 (哲学社会科学版), 2010年2月).

23. Сун Цунъе. Характеристика правового регулирования экономических ресурсов Мэнцзяна. 2011. (伪蒙疆政权的物资统制法律制度, 发布时间, 作者: 宋从越2011年.).

24. Сун Цунъе. Характеристика правовой системы псевдорезима в Мэнцзяне / Факультет политики и права Педагогического университета Баотоу // Иньшан: академический журнал (социальные науки). 2010. № 23 (5), Май. (宋从越, 伪蒙疆政权立法的特点, 包头师范学院, 政治与法律学院, 内蒙古, 包头, 阴山学刊 (社会科学版), 2010年05期23 (5)).

25. Сун Цунъе. Японская политика в Мэнцзяне по управлению торговлей // Исторический сборник. 2008. № 3. (宋从越. 《日本在伪蒙疆政权时期实行的贸易统制政策》, 载《史林》2008年第3期).

26. Управление делами Объединённого Монгольского автономного правительства. Собрание законов Монголии (первый том «Индустрия»). Чжанцзякоу. Главный научный институт Мэнцзяна. 1940. (蒙古联合自治政府总务部. 蒙古法令辑览 (第一卷“产业篇”). 张家口: 蒙疆行政学会, 1940)

27. Фудао Юэчэн (ред.). Ежегодник Мэнцзяна (японское издание). Информационное агентство Мэнцзяна. 1941 (福岛义澄编《蒙疆年鉴》(日文版), [伪]蒙疆新闻社, 1941年).

28. Цай Хунюань. Интеграция республиканского законодательства. Ч. 65. – Хэфэй: Изд-во Хуаньшан, 1999. (蔡鸿源. 民国法规集成: 第65册. 合肥: 黄山书社, 1999).

29. Цзин Хай. Политическая власть в Мэнцзяне. Собрание комментариев к новой истории Внутренней Монголии. – Хух-Хото: Народное изд-во Внутренней Монголии, 1986. (金海, 白拉都格其. 蒙疆政权. 内蒙古近代史译丛 第一辑. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1986).

30. Ци Чжанмин. Участие японских вооруженных сил в создании Мэнцзяна. Научные исследования сопротивления японским захватчикам. 2002. (祁建民, 日本陆军与“蒙疆联合委员会”, 抗日战争研究2002年2期).

31. Цинь Юянь. Основополагающие документы о конфликтах с участием японских сухопутных и военно-морских сил. 2-е изд. – Токио: Изд. объединение высших учебных заведений, 2005. (秦郁彦编《日本陸海軍総合事典》第2版、東京大學出版會、2005年).

32. Зоригт Доржийн. Дэ Ван. – Улаанбатаар: Адмон, 2011.

23. Song Tsune. *Harakteristika pravovogo regulirovaniya ekonomicheskikh resursov Mjenczjana* [Characteristics of the legal regulation of Mengjiang economic resources]. 2011.

24. Song Tsune. *Inshan: akademicheskij zhurnal (sotsialnye nauki)* (Inshan: Academic Journal (Social sciences), 2010, no. 23 (5), May.

25. Song Tsune. *Istoricheskiy sbornik* (Historical collection of articles), 2008, no. 3.

26. *Upravlenie delami Obedinyonnogo Mongolskogo avtonomnogo pravitelstva. Sbranie zakonov Mongolii (pervy tom «Industriya»)* (Management of the affairs of the Joint Mongolian Autonomous Government. Collection of Mongolian laws (the first volume of «Industry»): Zhangjiakou. Chief Mengjiang Research Institute. 1940.

27. Fouda Yuechen (eds.). *Ezhegodnik Mjenczjana* [Yearbook of Mengjiang]. Mengjiang news agency. 1941.

28. Tsai Hunyuan. *Integratsiya respublikanskogo zakonodatelstva* [Integration of republican legislation]. Ch 65 - Hefei Univ Huanshan, 1999.

29. Ching Hai. *Politicheskaya vlast v Mjenczjane. Sbranie kommentariev k novoy istorii Vnutrenney Mongolii* [Political power in Mengjiang. Collection of comments on a new history of Inner Mongolia]. Hohhot: People's Publishing House in Inner Mongolia, 1986.

30. Qi Chzhanmin. *Uchastie yaponskih voornzhennyh sil v sozdaniü Mjenczjana* [Participation of Japanese forces in creating Metsnzyan]: Research of resistance against Japan invaders, 2002.

31. Qin Yuyan. *Osnovopolagayushhie dokumenty o konfliktah s uchastiem yaponskih suhoputnyh i voenno-morskih sil* [Background documents on the conflicts involving the Japanese land and naval forces]. Tokyo Univ. association of higher education institutions, 2005.

32. Zorigt Dorzhijn. *Dje Van. – Ulaanbataar: Admon* [De Van. – Ulaanbataar: Admin], 2011.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Дудин П.Н., канд. полит. наук, доцент каф. «Международное право и международные отношения», юридический факультет, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия
dudin2pavel@gmail.com

P. Dudin, candidate of political sciences, associate professor, International Law and International Relations department, Law faculty, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Научные интересы: государство, государственность, международные отношения, международное признание, Внутренняя Мон-голия, право, политическая и правовая мысль русской эмиграции, религиозные нормы, гражданское общество, права человека

Scientific interests: state, statehood, international relations, international recognition, Inner Mongolia, law, political and legal thought of the Russian emigration, religious norms, civil society, human rights

УДК 321.7

Лаврик Наталья Владимировна
Natalia Lavrik

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА КАК ПРЕДПОСЫЛКИ К ЗАРОЖДЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

THEORETICAL CONCEPTS OF INFORMATION SOCIETY AS A PREREQUISITE TO THE ORIGIN OF E-DEMOCRACY

Анализируются теоретические основания концепций информационного общества как исторического аспекта зарождения основ электронной демократии. Отмечается, что истоки этих концепций уходят в теоретические положения доктрин постиндустриализма, которые выделяют главную роль знания в развитии общества и констатируют быстрый переход от производства материальных благ к производству услуг и информации. Излагается краткий обзор теории постиндустриального общества, которая появилась в результате синтеза разных подходов к оценке динамики состояния и развития общества. Дается краткая характеристика концепций постиндустриального общества, представленных Д. Беллом, З. Бжезинским. Теория постиндустриального общества Д. Белла представила собой первую попытку понимания сути нового информационного пространства, а также развивающихся коммуникационных технологий как главных факторов перехода к новой форме демократии. Согласно теории З. Бжезинского, постиндустриальное общество преобразуется в технотронное общество, которое в культурном, экономическом, социальном, психологическом отношениях формируется под воздействием электроники и техники. Акцентируется внимание на концепциях, которые вызвали неординарное отношение со стороны традиционной науки, исследователей – Маршала Маклюэна (ввел понятие «электронное общество») и Элвина Тоффлера. Теория Э. Тоффлера обратила внимание на роль информационно-коммуникационных технологий в преобразовании сферы экономики, политики и современного общества. Среди российских ученых в статье отмечены В.Л. Иноземцев, Р.Ф. Абдеев,

The article analyzes theoretical concepts of information society, as a historical aspect of the basis of e-democracy origin. It is noted that the origins of these concepts go into theoretical positions post-industrialism doctrines that point out a major role of knowledge in the development of society and state the rapid transition from the production of material goods to the production of services and information. A brief overview of the post-industrial society's theory, which appeared as a result of different approaches' synthesis to assessing the dynamics of the society's state and development, is presented. A description of the post-industrial society's concepts, presented by D. Bell, Z. Bzhezinsky, is given. The theory of postindustrial society presented by D. Bell was a first attempt to understand the essence of a new information environment, and also the developing communication technologies as the main factors of transition to a new form of democracy. According to the theory developed by Bzezinsky, postindustrial society is transformed into technotronic society which is culturally, economically, socially, psychologically formed under the influence of electronics and engineering. The emphasis is made on the concepts that have caused extraordinary attitude of traditional science researchers - Marshall McLuhan (introduced the concept of «e-society») and Elvin Toffler. The theory by E. Toffler highlighted the role of ICT in transforming the sphere of economy, politics and contemporary society. Among the Russian scientists V.L. Inozemtsev, R.F. Abdeev, A.I. Rakitov, who study the problem of a society's transformation based on the traditions of post-industrialism, information society's concepts and the development of information civilization are mentioned in the article.

А.И. Ракитов, которые изучают проблемы трансформации общества с учетом традиций постиндустриализма, концепций информационного общества и развития информационной цивилизации. Проведенный анализ теоретических концепций постиндустриализма и трудов исследователей, рассматривающих различные аспекты перехода общества в условиях глобализации, позволил сформулировать основные понятия. В настоящее время доктрина информационного общества рассматривается как одна из главных теоретических инструментов исследования процессов и тенденций социальной, политической и культурной эволюции человеческого общества, вступившего на рубеж нового века

Ключевые слова: концепция, информационное общество, постиндустриальное общество, постиндустриализм, футурологические концепции, информационная революция, информационные технологии, сетевое сообщество, информационная эпоха, электронная демократия

The analysis of the theoretical concepts of post-industrialism and the works of the researchers who consider different aspects of the society's transition in the context of globalization, allowed to formulate the basic concepts. Presently, the doctrine of the information society is regarded as one of the main theoretical tools of research processes and trends of social, political and cultural evolution of human society, which have appeared at the turn of the century

Key words: concept, information society, post-industrial society, post-industrialism, futurological concepts, information revolution, information technologies, network community, information epoch, e-democracy

Информационное общество характеризуется огромным уровнем развития информационно-коммуникационных технологий и их интенсивным использованием физическими лицами, юридическими лицами и органами государственной власти.

Увеличение добавленной стоимости в экономике происходит сегодня в значительной мере за счет интеллектуальной деятельности, повышения технологического уровня производства и распространения современных информационных и телекоммуникационных технологий. Существующие хозяйственные системы интегрируются в экономику знаний. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу значительно усиливает роль интеллектуальных факторов производства. Международный опыт показывает, что высокие технологии, в том числе информационные и телекоммуникационные, уже стали локомотивом социально-экономического развития многих стран мира, а обеспечение гарантированного свободного доступа граждан к информации — одной из главных задач государств [1].

Формирование концепции информационного общества берет начало из теоре-

тических положений постиндустриальной доктрины, которые подчеркивают центральную роль информации и знания. Смысл информации и знания состоит в быстром сдвиге в развитии общества от производства материальных благ к производству услуг информации.

Термин «постиндустриальное общество» ввел в 1958 г. в научный оборот американский социолог Д. Рисмен. Теория постиндустриального общества появилась в результате синтеза различных подходов к оценке динамики состояния, развития общества. В 1960-е гг. произошло широкое распространение понятия «постиндустриализм» и осмысление того, что фактор технологического развития будет превалировать не только над социальными, но и политическими различиями. К концу 60-х гг. XX в. постиндустриальная проблематика стала одной из ведущих в западной социологии.

Среди ученых, которые разделяют идею о возникновении нового общества, большой известностью пользуется создатель теории постиндустриализма Дэниел Белл, опубликовавший (в журнале «Дедалус») свои прогнозы до 2000 г. Его концепция постиндустриального общества была пред-

ставлена как основная идея траектории для изучения перспектив развития всех сторон технического прогресса.

Следует подчеркнуть, что термин «постиндустриализм» Д. Белл ввел одновременно с Д. Рисменом в 1950-х гг., однако он стал заменять его терминами «информация» и «знание». Интерес к термину «постиндустриализм» спал и стал расти только в 1980-х гг. в связи с увеличением интереса к развитию новых информационных и коммуникационных технологий.

Дэниел Белл, увлекшись теорией постиндустриального общества, акцентировал внимание на центральную роль информации, знания в своем проекте будущей социальной системы. Он писал, что из-за преобразования машинописной технологии в интеллектуальную, в американской политической системе происходят изменения. С данными процессами связаны тенденции превращения экономической системы в «постиндустриальное общество, где центр тяжести перемещается в сферу услуг, а источники информации сосредоточиваются в интеллектуальных институтах, в основном в университетах и научно-исследовательских учреждениях, а не в прежних индустриальных корпорациях». [2] Данные тенденции и сдвиги, по мнению Д. Белла, отстаивают необходимость управления человеческим капиталом, а не финансовым. Они ставят критические социологические вопросы об отношении новых технократических форм принятия решений к политическим структурам общества.

Модель Д. Белла представляла собой аналитическую конструкцию постиндустриального общества, а не описательную модель существующего. Представляется, что предложенная им теория верно описывает грядущий мир.

Дэниел Белл заранее предвидел то смятение, которое новые коммуникационные технологии внесут в нашу жизнь. Еще до этого он писал о необходимости массового распространения информационных технологий, и вот, они у нас уже существуют, а значит, прогноз Д. Белла оказался правильным. Понятен компромисс самого Д.

Белла, который заговорил на новом языке «информационной революции».

Работавшие совместно с Д. Беллом в футурологической комиссии ученые исследователи при выявлении тенденции развития общества уделяли свое внимание в первую очередь на внеидеологическое пространство человеческого существования. Участники комиссии делали прогнозы средств воздействия на психическое и физическое состояние личности.

В основе первого подхода к исследованию теории постиндустриализма лежит развернутое определение, данное Д. Беллом. «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое главное, в котором внедрение нововведений во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания. Постиндустриальное общество предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов». [2]

Следующий подход взаимосвязан с определением вновь созданного состояния цивилизации через анализ информационных процессов. В начале 1960-х гг. почти одновременно в Японии и в Америке введен в научный оборот термин «информационное общество», который положил начало одноименной теории. Теория информационного общества начала развиваться в трудах следующих авторов: М. Порат, И. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Катц и др.

По мнению сторонников данной теории, темпы развития информационных технологий переводят постиндустриальное общество в новое качественное состояние, или другими словами, в стадию информационного общества. Например, И. Масуда говорит, что смена поколений компьютерной техники, а также переход от одного

технологического решения к другому, более лучшему, происходит с все возрастающей быстротой. Быстрота развертывания информационной революции не только сильнее темпов развития технологий использования энергии, но имеет тенденцию к постоянному росту [3].

Большой вклад в развитие доктрины постиндустриализма внес американский политолог Збигнев Бжезинский. Он изложил основные положения своей футурологической концепции в книге «Между двух веков. Роль США в техногенную эру». «Постиндустриальное общество, утверждает З. Бжезинский, становится технотронным обществом — обществом, которое в культурном, психологическом, социальном и экономическом отношениях формируется под воздействием техники и электроники, особенно развитой в области компьютеров и коммуникаций».

Технотронная революция откладывает отпечаток на характер образного восприятия действительности. Разрушаются традиционные связи в семье, а также между поколениями. Несмотря на растущие тенденции к глобальной интеграции общественная жизнь фрагментируется.

Развитие компьютерной техники, компьютерных технологий и электронных средств массовой информации в политологии и коммуникативистике приводит к увеличению внимания к функциям массовой коммуникации, роли информации в обществе.

Концепция Маршала Маклюэна вызвала неординарное отношение со стороны традиционной науки, кто-то ее дискутировал, а кто-то и вовсе не замечал. Критика заключалась, в первую очередь, в чрезмерной публицистичности и ориентации книг М. Маклюэна на широкий общественный дискурс.

Среди работ М. Маклюэна следует обратить внимание на следующие книги: «Галактика Гуттенберга» (1962), «Понимая медиа: продолжение человека» (1967), «Война и мир в глобальной деревне» [4] (1968). В указанных трудах М. Маклюэн представил свои философские воззрения,

культурологическую концепцию и теорию коммуникационных технологий.

В 1962 г. Маршал Маклюэн ввел понятие «электронное общество», следствием чего явилось его стремление изучать развитие современной культуры по отношению к месту в ней электрических или электронных средств общения, или коммуникаций. Главный тезис М. Маклюэна стал афоризмом «сообщением, передаваемым средством общения, является само это средство». Исходя из краткого обзора идей Маршала Маклюэна, можно сформулировать позиции, которые соотносятся с постулатами постиндустриализма.

Следующим, не менее известным исследователем постиндустриализма является Мануэль Кастельс. В период с 1996 по 1998 гг. он опубликовал трехтомное исследование *The Information Age*, которое оказало большое влияние на современные социальные науки. Трилогия М. Кастельса, которая содержит около 1200 страниц, представляет собой энциклопедический анализ роли информации настоящего времени. Этот труд — один из самых главных описаний характера современной цивилизации после *The Coming of Post-industrial Society* Дэниела Белла, которого Мануэль Кастельс превзошел не только масштабом, но и размахом своего исследования. После выхода *The Information Age* некоторые обозреватели поставили Мануэля Кастельса в один ряд с Карлом Марксом, Эмилем Дюркгеймом и Максом Вебером.

Репутация М. Кастельса как исследователя урбанизации установилась очень давно. Он всегда интересовался проблемами урбанизации и до сих пор его труды *The Urban Question* и *The Informational City* ведут к пониманию таких проблем, как разделение и обновление внутри городов.

Однако книга *The Information Age* стала синтезом и развитием его более ранних работ. В данной трилогии М. Кастельс показывает, что современная цивилизация носит действительно универсальный характер. Кроме того, книга показывает процесс его развития от «молодого Маркса» к тому, что можно было назвать постмарксистской

социальной наукой. Это не значит, что М. Кастельс покончил с радикализмом, он остается активным социал-демократом и страстно интересуется политикой. Подразумевается, что эта ангажированность движет и питает его интеллектуальную работу, в чем он отчасти похож на Ч. Райт Миллза, Ральфа Дарендорфа и Даниелла Белла.

Главный аргумент М. Кастельса состоит в том, что «информационная эпоха» возвещает появление «нового общества», которое возникает благодаря разворачиванию сетей (обеспечиваемых информационно-коммуникационными технологиями) и в котором приоритетное значение имеют информационные потоки. Кастельс никогда прямо не говорит о возникновении информационного общества. По словам Мануэля Кастельса, все общества использовали информацию, и соответственно термин «информационное общество» не имеет большой аналитической ценности для определения особенностей наступившей эры. Описывая наше время, Кастельс предпочитает использовать термин «информационный капитализм». Здесь главную роль играют определение и сущностное. С одной стороны, прилагательное дает ему возможность привлечь внимание к разворачиванию информации, которая символизирует совершенно новые отношения. Информационализм, ключевой для М. Кастельса термин, означает «воздействие знания на знание как основной источник производительности», переход к «новой экономике», а также к «новому обществу» [5].

По М. Кастельсу, начало информационной эпохи приходится к 1970-м гг., к капиталистическом кризису. Данный этап ознаменовал собой конец того, что принято называть послевоенным устройством (полная занятость, растущие жизненные стандарты). Кризис ускорил реструктуризацию капиталистического предпринимательства. Корпорации, застигнутые возросшей конкуренцией, искали новые источники прибыли. Данная реструктуризация совпала с возникновением, по терминологии М. Кастельса, информационного способа развития, явления, который тесно связан

с ростом коммуникационных технологий и информации.

Это одновременное развитие нам хорошо понятно, так как реструктуризация капитализма в главных своих чертах была вопросом освоения новых технологий и информационно-коммуникационных технологий, который осуществлял поиск новых способов коммерческой активности.

Мануэль Кастельс полагает, что включенность в сеть является основным условием полноценного участия в жизни сообщества. Доступ к информационно-коммуникационным технологиям и, в первую очередь к Интернету, определяет право гражданства в информационной эпохе. Мануэль Кастельс утверждает, что даже находясь в напряженных сетевых отношениях, и общаясь с другими, мы узнаем на своем опыте единственную реальность — реальность медиа. Следовательно, это система, в которой сама реальность полностью схвачена и погружена в виртуальные образы, в выдуманный виртуальный мир, в котором внешние отображения на экране сообщают нам о некотором опыте, и при этом сами становятся опытом.

Таким образом, трилогия М. Кастельса представляет собой гигантский труд, выдвинувший его в первый ряд ведущих исследователей информационной эпохи. Как динамика развития современного мира и анализ его направления, данный труд никем не превзойден. Трилогия показывает, что информационные сети и потоки, которые их используют, занимают в наше время главное место.

Как известно, есть ученые (наиболее популярный из них Дэниел Белл), которые во всех перечисленных явлениях видят знамения формирующегося у нас на глазах информационного общества. Для них необычность и новшество происходящего является достаточным основанием, чтобы объяснить приход новой эпохи и считать, что с прошлым покончено. Обратим внимание на тех исследователей, кто не согласен с такой формулировкой, на тех, кто анализирует понятие «эра информации» марксистов.

В качестве их представителей выбран Герберт Шиллер — мыслитель, который признает влияние информации на общественное развитие и рост этого влияния в XX в. Он согласен со значением указанной информации для разворачивающихся в мире событий. При этом Г. Шиллер обращает внимание на коммуникацию и информацию — основные составляющие давно сформировавшейся и хорошо известной капиталистической формации.

Герберт Шиллер являлся наиболее выдающимся представителем группы так называемых критических теоретиков, которые размышляли над тенденциями формирования информационной сферы. Он, как и Д. Бэлл, был типичным интеллектуалом поколения 30-х гг. прошлого столетия. Исследованиями в области коммуникации и информации Г. Шиллер занялся относительно поздно — его первая книга опубликована в 1969 г.

Герберт Шиллер сыграл главную роль в формировании того направления исследования информации, которое получило название политико-экономического подхода. Данному подходу свойственен ряд особенностей, из которых три представляются особенно важными. Во-первых, стремление увидеть за информацией, например, в форме журнальной статьи или телевизионного сценария ее скрытую сущность. Во-вторых, сторонники политического экономического подхода делают упор на системный анализ обработки информации и процессов коммуникации. Они прилагают все усилия для определения места конкретной сети кабельного телевидения, или фирмы, разрабатывающей программное обеспечение, во всей социальной экономической системе. Данной системой является капитализм. Начальной точкой, с которой политические экономисты начинают свой анализ и к которой они много раз возвращаются. Мы увидим, какое значение для капиталистической системы в целом имеет это состояние и возможное направление развития информационной сферы. А в связи с тем, что многие критики считают такой анализ схематичным и ограниченным, пос-

кольку все заранее продиктовано вездесущей системой и ничего нельзя изменить, то здесь вытекает «в-третьих». Это роль в истории о периодизации процессов и явлений [6].

Из трудов Г. Шиллера можно выделить несколько главных аргументов, заслуживающих большое внимание. Во-первых, Герберт Шиллер указывает, что при анализе информационной сферы нужно использовать рыночные критерии. Он делает вывод, что рынок диктует важное направление в развитии, то есть, информация должна превратиться в товар, и доступ к ней все чаще будет возможен только на денежных основаниях. По утверждению Г. Шиллера, информацию должны продавать и покупать. Во-вторых, Герберт Шиллер говорит, что главным фактором, влияющим на распространение информации, доступ к ней и право на ее создание является классовое неравенство. А именно, классовая принадлежность определяет, какую информацию вы получите сами и какую информацию позволите получать другим. Наконец, в-третьих, Г. Шиллер утверждает, что общество, в котором происходят такие важные изменения в сфере информации и коммуникации, находятся в особенной стадии корпоративного капитализма. В настоящее время для них характерна большая концентрация капитала. Они представляют собой олигопольный или монопольный рынок, они диктуют свои интересы государству и международному сообществу.

Среди отечественных ученых, которые исследуют проблемы трансформации общества с учетом традиций постиндустриализма, концепций информационного общества и развития информационной цивилизации, следует выделить Р.Ф. Абдеева, В.Л. Иноземцева, А.И. Ракитова.

В.Л. Иноземцев в своих трудах делал акцент на теорию постиндустриального общества являющуюся единственной социальной материей, которая в настоящее время воспринята западной социологической традицией. «Это фактически единственная из западных теорий, приверженцы которой не только не отрицали научного значения

марксизма, но и стремились вести с ним глубокий диалог (не поддержанный, к сожалению, советскими обществоведами)» [7].

В.Л. Иноземцев, говоря о наличии огромного количества российских работ, весьма поверхностно трактующих постиндустриализм, отмечает, что концепция постиндустриального общества стала служить в России некоторым инструментом, который позволяет отечественным социологам оглашать свои странные теоретические построения. В качестве примера он приводит статью А.И. Колганова и А.В. Брузгалина, в которой говорится, что коммунизм сегодня рождается как постэкономическое и постиндустриальное общество.

В.Л. Иноземцев выделяет опасную тенденции о постиндустриализме. Демагогические рассуждения все чаще служат обоснованию особой функции России в мировой цивилизации, а также ее ведущей роли в становлении новой постиндустриальной парадигмы.

Одной из главных теоретических предпосылок возникновения электронной демократии является теория «сетевых сообществ», которую предложил Говард Рейнгольд.

Восприятие Сети Интернет как субкультурного пространства аналогично концепции «виртуального сообщества» предложенного Г. Рейнгольдом ставшей главным вопросом многих научных дебатов на тему Сети Интернет. Говард Рейнгольд говорит о виртуальном сообществе как о паутине личных отношений в киберпространстве. По его мнению, возможности «виртуального сообщества» довольно велики. Данное сообщество в силах уничтожить временные и пространственные границы, в результате чего Интернет дает рождение новым видам «сообщества», которые основаны не на личностных взаимоотношениях, а на постоянном обмене информацией путем различных виртуальных способов (например, в чатах, на сайтах, в общении через электронную почту).

Согласно Г. Рейнгольду, виртуальным сообществом являются социальные скопления, которые возникают в Сети Интернет,

когда достаточное количество людей участвуют в этих обсуждениях достаточно долго, с достаточностью человеческих чувств, для формирования полотна из личных взаимоотношений в киберпространстве.

Некоторые теоретики отрицают предлагаемые Интернетом новые формы общения (например, трансвременного и транслокального). Поэтому аргумент, что Интернет дает начало виртуальным сообществам является спорным.

В результате исследований Сети Интернет как коммуникации сделано предположение, что неравное распределение и доступ к Сети, а также навыков работы в нем могут в значительной мере подорвать идею виртуального сообщества из-за ограничений, отражаемых на возможности участия в нем. Данную точку зрения поддерживал, например, Локхард, который говорил о часто недоступных ценах на Интернет для потенциальных пользователей. Другие исследователи, например Вилбор, утверждали, что вопрос об индивидуальных обязательствах является ключевым в проблеме реализации виртуальных сообществ.

Таким образом, любое исследование виртуального сообщества представляет собой блуждание по постоянно меняющейся территории, где общие понятия, такие как присутствие, реальность, чувство, мораль и любовь являются непостоянными.

Многие критики рассматривали понятие «сообщество» как фиксированный и стабильный коллектив. Они противопоставляли обычное личное общение якобы нестабильной природе взаимодействия в Интернет, в результате чего потерпели неудачу в подобной интерпретации сообщества.

Споры о виртуальном сообществе позволили перейти от обычного определения «сообщества» к Интернет взаимодействию и коммуникациям даже не смотря на то, что общение в реальной жизни, по сравнению с виртуальной в Сети, кажется чрезвычайно ограниченным правилами. Вилбор предложил рассматривать Интернет и личную коммуникации в качестве одной формы взаимодействия взаимосвязанной и пересекающиеся. Согласно ему, отношения реаль-

ных и виртуальных коммуникаций можно рассматривать в контексте сообществ, то есть онлайн-коммуникации опираются на опыт из реальной жизни и наоборот.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что теория постиндустриального общества представляет глубокую социальную доктрину, которая имеет большую историю и глубокие корни, разработанную методологическую и терминологическую базу. Она может служить действенным средством социального прогнозирования на пороге текущего века. Рассмотренная концепция в большей мере построена на той же основе, что и марксистская теория, и сформировалась в противостоянии с нею.

А.И. Ракитов проводил исследование развития информационных и технологических революций, которые определяют радикальные изменения и фундаментальные инновации в типах культур, цивилизаций, а также транскультурных и трансцивилизационных изменений. Он предлагает разделить процесс становления информационного общества на несколько этапов (информационных революций).

В настоящее время «информация» как фундаментальная общенаучная категория привлекает пристальное внимание различных исследователей, в том числе представители точных наук обращаются к философскому и социологическому осмыслению современных трансформационных процессов [8].

Характерным примером является труд Р.Ф. Абдеева, специалиста в области кибернетики. Начав с исследований философских проблем научной технической революции, в конце 1980-х гг. Р.Ф. Абдеев обосновал новую философскую концепцию «информационной цивилизации». Он взглянул на теорию развития с точки зрения ее соединения с достижениями информатики, кибернетики, гепетики, микроэлектроники и экологии. Р.Ф. Абдеев основывал свои доводы на том факте, что информационная революция открыла новую эпоху в прогрессе человечества и формулирует основные черты «информационной цивилизации»: повышение эффективности труда приводит

к сокращению числа занятых в сельском хозяйстве и промышленном производстве; внедрение наукоемких производств создает благоприятные условия для отсталых государств добиваться больших успехов; государство совершенствует свою структуру на основе «принципа пяти колец» — законодательной, исполнительной, судебной, власти информации и власти интеллекта; создание рыночных глобальных механизмов, внедрение безбумажной технологии и массовая компьютеризация приводят к созданию новых предприятий; трансформация экономики вычеркивает на нет значение ряда социальных категорий («классовая борьба», «противоречия между трудом и капиталом»), и деление мира на «коммунистический» и «капиталистический»; успехи в охране природы; совершенствование систем здравоохранения и образования за счет изменения приоритетов финансирования [9].

Р.Ф. Абдеев ввел две новые структуры власти: «власть информации» и «власть интеллекта», причем они должны будут пронизывать все остальные структуры власти. «Власть информации», согласно формулировке Р.Ф. Абдеева, это свобода печати, гласности, обилие общедоступных банков данных и реализуется через системы спутникового телевидения, осуществляющие всемирный круглосуточный поток новостей. «Власть интеллекта», по Р.Ф. Абдееву, реализуется жестким отбором в руководящие звенья всех уровней более подготовленных, компетентных специалистов во всех сферах: законодательной, исполнительной, судебной и информационной. [9]

В исследованиях Р.Ф. Абдеева говорит о функциях саморегуляции в открытых системах, роли кибернетической методологии, а также о феномене «распределенного управления» для оптимизации сложных структур.

Р.Ф. Абдеев применяет в своих исследованиях системно-кибернетический подход к анализу этапов информационной революции как части научно-технической революции.

К вопросам периодизации общественного развития также обращаются пред-

ставители общественных наук. Среди них следует отметить С.А. Дятлова, который основываясь на междисциплинарный подход, говорит об альтернативах поиска новой научной парадигмы общественного развития.

С.А. Дятлов предлагает название для этого нового междисциплинарного научного направления – информационная парадигма социально экономического развития общества. Он обращает внимание на то, что «область исследований в границах которой рассматриваются информационные аспекты бытия социально-экономических процессов и явлений, находятся на стыке нескольких научных дисциплин: экономики, кибернетики, философии, социологии, теории информации. Очерченная сфера исследования представляет собой интегральную отрасль научного знания, которая может быть определена как информационная теория общественного развития, в рамках которой центральное место занимает теория информационной экономики» [10].

Анализ теоретических концепций постиндустриализма и работ исследователей, которые изучают разные аспекты трансформации общества в условиях глобализации, позволяют сформулировать основные черты постиндустриального общества: наукоемкая промышленность и сфера услуг доминируют в общественном производстве; постиндустриальное общество основывается на интеллектуальной инфраструктуре (телекоммуникации, компьютерные Сети, интегрированные системы); теоретические знания и информация представляют определяющий фактор общественного процесса.

«Информационное общество» представляет особое определение, делающее акцент на одну из базовых технологий, составляющих основу постиндустриального общества.

Таким образом, анализ рассмотренных теоретических концепций, а также предложения о внедрении информационных коммуникационных технологий в го-

сударственного управление и политические процессы, позволяют сделать вывод, что движение к формированию информационного общества является постепенным, очень длительным, а также неизбежным процессом. Каждое государство идет к информационному обществу своим путем, основанным на сложившихся в нем социальных, исторических, политических культурных и экономических условиях.

В завершение следует отметить, что рассмотренные нами труды ученых, занимавшихся проблемами информационного общества, заложили теоретический фундамент для осмысления значения информационно-коммуникационных услуг в государственном управлении.

Авторы акцентируют свое внимание вокруг роли информационно-коммуникационных технологий, как своего рода возможности расширения сферы гражданского участия и пересмотра системы управления, а также принятия решений в сторону большей эффективности. А концепция информационного общества в свою очередь послужила теоретической основой для постановки проблемы электронной демократии, которая нашла свое отражение в исследованиях Л. Гроссмана, Р. Даль, А. Гронланда и др. Среди отечественных ученых, изучающих феномен электронной демократии, следует назвать М.С. Вершинина, А.Н. Кулика, И.С. Мелюхина, А.А. Штрик и других авторов.

Л. Гроссман полагал, что «с развитием новых коммуникативных технологий наступает новая, великая эра демократии, так как информационно-коммуникационные технологии изменяют не только форму осуществления демократических процедур, но с их внедрением меняется и сама суть развития социальных процессов» [11]. Теория «электронной демократии» выступает как современная форма взаимодействия общества и власти, как метод поставить вопрос о демократии заново.

Литература

References

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 07.02.2008 № Пр-212), [Электронное издание]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Bell D. *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. N.Y., Basic Books, 2001. 616 p.
3. Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Washington: World Future Soc., 1983. 171 p.
4. McLuhan M., Fiore Q. *War and Peace in the Global Village*. N.Y.: Bantam, 1968. 192 p.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
6. Golding P. And Murdock G. *Culture, Communications and Political Economy*, 1991. P. 15-32.
7. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 302 с.
8. Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М., 1998. 104 с.
9. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М: ВЛАДОС, 1994. 336 с.
10. Дятлов С.А. Предмет и метод теории информационной экономики // Экономическая теория на пороге XXI века. Т. 2. М., 1998. С. 497-519.
11. Grossman L.K. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. New York: Viking, 1995.

1. *Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii* (Strategy for Information Society Development in the Russian Federation) (approved by the President of the Russian Federation 07.02.2008 № Pr-212). Access from inform. legal system «Consultant».
2. Bell D. *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting* [The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting]. N.Y., Basic Books, 2001. 616 p.
3. Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society* [The Information Society as Postindustrial Society]. Washington: World Future Soc., 1983. 171 p.
4. McLuhan M., Fiore Q. *War and Peace in the Global Village* [War and Peace in the Global Village]. N.Y.: Bantam, 1968. 192 p.
5. Castells M. *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [Information Age: Economy, Society and Culture]: Trans. from English. under scientific. ed. O.I. Shkaratan. Moscow: Higher School of Economics, 2000. 606 p.
6. Golding P. and Murdock G. *Culture, Communications and Political Economy* [Culture, Communications and Political Economy], 1991. P. 15-32.
7. Foreigners V.L. *Sovremennoe postindustrialnoe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern post-industrial society: nature, contradictions and prospects]. Moscow: Logos, 2000. 302 p.
8. Rakitov A.I. *Informatsiya, nauka, tehnologiya v globalnyh istoricheskikh izmeneniyah* [Information, science, technology in global historical changes]. Moscow, 1998. 104 p.
9. Abdeev R.F. *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii* [Philosophy of information civilization]. Moscow: VLADOS, 1994. 336 p.
10. Woodpeckers S.A. *Predmet i metod teorii informatsionnoy ekonomiki* [Subject and method of information economy theory]: Economic theory in the XXI century. Vol. 2. Moscow, 1998, pp. 497-519.
11. Grossman L.K. *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age* [The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age]. New York: Viking, 1995.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Лаврик Н.В., аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
Lavrik.n.v@yandex.ru

N. Lavrik, postgraduate, Transbaikal State University, Chita, Russia

Научные интересы: электронная демократия

Scientific interests: e-democracy

УДК 342.731

*Романова Нелли
Петровна
Nelli Romanova*

*Жуков Артем
Вадимович
Artem Zhukov*

*Жукова Алена
Алексеевна
Alena Zhukova*

ОБРАЗЫ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ КИТАЯ В СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

IMAGES OF CHINESE CULTURE AND RELIGION IN THE MINDS OF RUSSIAN-CHINESE BORDER POPULATION

Целью статьи является исследование восприятия образов культуры Китая массовым сознанием россиян. Новизна работы заключается в том, что авторами впервые рассмотрена тема рецепции образов культуры Китая на территории российско-китайского приграничья. На основании методов интерпретативного и сравнительного анализа авторы раскрывают содержание таких понятий, как «алармистские» образы культуры Китая, которые исходят от недовольных проявлением китайской культуры россиян, зарубежных групп или центров, и «прагматические» образы культуры Китая, которые связаны с россиянами, заинтересованными в использовании китайских идей, либо с китайской стороной, которая старается участвовать в процессах трансляции китайской культуры на территории России. Результатом работы стало выделение образов культуры Китая на бытовом уровне восприятия и образов Китая, распространяемых в результате диалога культур на межгосударственном уровне, которые в массовом сознании сосуществуют смешанно, создавая образ многоликого Китая.

Доказано, что рецепция образов культуры Китая в сознании россиян зоны приграничья осуществляется с опорой на собственную систему ценностей, картину мира и носит исключительно утилитарный

The purpose of the article is the study of reception processes of Chinese culture images by mass consciousness of the Russians. The novelty of the work is that the authors considered the theme for the images' reception of Chinese culture on the territory of the Russian-Chinese border, which are images of domestic cultural perception and images propagated by the intercultural dialogue at the international level. On the basis of the interpretative methods and comparative analysis, the authors reveal the content of such concepts as «alarmist» images of Chinese culture that come from the Russians who are unsatisfied with the manifestation of the Chinese culture, as well as from foreign groups or centers, and «pragmatic» images of Chinese culture that are associated with the Russians interested in using Chinese ideas, or with the Chinese side, which is trying to participate in the processes of Chinese culture translation in Russia. The result was the conclusion that the reception of Chinese culture images in the minds of Russians is based on its own system of values, world view and has purely utilitarian nature. The practical value of the article is to forecast the spread of Chinese culture images, which, at this stage, do not switch the values of Russians towards China, but significantly enrich the culture of the population of the Russian-Chinese border

характер, учитывать который важно при планировании стратегий приграничного межкультурного взаимодействия. Практическое значение статьи заключается в осуществлении прогноза в отношении распространения образов культуры Китая, которые не переключают ценности россиян в сторону Китая, но существенно обогащают культуру населения российско-китайского приграничья

Ключевые слова: *рецепция китайской культуры, образы культуры, массовое сознание, российско-китайское приграничье, «алармистские» образы, «прагматические» образы, диалог культур*

Key words: *reception of Chinese culture, images of culture, mass consciousness, Russian-Chinese border, «alarmist» images, «pragmatic» images, dialogue of cultures*

Начиная с 90-х гг. XX в. в связи с процессами нормализации российско-китайских отношений и началом поисков взаимоприемлемых моделей сотрудничества наступило время перемен во взаимоотношениях между российским и китайским народами [24; С. 7]. В связи с этим уже к нач. XXI в. заметным и требующим своего осмысления явлением в жизни россиян стали такие феномены, как цигун, ушу, фэншуй, китайская медицина, китайская кухня и др. [23; С. 3]. Необходимо отметить, что эти явления и связанная с ними мировоззренческая составляющая, которая представляет собой синкретический и функциональный сплав с элементами конфуцианства, даосизма и буддизма, входят в комплекс китайской культуры. Его характеристиками являются замкнутость, самодостаточность и длительная непрерывность [3; С. 5]. Из этого следует, что, во-первых, исследование феноменов китайской куль-

туры в сознании современных россиян возможно только с учётом их целостности и системного характера. Во-вторых, что оно должно касаться не собственно китайской культуры, а её образов, которые отражаются в массовом сознании. Образы культуры другого народа, воспринимаемые массовым сознанием, как правило, связываются с операциями переноса, отождествления значений и задуманных содержаний, то есть мифологизированием [6; С. 39]. Надо отметить, что к проблематике, связанной с образами Китая, обращается множество авторов, среди которых выделяются А.Н. Корсун и Н.Е. Лавриненко [19], В. Л. Ларин [21], А.В. Лукин [22], А.А. Маслов [26] и др. Культурное влияние Китая на россиян рассмотрено в работах В.Г. Гельбраса [5], В.С. Морозовой [31], Лу Ля [23] и др. Однако анализ образов культуры Китая в сознании населения российского приграничья пока не проведён.

Образы культуры Китая как результат взаимодействия народов на бытовом уровне

Если в глазах европейцев китайская цивилизация – это, прежде всего, культура философии, науки и письменности [19; С. 3], то для населения российско-китайского приграничья образ Китая в период после открытия границ складывался главным образом в связи с ожиданием утилитарных перспектив, которые открывали отношения с южным соседом [28; С. 115]. Поэтому вос-

принимаемые россиянами образы культуры этой страны были также утилитарны и связаны с такими явлениями, как китайская медицина, практики оздоровления, «китайские боевые искусства», также китайская кухня и геомантия [31; С. 35]. Уже первые российские торговцы – «челноки» привезли из Китая рассказы о «чудесных докторах», которые определяют заболевание благода-

ря данным измерения пульса. Поэтому ещё долгое время, попадая на приём к китайскому доктору, россияне полагали, что пациент не должен сообщать о своих жалобах, а ожидали, что он волшебным образом угадает диагноз и назначит лечение [33]. Впоследствии персонал китайских клиник уже на предварительных стадиях обследования пациентов из России давал им понять, что диагностика по пульсу используется для того, чтобы узнать о болезнях пациента, однако этот способ не всегда может дать исчерпывающую информацию. Развенчивая российские мифы о себе, китайцы старались создать новый образ, для чего использовали традиционное мифотворчество. К примеру, клиника г. Санья на острове Хайнань сообщает, что её врачи ведут происхождение от врачебной династии Мань и пользуются прошедшей двухсотлетней проверкой теорией и методом лечения, который основан на вере в то, что тело человека разделено на меридианы, наполненные положительной и отрицательной энергией. Врачи Мань говорят о том, что будут руками выдавливать негативную энергию, что должно привести к улучшению состояния больного. Важное место в этом мифотворчестве занимали повествования о чудесных исцелениях в клинике Мань [13].

Со стремлением к исцелению с помощью восточных методик связано первоначальное обращение россиян к практике цигун, который первоначально понимался только как система дыхательных и гимнастических упражнений. Священник П. М. Иванов пишет, что цигун наряду с препаратами традиционной китайской медицины и иглоукалыванием рекламировался за границей, только как средство оздоровления за счет умения принимать соответствующие позы и следить за ритмом дыхания [11]. Однако по мере развития российско-китайских отношений у россиян сформировалось понимание, что цигун – это ещё и система религиозных представлений и в Китае существует много видов цигун. Как информирует В.С. Морозова, в приграничных территориях России действует ряд центров и фитнес-клубов, связывающих себя с

этой практикой. Помимо цигун в Читинском центре «Чжун Юань Цигун» (г. Чита), Клубе саморазвития «Путь Востока» (г. Хабаровск), Клубе «Лира» (г. Владивосток), Йога-студии «Нагваль» (г. Благовещенск) и других россияне могут приобщиться к таким методам исцеления, как акупрессура (надавливание пальцами) и акупунктура (надавливание иглами) [31, С. 158].

Среди феноменов китайской культуры, нашедших свои «ниши» в России, заметное место принадлежит «боевым искусствам». Как сообщает А.Г. Юркевич, далекую от интеллектуальных запросов публику они привлекли, прежде всего, экзотичностью форм психоэнергетического тренинга. При этом, если первоначально ушу и сопряжённые с ним системы цигун воспринимались как прикладные методики, обогатившие арсенал физической культуры россиян, то с течением времени рецепция этих идей приобрела более разнообразные формы. Например, дыхательно-медитативные прикладные упражнения, используемые всеми видами китайских единоборств и пополнившиеся методиками психопрактики «жесткий цигун», стали преподаваться в различных секциях некитайских видов рукопашного боя [42; С. 4]. Многие элементы китайских систем единоборств явились основой для создания так называемых «реконструкций русских национальных единоборств», которые представляют стилизованные компиляции ушу или кунфу. Китайские упражнения ушу и цигун прочно вошли в практику лечебно-оздоровительных учреждений по преимуществу коммерческой направленности. Фрагменты китайских и восходящих к ним восточноазиатских учений и практик закрепились в кругах, занятых астрологией и оккультными «науками», практикующих целительство, направленных на развитие паранормальных способностей [42; С. 5].

Существенную эволюцию в сознании россиян пережили образы китайской кухни, искусство которой в Китае отождествляется с врачеванием и считается сродни философии и эстетике. Первоначально россияне воспринимали китайскую кухню,

ориентируясь на информацию, которую привозили с собой из Китая «челноки», миф которых был сугубо утилитарен и говорил, что китайская кухня очень острая, а еда — очень вредная для русских, так как она экзотична и не подходит европейцам. Многие, услышав словосочетание «китайский ресторан», представляли блюда из собак, насекомых, змей [29]. Однако впоследствии это восприятие изменилось, причиной чего стала популяризация китайской кухни [31; С. 252]. Современный интерес россиян к китайской кухне кроется в том, что в представлении европейцев она таит особую магию благодаря экзотичности и своеобразию. Этот интерес выражается в распространении мифов о магических свойствах китайских продуктов. Так, ресторан «Индокитай» предлагает чудодейственные лакомства, которые, по его уверению, делают китайянок моложе европейских ровесниц, укрепляя и омолаживая зубы, волосы, кожу жительниц Поднебесной [29].

С цигун, китайской медициной и приготовлением пищи тесно связана китайская геомантия (фэншуй), становящаяся в XXI в. не просто популярной, но и жизненно необходимой для части россиян [15; С. 52]. Фэншуй преподносится последователями как способ достижения гармонии между человеком и космосом при сооружении любых пространственных форм и архитектурных объектов [3; С. 64]. Многие верят, что с помощью этой практики символического освоения пространства можно не только выбрать лучшее место для строительства дома или захоронения, вернуть разбивку участка, но и спрогнозировать определённые события. Более того, есть примеры, когда жители приграничья находят себя в фэншуй [38]. Серьезно увлекаясь этим занятием и получая сертификат специалиста,

они начинают работать с клиентами и становятся успешными бизнесменами [См. 2].

Около двадцати лет назад в России появилась наиболее массовая традиция, связанная с культурой Китая. Это обычай отмечать Новый год по лунному календарю и связывать годичные циклы с китайскими знаками зодиака. По мнению религиоведа А.В. Юдина, интерес россиян к этим празднованиям обусловлен влиянием глобализации и расширением информационного пространства [4]. Дополняя указанную точку зрения, председатель совета директоров компании «Чайна Тревел» С.П. Назаров утверждает, что это явление обусловлено практическими обстоятельствами. Дело в том, что всё больше российских компаний имеют китайских партнеров, которые во время Нового года отправляются на родину, что отражается на графике работ россиян, получающих возможность отметить наступление китайского Нового года. Так или иначе, восточный Новый год отмечает всё больше людей в России [17], и если в конце 1980-х гг. россияне только начали интересоваться этим праздником, то к нач. XXI в. многие участвуют в шествиях, где проносят модели драконов, запускают фейерверки и воздушные шары [4].

В целом, по мере развития контактов и увеличения багажа знаний о культуре Китая содержание мифов, посвященных китайской культуре, то есть медицине, цигун, китайской кухне, фэншуй, праздникам, среди русских меняется. Теперь оно основывается не только на внешнем, утилитарном восприятии и вере в чудо, но включает запас знаний, на содержание которых влияют разнообразные источники, что говорит о широко проходящих процессах обмена информации и смешении образов культуры Китая в бытовом сознании россиян.

Образы культуры Китая как результат взаимодействия на межгосударственном уровне

Однако комплекс образов культуры Китая включает не только те понятия и представления, которые распространяются в процессе стихийного общения между наро-

дами. Значительная часть образов культуры Китая конструируется и передаётся целенаправленно через СМИ и мероприятия по организации культурного сотрудничества,

осуществляемого на межгосударственном уровне. Конструирование образов, в которых отражается положительное влияние Китая на Россию, имеет воплощение в проектах по организации разнообразных форм культурного сотрудничества, таких как мероприятия, связанные с проведением Года русского языка в Китае и Года китайского языка в России в 2009-2010 гг. Вслед за этим были организованы мероприятия, отмечающие Национальные годы туризма в Китае в 2012 г. и в России в 2013 г. [20; С. 125]. Реализация этих проектов фиксирует важную веху в расширении стратегий распространения образов культуры Китая.

Свой положительный образ КНР интенсивно использует в развитии бизнес-образования. В этой сфере Китай представляется в качестве «страны будущего». Среди декларируемых бонусов от учебы в Поднебесной – возможность освоить «язык будущего», познакомиться с особенностями бурно развивающейся «экономики будущего», «во имя счастливого будущего» завязать связи с азиатскими бизнесменами [12]. Привлекая студентов, представители китайской системы образования обращают внимание на то, что в России существуют заблуждения о Китае, препятствующие студентам направляться в эту страну. Информационная стратегия КНР направлена на их разоблачение и утверждает, что, несмотря на опасения, что не говорящие по-китайски студенты не смогут учиться в китайских университетах, в Китае приготовили программы, на которых начать учиться можно без знания китайского. Для тех, кто опасается, что диплом китайского университета даёт право на работу только в Китае, они добавляют, что китайские дипломы котируются во многих странах, а между КНР и рядом стран подписаны Соглашения о взаимном признании документов об образовании и учёных степеней. Стараясь привлечь студентов и специалистов, они утверждают, что Китай – одна из наиболее безопасных стран с высоким уровнем привлекательности для жизни [36].

В качестве продуктивного средства трансляции культурных ценностей можно

назвать распространение китайского языка. Сегодня трансляция образов китайской культуры также обеспечивается посредством телерадиовещания, интернета, университетов международного уровня, филиалов китайских университетов в непосредственно граничащих с РФ китайских регионах [37]. В частности, за пределами КНР возрастает количество китайских культурно-образовательных центров, создаваемых Китайским государственным комитетом по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) под брендом «Институт Конфуция» [1; С. 73].

Формируя образ культуры Китая, современные китайские идеологи через официальные СМИ и документы отвергают как миф заявления о том, что стремятся к культурному господству в мире. Предлагая программы сотрудничества российской стороне, Китай позиционирует идею содействия «коллективному началу и демократизации международных отношений», а также сохранения «разнообразия культур и цивилизаций» [16]. Национальная культура, пишут китайские авторы, жива до тех пор, пока ее региональные варианты способны к развитию. Они доказывают, что унификация последних означает приближение национальной культуры к гибели [34; С. 24]. В то же время, в СМИ, рассчитанных на массового читателя, китайцы формируют образ «Великой китайской культуры», то есть особой наднациональной платформы, которая охватывает всех, кто так или иначе, давно или недавно пригубил от «китайского кубка». Основная идея, которая распространяется ими, заключается в том, что современный выход Китая на первые позиции в мире – это не более чем возвращение к исконному порядку вещей. В проекции этого образа русские, монголы и другие народы приграничных с Китаем территорий размещаются внутри «китайского культурного круга» [41].

При этом зачастую в процессах доказательств китайского влияния на тот или иной народ китайцы прибегают к манипуляциям с так называемым «исправлением истории», которые как доказывает А.В.

Меликсетов, являются обычным явлением для Китая [27; С. 4]. Например, современная китайская антропология рассматривает вопросы эволюции человека, происхождения культуры, идентичности китайцев и соседствующих народов исходя из китайских традиций мировосприятия. Ключевое значение здесь имеет представление древних китайцев о том, что их страна занимала срединное положение во Вселенной, что подкрепляется сказаниями о «чжунго», мифологическом центре мира, которые создают основу для китаецентристского мировоззрения и являются образом, который направлен на китаизацию некитайских народов. На наш взгляд, сегодня в китайской науке осуществляется синтез мифологемы о «чжунго» и идей китайской антропологии, который нацелен на конструирование нового образа истории Китая.

Она якобы берёт начало за несколько миллионов лет до н.э. и не начинается, как история всего остального человечества, в Восточной Африке. Китайская наука утверждает, что колыбелью человечества был Китай, считая синантропов творцами первой человеческой культуры и прямыми предками китайцев [19; С. 8]. Современное руководство КПК, несмотря на доводы европейской науки [35; С. 8], а также на то, что большинство китайцев продолжает верить в легенду о происхождении от Желтого Императора [14], поощряет исследования с целью доказательства, что «гоминиды в их трансформации от обезьяны к человеку появились именно в Азии, в частности в Китае, вот уже более двух миллионов лет назад» [7].

Трансформация и смешение образов Китая

Специфика современного межкультурного взаимодействия России и Китая состоит в том, что Китай старается организовывать процесс трансляции и закрепления образов китайской культуры на приграничных территориях России. Эта политика осуществляется им как на межгосударственном, так и на бытовом, народном уровнях. Она характеризуется тем, что Ки-

В соответствии с данной «теорией» современный Китай распространяет версии о происхождении других народов, например славян, которые, как уверяют, имеют китайское происхождение. По версии китайских учёных, русские произошли от уйсуней, якобы европеоидного племени, которое первоначально существовало на территории центрально-китайской провинции Ганьсу, а затем в Восточном Туркестане. Из-за нашествия гуннов племя разделилось [18]. Меньшая часть уйсуней осталась на месте и была почти истреблена, из-за чего их смешавшиеся с азиатами потомки стали выглядеть по-монголоидному. Большая их часть переселилась на запад и заняла Восточную Европу. Это событие совпадает с первыми упоминаниями о славянах. Китайцы делают вывод, что славяне – это уйсунь, что является основанием для причисления россиян к народам «китайского культурного круга» и вписывает их в общецивилизационный китайский контекст [41]. Мотив происхождения от китайцев объединяет этот миф с мифом о мексиканцах, который раскрывается в истории «хохлатых собачек». Их якобы разводили в Древнем Китае при династии Хань (206 г. до н.э. - 220 г.н.э.), и «китайские кушцы, бравшие собачек на свои судна, развезли их по всему свету». Миф говорит, что китайских хохлатых собачек впоследствии разводили древние тольтеки и майя, жившие в Мексике за 300 лет до прибытия Колумба, из чего и делается заключение о генетической преемственности между китайцами и мексиканцами [30].

тай нацелен на распространение привлекательных мифологем, в которых подчеркиваются культуртрегерские заслуги Китая и формируется образ «китайского культурного круга» [41]. Однако в условиях российско-китайского приграничья эта стратегия сталкивается с тем, что для большинства россиян образ культуры Китая устойчиво связывается с утилитарными ценностями

и касается исключительно бытовых, жизненных обстоятельств. Попытки расширения информационного влияния на них, как правило, приводят к формированию новых мифов, и при этом многие, узнавая нечто новое о Китае, формируют о нём не только положительное, но и негативное мнение.

Об опасности, исходящей от культуры Китая, говорят те, у кого возникают вопросы о том, с какой действительной целью организуются культурные мероприятия и образовательные программы. В частности, интересует вопрос о том, с какими целями создаются Институты Конфуция, не являются ли они обеспечением развития образования, нацеленного на Китай? Только ли дело в установлении культурных связей, или всё это — интенсивная трансляция китайской культуры, расширение и углубление сфер влияния китайской «мягкой силы» и попытка использования искусства «китайской культурной дипломатии»? [8]. Факт того, что такие мнения распространены, можно подтвердить суждением сотрудника Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН М. В. Александровой в отношении содержания «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009-2018 годы», которая утверждает, что «при анализе Программы напрашивается вывод о том, что в документах явным образом лоббируются китайские интересы». Создание научных парков, по ее словам, это «благовидное прикрытие для китайского экономического, научного и военного шпионажа» [39].

Неоднозначный характер приобретает в сознании россиян реакция на целенаправленные попытки руководства КНР регулировать сферу религиозного российско-китайского взаимодействия, в которой действуют не только поддерживаемые российской и китайской стороной движения, считающиеся традиционными, но и диссиденты. Так, начиная с первых лет XXI в., китайская сторона организует дипломатическое давление на российское руководство с целью недопущения распространения в

России такого вида цигун, как Фалуньгун. Причина, по мнению последователей Фалуньгун, заключается в том, что к 1999 г. популярность этого движения в Китае была выше, чем популярность КПК, которая и развернула кампанию по дискредитации движения [11]. Несмотря на то, что США и Евросоюз выступили с поддержкой Фалуньгун, члены которой были объявлены безвинными страдальцами, Россия, руководствуясь геополитическими соображениями, пошла навстречу Пекину [40]. В результате в России ощущается настороженность по отношению к филиалам Фалуньгун, что, по мнению её российских сторонников, обращающихся в различные инстанции вплоть до Европарламента, выражается в действиях, которые являются нарушением конституционных прав граждан [9]. В результате, несмотря на усилия Китая, проблема негативного мифотворчества, связанного с движением Фалуньгун, для него остается пока нерешённой ещё и по той причине, что она самым тесным образом связана со сферой политики.

Факт того, что в сознании россиян в смешанном состоянии пребывают позитивные и негативные образы Китая, которые получают неоднозначную коннотацию, подтверждают данные социологических опросов, представленных В.В. Миндогуловым [28; С. 115], В. С. Морозовой [31; С. 238] и интернет-порталом «Братья славяне» [10]. Они говорят, что общественное настроение россиян по отношению к китайскому присутствию можно охарактеризовать как преимущественно настороженное в связи с опасениями «засилья чуждой культуры», навязывающей «чуждые ценности» и «чуждые модели поведения». В то же время эти данные зафиксировали новую тенденцию, заключающую в том, что, например в Забайкалье многие русские женщины теперь предпочитают брать в мужья китайцев [10]. Появление смешанных браков с участием китайцев и русских является важным индикатором того, что в массовом сознании населения русско-китайского приграничья образ Китая, относящийся к сфере бытовой культуры, больше не занимает позицию

«чужого», а постепенно движется к образу «своего».

Подведем итоги:

1. Россия и Китай — соседи, которые принадлежат к разным культурно-историческим ареалам. Закрытость, замкнутость, непонятность общества, относящегося к другой культурной и языковой среде, недостаток объективной информации об этом обществе способствовали мифологизации образа Китая. Приглядываясь к образу жизни, обычаям и особенностям быта китайцев, современное российское население формирует рецепции этой культуры, опираясь, прежде всего, на собственную систему ценностей и картину мира. Увеличение информированности россиян привело не к исчезновению мифов, а к изменению их содержания. Реакция общественного сознания на активизацию Китая в сфере культуры неоднозначна. «Алармистские» образы, говорящие о «китайской культурной экспансии», исходят от недовольных массовым проявлением китайской культуры россиян либо от зарубежных центров, заинтересованных в ослаблении Китая. С другой стороны, наблюдается интенсификация распространения позитивных образов культуры Китая, которая связана либо с

россиянами, заинтересованными в использовании китайских идей, либо с китайской стороной, которая старается участвовать в процессах трансляции китайской культуры на приграничные территории.

2. В массовом сознании образы культуры Китая, возникшие в результате взаимодействия на бытовом и межгосударственном уровне, сосуществуют смешанно, создавая образ многоликого Китая. Особенностью восприятия этих образов со стороны населения российско-китайского приграничья является исключительно утилитарный характер, учитывать который важно при планировании стратегий приграничного межкультурного взаимодействия. Необходимо также иметь в виду, что современное межкультурное взаимодействие с Китаем осуществляется в условиях реализуемой китайским руководством политики с использованием так называемой «мягкой силы» и создания «китайского культурного круга», которое не переключило ценностные ориентации россиян в сторону культуры Китая, но существенно обогатило, и в условиях ближайших временных перспектив способно ещё более обогатить этнические культуры российско-китайского приграничья.

Литература

References

1. Абрамова Н.А. Китайская культура и ее трансляция в социокультурное пространство России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3. С. 68-73.

2. Агентство недвижимости «Шанс». Продаётся 2-комнатная квартира элитной планировки в районе детской клинической больницы, выбиралась по феншую, седьмой этаж символизирует семью, окна выходят на юго-запад, комнаты большие. [Электронный ресурс] URL: http://sfo.spr.ru/site_go.php?id_firm=1031922 (дата обращения 25.04.2014).

3. Алкин С.В. Древние культуры северо-восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. 168 с.

1. Abramova N.A. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki* (Humanities and social and economic sciences), 2010, no. 3. P. 68-73.

2. *Agentstvo nedvizhimosti «Shans». Prodayotsya 2-komnatnaya kvartira elitnoy planirovki v rayone detskoj klinicheskoy bolnitsy, vybiralas po fenshuyu, sedmoy etazh simboliziruet semiyu, okna vyhodyat na yugo-zapad, komnaty bolshie* (Realty agency «Chance». For sale 2 bedroom luxury planning apartment in the area Children's Hospital, chosen by Feng Shui, the seventh floor symbolizes family, windows are located in the south-west, rooms are large) Available at: http://sfo.spr.ru/site_go.php?id_firm=1031922 (accessed 25.04.2014).

3. Alkin S.V. *Drevnie kultury severo-vostochnogo Kitaya: neolit Yuzhnoy Manchzhurii* [Ancient cultures of Northeast China: Neolithic southern Manchuria]. Novosibirsk: Publishing House of the IAE, 2007. 168 p.

4. Вагина М. Китайский Новый год встретили в России. [Электронный ресурс] URL: <http://mnenia.ru/rubric/culture/kitayskiy-novyy-god-vstretili-v-rossii/> (дата обращения: 02.05.2014).
5. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 310 с.
6. Голованивская М.К. Ментальность в зеркале языка. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с.
7. Господдержка потомкам синантропа. [Электронный ресурс] URL: http://ukrmonitor.ucoz.org/news/gospodderzhka_potomkam_sinantropa (дата обращения: 14.02.2014).
8. Дальневосточный федеральный университет: институт Конфуция. [Электронный ресурс] URL: <http://confucius.dvgu.ru/dvgu/istoriya/>. (дата обращения 15.11.2013).
9. Живова Ю.С. Политика правительства России относительно религиозной организации Фалуньгун // Россия и Китай: перспективы сотрудничества: материалы науч. конф. Благовещенск, 2012. С. 103-106.
10. Зелеев А. Российско-китайские браки. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bratiya-slavyane.com/articles/view/6165/>. (дата обращения 12.12.2013).
11. Иванов П. М. (священник) Новая китайская секта Фалуньгун. [Электронный ресурс] URL: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb3/Tradition1.htm>. (дата обращения 13.09.2013).
12. Идем на восток. За какими эмоциями едут в Китай слушатели MBA? [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/news/545060#ixzz2cOlyeMIu>. (дата обращения 11.11.2013).
13. История династии Мань. [Электронный ресурс] URL: www.cnvrach.ru (дата обращения 09.10.2013).
14. История. Легендарное прошлое Китая. [Электронный ресурс] URL: <http://china.su/docs/about/history> (дата обращения 16.02.2014) (дата обращения 16.02.2014).
15. Китайская геомантия. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 272 с.
16. Китайская культура перед лицом XXI века. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.chinaembassy.org/rus/whjl/whjlgk/t69803.htm>. (дата обращения 12.12.2014).
17. Китайский новый год в 2014 году наступит 31 января. [Электронный ресурс] URL: <http://partbest.ru/v-rossii/kitajskij-novyj-god-v-2014-godu-nastupaet-31-yanvarya-pozdravleniya-v-stixax-i-korotkie-sms.html>
18. Китайцы считают, что предки славян – уйсуня. [Электронный ресурс] URL: <http://oko-planet.su/history/historynew/219602-kitaycy-schitayut-chtopredkislavyan-uysuni.html> (дата обращения 15.02.2014).
4. Vagina M. *Kitayskiy Novy god vstretili v Rossii* (Chinese New Year welcomed in Russia) Available at: <http://mnenia.ru/rubric/culture/kitayskiy-novyy-god-vstretili-v-rossii/> (accessed 02.05.2014).
5. Gelbras V.G. *Rossiya v usloviyah globalnoy kitayskoy migratsii* [Russia in the global Chinese migration]. Moscow: Ant, 2004. 310 p.
6. Golovanivskaya M.K. *Mentalnost v zerkale yazyka* [Mentality in the mirror of language]. Moscow: Languages Slavic culture, 2009. 376 p.
7. *Gospodderzhka potomkam sinantropa* (Government support to the descendants of Sinanthropus) Available at: http://ukrmonitor.ucoz.org/news/gospodderzhka_potomkam_sinantropa (accessed 02/14/2014).
8. *Dalnevostochny federalny universitet: institut Konfutsiya* (Far Eastern Federal University: Institute of Confucius). Available at: <http://confucius.dvgu.ru/dvgu/istoriya/> (accessed 15.11.2013).
9. Zhivova Yu.S. *Rossiya i Kitay: perspektivy sotrudnichestva* (Russia and China: Prospects for Cooperation): Proc. Conf. Blagoveshchensk, 2012. pp. 103-106.
10. Zeleev A. *Rossiysko-kitayskie braki* (Russian-Chinese marriages). Available at: <http://www.bratiya-slavyane.com/articles/view/6165/> (accessed 12.12.2013).
11. Ivanov P.M. (priest) *Novaya kitayskaya sekta Falungun* (New Chinese sect Falun Gong). Available at: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb3/Tradition1.htm>. (accessed 13.09.2013).
12. *Idem na vostok. Za kakimi emotsiyami edut v Kitay slushateli MBA?* (Move to the East. For what emotions do listeners of MBA go to China?) available at: <http://izvestia.ru/news/545060#ixzz2cOlyeMIu>. (accessed 11.11.2013).
13. *Istoriya dinastii Man* (History of Man Dynasty) Available at: www.cnvrach.ru. (accessed 09.10.2013).
14. *Istoriya. Legendarnoe proshloe Kitaya* (History. China's legendary past). Available at: <http://china.su/docs/about/history> (accessed 16.02.2014).
15. *Kitayskaya geomantiya* [Chinese geomantology]. St.-Petersburg: Petersburg oriental, 1998. 272 p.
16. *Kitayskaya kultura pered litsom XXI veka* (Chinese culture in the face of the XXI century) Available at: <http://ru.chinaembassy.org/rus/whjl/whjlgk/t69803.htm> (accessed 12.12.2014).
17. *Kitayskiy novy god v 2014 godu nastupaet 31 yanvarya* (Chinese New Year 2014 begins on January 31). Available at: <http://partbest.ru/v-rossii/kitajskij-novyj-god-v-2014-godu-nastupaet-31-yanvarya-pozdravleniya-v-stixax-i-korotkie-sms.html>
18. *Kitaytsy schitayut, chto predki slavyan – uysuni* (The Chinese believe that the ancestors of the Slavs – Uisuns) Available at: <http://oko-planet.su/history/historynew/219602-kitaycy-schitayut-chtopredkislavyan-uysuni.html> (accessed 15.02.2014).

19. Корсун А.Н., Лавриненко Н.Е. *Лики Поднебесной*. М.: Фолио, 2010. 432 с.
20. Кудинова Е.В. Год России в Китае и Год Китая в России // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире: сб. ст. Владивосток, 2009. С. 124-125.
21. Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян (продолжение) // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 81-95.
22. Лукин А.В. *Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках*. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 598 с.
23. Лу Лэй. *Взаимодействие национальных культур России и Китая в XX веке: Дис. ... канд. филос. наук*. М., 2004. 148 с.
24. Лю Гучан. *О внешней политике Китая и китайско-российских отношениях*. СПб: Изд-во СПбГУП, 2008. 44 с.
25. *Экстремизм и духовное движение Фалуньгун в России*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/29360/9/> (дата обращения 11.12.2013).
26. Маслов А.А. *Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения*. М.: РИПОЛклассик, 2010. 288 с.
27. Меликсетов А.В. *История Китая*. М.: Высшая Школа, 2002. 736 с.
28. Миндогулов В.В. *Что думают жители Дальнего Востока о российско-китайских пограничных отношениях? // Социологические исследования*, 1995. № 10. С. 115-117.
29. *Мифы о китайской кухне*. [Электронный ресурс] URL: <http://indokitay.su/articles.php?open=1>. (дата обращения 04.11.2013).
30. *Мифы о Китайской Хохлатой Собачке*. [Электронный ресурс] URL: <http://magic-style.jimdo.com>. (дата обращения 23.11.2013).
31. Морозова В.С. *Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дисс. д-ра филос. наук*. Чита, 2013. 378 с.
32. Петрик В.В. *Культура Китая*. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 156 с.
33. *Помощь малышу*. [Электронный ресурс] URL: <http://helpbaby.org/forum/3-107-1> (дата обращения 16.02.2014).
34. Портяков В.Ю. *О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского стратегического партнерства // Проблемы Дальнего Востока: сб. ст.* 2007. № 5. С. 18-31.
19. Korsun A.N., Lavrinenko N.E. *Liki Podnebesnoy* [Faces of China]. Moscow: Folio, 2010. 432 p.
20. Kudinova E.V. *Tihookeanskaya Rossiya i strany ATR v izmenyayushhemsya mire* (Pacific Russia and Asia-Pacific countries in a changing world): Sat. Art. Vladivostok, 2009. P. 124-125.
21. Larin A.G. *Problemy Dalnego Vostoka* (Problems of the Far East), 2008, no. 6. P. 81-95.
22. Lukin A.V. *Medved nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII-XXI vekah* [Bear watching dragon. The image of China in Russia in XVII-XXI centuries]. Moscow: East-West: AST, 2007. 598 p.
23. Lu Lei. *Interaction of national cultures of Russia and China in the XX century* [Vzaimodeystvie natsionalnyh kultur Rossii i Kitaya v XX veke]: Dis. ... PhD. Philosophy. Sciences: Moscow, 2004. 148 p.
24. Lyu Gouchan. *O vneshney politike Kitaya i kitaysko-rossiyskih otnosheniyah* [On the foreign policy of China and China-Russian relations]. St.-Petersburg: Izd SPbGUP, 2008. 44 p.
25. *Ekstremizm i duhovnoe dvizhenie Falungun v Rossii* (Extermizm and Falun Gong spiritual movement in Russia) Available at: <http://www.epochtimes.ru/content/view/29360/9/>. (accessed 11.12.2013).
26. Maslov A.A. *Nablyudaya za kitaytsami. Skrytye pravila povedeniya* [Watching the Chinese. Hidden rules of conduct]. Moscow: RI-POLklassik, 2010. 288 p.
27. Meliksetov A.V. *Istoriya Kitaya* [History of China]. Moscow: High School, 2002. 736 p.
28. Mindogulov V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Research), 1995, no. 10. P. 115-117.
29. *Mify o kitayskoy kuhne* (Myths about Chinese cuisine) Available at: <http://indokitay.su/articles.php?open=1> (accessed: 04.11.2013).
30. *Mify o Kitayskoy Hohlatoy Sobachke* (Myths about Chinese crested dog) Available at: <http://magic-style.jimdo.com> (accessed: 23.11.2013).
31. Morozova V.S. *Regionalnaya kultura v sotsiokulturnom prostranstve rossiyskogo i kitayskogo prigranichiya*: diss. doctor of philosoph. sciences. Chita, 2013. 378 p.
32. Petrik V.V. *Kultura Kitaya* [Chinese culture: tutorial]. Tomsk: Publishing house of Tomsk Polytechnic University, 2010. 156 p.
33. *Pomoshh малышу* (Help to a baby) Available at: <http://helpbaby.org/forum/3-107-1> (accessed 16.02.2014).
34. Portyakov V.Yu. *Problemy Dalnego Vostoka* (Problems of the Far East): Sat. Art, 2007, no. 5. P. 18-31.

35. Уэллс С. Генетическая одиссея человека. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 276 с.

36. Хирн К. Студенческая жизнь в Китае. [Электронный ресурс] URL: <http://education.imextrade.ru/useful/students-life/>. (дата обращения 26.02.2014).

37. Чжан Иу. Распространение «мягкой силы» усиливает очарование Китая // Хуаньцзю цзачжи бяньци чубаньшэ. 2011. № 5. С. 30-31.

38. Чита по фэншуй. [Электронный ресурс] URL: <http://zabmedia.ru/?page=articles&rubr=7&text=1026&t=7> (дата обращения 17.11.2013).

39. Что принесли России 10 лет дружбы с Китаем? [Электронный ресурс] URL: <http://www.ptr-vlad.ru/2011/07/17/> (дата обращения 17.11.2013).

40. Экстремизм и духовное движение Фалунгун в России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/29360/9/> (дата обращения 11.12.2013).

41. Энциклопедия Китая. Культура и мировоззрение. [Электронный ресурс] URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/625/11559.html> (дата обращения 02.05.2014).

42. Юркевич А.Г. Китайские боевые искусства и православное сознание // Китайский благовестник, 2000. С. 1-14.

35. Wells S. *Geneticheskaya odisseya cheloveka* [Genetic Odyssey of person]. Moscow: Alpina non-fiction, 2013. 276 p.

36. Khirn K. *Studencheskaya zhizn v Kitae* (Student life in China) Available at: <http://education.imextrade.ru/useful/students-life> (accessed 26.02.2014).

37. Chzhan Yiwu. *Huantszyu tszachzhi byantszi chubanshye* (Huantszyu tszachzhi byantszi chubanshe), 2011, no. 5. P. 30-31.

38. *Chita po fenshui* (Chita according to feng shui) Available at: <http://zabmedia.ru/?page=article&rubr=7&text=1026&t=7> (accessed 17.11.2013).

39. *Chto prinesli Rossii 10 let druzhby s Kitaeem?* (What have 10 years of friendship with China brought to Russia?) Available at: <http://www.ptr-vlad.ru/2011/07/17/> (accessed 17.11.2013).

40. *Ekstremizm i duhovnoe dvizhenie Falungun v Rossii* (Extermizm and Falun Gong spiritual movement in Russia) Available at: <http://www.epochtimes.ru/content/view/29360/9/> (accessed 11.12.2013).

41. *Entsiklopediya Kitaya. Kultura i mirovozzrenie* (Encyclopedia of China. Culture and worldview) Available at: <http://www.abirus.ru/content/564/623/625/11559.html> (accessed 02.05.2014).

42. Yurkevich A.G. *Kitayskie boevye iskusstva i pravoslavnoe soznanie* (Chinese martial arts and Orthodox consciousness): Chinese evangelist, 2000, pp. 1-14.

Коротко об авторах

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор каф. «Управление персоналом», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
rik-romanova-chita@mail.ru

Научные интересы: гендерная социология, философия одиночества, деловые коммуникации

Жуков А.В., д-р филос. наук, профессор каф. «Философия», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
artem_jukov68@mail.ru

Научные интересы: религиоведение, этнография, антропология, краеведение, музееведение, история и культура народов Забайкалья

Жукова А.А., канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник научно-образовательного музейного центра, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
kazarbina_a@mail.ru

Научные интересы: религиоведение, этнография, антропология, краеведение, музееведение, история и культура народов Забайкалья

Briefly about the authors

N. Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikalian State University, Chita, Russia

Scientific interests: gender sociology, philosophy of singleness, business communication

A. Zhukov, doctor of philosophical sciences, professor, Philosophy department, Transbaikalian State University, Chita, Russia

Scientific interests: religious studies, ethnography, anthropology, study of local lore, museum study, history and culture of people in Transbaikalie

A. Zhukova, candidate of philosophical sciences, senior research worker, scientific educational museum center, Transbaikalian State University, Chita, Russia

Scientific interests: religion study, ethnography, anthropology, study of local lore, museum study, history and culture of people in Transbaikalie

УДК 316

Рыжкова Анна Александровна
Anna Ryzhkova

РАЗНОВОЗРАСТНЫЙ БРАК КАК ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

AGE-SPECIFIC MARRIAGE AS A PHENOMENOLOGICAL CATEGORY

Статья посвящена анализу разновозрастного брака как феноменологической категории. Даны определения понятий «семья», «брак», «разновозрастный брак». Рассмотрены два типа разновозрастного брака: возраст мужчины существенно превышает возраст женщины; возраст женщины существенно превышает возраст мужчины.

Изучение разновозрастных браков представляет интерес на фоне демографического дисбаланса, который объясняется двумя обстоятельствами, ограничивающими брачный выбор женщин: высокая смертность мужчин и девиантная подверженность сильного пола.

Представлены точки зрения ученых относительно разновозрастного брака. Так, большинство исследователей полагают, что большая разница в возрасте мужей и жен повышает вероятность развода, а превышение возраста жены относительно возраста мужа рассматривается ими как один из добрачных факторов риска.

Отмечено, что в настоящее время происходят заметные изменения в возрастных характеристиках брачных отношений. Рост числа разновозрастных браков в России одними учеными объясняется наличием гендерной асимметрии в структуре населения, которая увеличивается с возрастом. Другие полагают, что распространение союзов мужчин среднего возраста с молоденькими женщинами связано со значительным снижением возможности восходящей мобильности в современном российском обществе

The article is devoted to the analyses of age-specific marriage as a phenomenological category. The definitions of the concepts of «family», «marriage», «age-specific marriage» are given. Two types of age-specific marriage: when man's age greatly exceeds woman's age; when woman's age greatly exceeds man's age are observed.

The study of age-specific marriages presents a certain interest against the background of demographic imbalance, which is explained by two factors which restrict the woman's choice of marriage: high male mortality and exposure to deviant men.

The views of scientists on age-specific marriage are suggested. Most researchers believe that big age difference of men and women increases the likelihood of divorce, and the excess of the wife's age in regard to the husband's age is viewed as one of premarital risk factors.

It is noted that at present there are significant changes in the age characteristics of the marital relationship. The increase in the number of age-specific marriages in Russia is explained by the scientists due to the presence of gender asymmetry in the population, which increases with age. The others believe that the spreading of middle-aged men with young women alliances is associated with a significant decrease of opportunities for upward mobility in modern Russian society

Ключевые слова: брак, семья, разновозрастный брак, брачный возраст

Key words: marriage, family, age-specific marriage, marriage age

Происходящие в России кардинальные изменения в политической, экономической, идеологической областях затрагивают и брачно-семейную сферу. В настоящее время наблюдаются значительные трансформации института семьи и брака, которые приводят к изменению представлений о содержании семейных ролей мужчины и женщины, размыванию системы поведенческих норм в брачно-семейной сфере, формированию новых моделей брачных союзов.

Для современной семьи характерна тенденция к увеличению числа заключаемых разновозрастных браков, где один из супругов значительно старше другого (на 10 лет и более). Проблема разновозрастных браков стоит особенно остро в связи с тем, что такой тип брака наиболее часто подвержен риску распада. Так, ряд ученых [17; 29, С. 405] обращает внимание на то, что большая разница в возрасте мужей и жен повышает вероятность развода.

Необходимость анализа такого социального явления, как разновозрастный брак, связана с тем, что в науке отсутствует единство в понимании сущности этого феномена, его особенностей, отличительных признаков и общепринятого определения самого термина «разновозрастный брак».

Однако прежде чем рассматривать обозначенный феномен, необходимо определить сущность понятий «семья» и «брак».

Брак является объектом исследования многих общественных наук: философии, социологии, психологии, педагогики, права, демографии, этнографии и т.д. Этимология слова «брак» связана с древнерусским словом «брачити», которое означало что-то отбирать (выбирать хорошее и отклонять плохое).

В отечественной энциклопедической литературе брак рассматривается как семейный союз мужчины и женщины (супружество), порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу и детям [31, С. 11; 4, С. 162].

В социологическом словаре Т. Лоусона, Д. Гэррода [28, С. 36] брак трактуется как узаконенный союз между женщиной и

женщиной. Более развернутая характеристика брака предлагается в одной из социологических энциклопедий под редакцией А.Н. Данилова: брак – исторически обусловленная и санкционированная обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая права и обязанности супругов по отношению друг к другу, их детям и обществу [32, С. 35].

С.И. Голод трактует брак как «исторически изменяющуюся социальную форму отношений между мужем и женой, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и усматривает их супружеские и родительские права и обязанности» [10, С. 66]. Брак – это и исторически разнообразные механизмы социального регулирования (табу, религия, право и т.д.) сексуальных отношений между женщиной и женщиной, направленного на поддержание непрерывности жизни [11, С. 86].

Итак, брак можно определить как сексуальный союз двух взрослых лиц, получивший признание и одобрение со стороны общества.

Существует тесная взаимосвязь между понятиями «семья» и «брак», однако первое значительно шире. Приведем определения, которые, на наш взгляд, наиболее полно раскрывают сущность семьи.

Так, А.И. Антонов трактует семью как основанную на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узлами супружества-родительства-родства, и, тем самым, осуществляющую воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи [1, С. 66]. Как и у А.Г. Харчева, речь идет о тех же трех типах отношений – супружества, родительства, родства. Следует отметить, что, по А.И. Антонову, наличие обоих биологических родителей и детей является главным признаком семьи, а другие структурные типы он склонен считать «осколочными».

Другие исследователи [12; 11] отмечают становление семьи постсовременного типа, т.е. супружеской, отношения в

которой концентрируются вокруг мужа и жены. В указанном типе стратегические отношения определяются не родством, не порождением, а свойством. «Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации; в супружеские отношения проник эротизм, акцентуруемый как ключевой момент постмодернистской семьи» [11, С. 178].

Супружество трактуется С.И. Голодом как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями» [11, С. 179].

Н.В. Акерман пишет, что понятие «семья» изначально включало не только отца, мать, детей, но и домашнее хозяйство, а также людей, живущих по одной крыше и подчиняющихся власти одного человека. Кроме собственно семьи сюда относились родня, слуги, рабы и т.д. [38, Р. 153-158].

Таким образом, анализ научной литературы показал, что существуют разные точки зрения на структуру семьи. Мы рассматриваем семью как исторически сложившуюся социально-психологическую общность, основанную на браке мужчины и женщины, кровном родстве и взаимной моральной и правовой ответственности ее членов.

Под браком нами понимается зарегистрированный (либо гражданский) союз, существующий в течение длительного времени и сопровождающийся совместным ведением хозяйства.

Исходя из названных трактовок, можно сказать, что семья охватывает супружеские и родительские отношения, в то время как брак распространяется лишь на отношения супругов. Таким образом, семья представляет собой более сложную систему отношений, нежели брак.

Помимо понятий «семья» и «брак» в отечественной социологии ряд авторов использует термин «партнерство» [21; 30, С. 84-89]. Так, по мнению З.Х. Саралиевой и С.С. Балабанова, партнерские отношения — это «обобщающее название брачных и внебрачных отношений, гетеросексуаль-

ных и гомосексуальных, семейных и внесемейных отношений, сожителств» [30, С. 84].

Выделяют несколько форм партнерств: неформальное, без совместного проживания, брак с совместным проживанием, брак при раздельном проживании (гостевой, Годвин-брак), сожителство.

Сожителство — это совместное проживание мужчины и женщины как мужа и жены, но без официального оформления брака [28, С. 429]. Сожителство часто отождествляют с гражданским браком, который изначально рассматривался как альтернатива церковному, а после отделения церкви от государства стал государственной формой регулирования брачных отношений. Следует отметить, что сожителство не предполагает обзаведение детьми, партнеры не делают брачных видов по отношению друг к другу. С юридической точки зрения и сожителство, и гражданский брак отличаются от зарегистрированного брака тем, что на партнеров не распространяются правовые нормы, регулирующие супружеские отношения [17, С. 489-490].

В супружеских союзах с незарегистрированными отношениями женщины считают себя замужними и стремятся к созданию подобия традиционной семьи. В незарегистрированных отношениях ведущим является один партнер, чаще мужчина, от которого зависит существование подобного союза. Другой партнер, чаще женщина, является подчиняющимся и соглашается на любые условия ради сохранения отношений. Для мужчин плюсом таких отношений является легкость возможного расставания [2, С. 132-136].

Так, Н.П. Романова, И.И. Осинский отмечают: «Неофициальный союз — репетиция семейных отношений...он позволяет увидеть те привычки и особенности характера партнера, которые более проявляются в обыденной обстановке». И в случае несоответствия этих привычек расстаться гораздо легче, чем в зарегистрированном браке [33, С. 40].

В настоящее время брачно-семейная сфера претерпевает значительные транс-

формации. Кратко охарактеризуем наиболее значимые закономерности указанного процесса. Во-первых, переориентирование традиционной патриархальной семьи на бикарьерную, построенную на партнерских взаимоотношениях (эгалитарная семья). Во-вторых, в последние десятилетия наблюдаются изменения семейно-брачной структуры и репродуктивного поведения (рост неформальных союзов, снижение уровня брачности, повышение возраста вступления в брак, снижение детности семьи и др.), что свидетельствует, прежде всего, об изменении ценностных ориентиров, центром которых становится индивидуальная личность. В-третьих, российские процессы трансформации брачно-семейных моделей идут в русле общих тенденций, характерных для большинства развитых стран [3, С. 651-655].

Обращает на себя внимание тот факт, что на фоне трансформации института семьи и брака происходит частичная утрата семьей многих выполняемых ею ранее функций. Как известно, семья выполняет специфические социальные функции, а именно репродуктивную и воспитательную, и неспецифические: хозяйственно-бытовую, сексуального контроля, экономическую, первичного социального контроля, досуговую, эмоциональную.

Как отмечает А.В. Винокурова [8, С. 29], в результате адаптации семьи к изменившимся социальным условиям происходит формирование новой модели демографического поведения (переход от многодетного к малодетному образу жизни); «перестают действовать социальные нормы, удлиняющие репродуктивный период жизни за счет раннего, сплошного и пожизненного брака, становятся допустимыми добрачные и внебрачные сексуальные отношения..., упрощается процедура развода и т.д.» [8, С. 29-30]. Автор делает вывод, что такое положение свидетельствует о распаде целостности брачного, сексуального и репродуктивного поведения.

Трансформация воспитательной функции связана со следующими внутренними и внешними факторами. Во-первых, это

увеличение агентов социализации, снижающих возможность воздействия семьи на процесс формирования личности. Во-вторых, отсутствие доверительных отношений между родителями и детьми, различные деформации семьи. Как отмечает А.В. Винокурова, редукция социализирующей функции семьи привела к снижению ее воспитательного потенциала, что в дальнейшем может привести к неэффективности семьи как социального института.

Относительно производственной и хозяйственно-бытовой функций следует отметить, что их трансформация выражается в следующем: семья уже не является собственником какого-либо фактора производства, благосостояние семьи перестало зависеть от ее собственной экономической деятельности, а в вопросах организации быта и потребления более заметной стала роль других социальных институтов. Изменение же социально-статусной функции семьи проявляется в том, что статус человека в социуме в большей мере стал зависеть не от его семейного происхождения, поддержки родственников и др., а от его личных достижений в профессиональной сфере [8, С. 32-33].

Изменилась и функция первичного социального контроля: повысился уровень терпимости к нарушениям норм поведения в сфере семейно-брачных отношений. Так, нетерпимость, осуждение рождения ребенка вне брака или сожитительства без регистрации брака не считаются нарушением социальных норм и правил, а рассматриваются скорее как проявление независимости и свободы выбора [13, С. 78].

Сексуальная функция тоже претерпела изменения, это связано, прежде всего, с тем, что добрачные и внебрачные сексуальные связи уже не воспринимаются обществом как девиация, а следовательно, указанная функция может осуществляться и вне семьи.

Основная функция брака состоит в упорядочивании и санкционировании сексуальных отношений, а также установлении взаимных прав и обязанностей супругов. Рождение и воспитание потомства

являются важными, но не обязательными функциями брака [17, С. 521]. Так, например, в странах Норвегии, Дании, Швеции, Бельгии, Канады и ряда других допускаются однополые браки, в которых есть половые отношения, однако нет кровнородственных потомков.

Ряд исследователей [14, С. 248-252] обращает внимание на то, что функция брака с точки зрения юридического статуса потомства постепенно ослабевает в связи с тем, что ее могут заменить новые репродуктивные технологии установления отцовства.

Распространение в обществе (с позиции функционализма) разновозрастных браков может быть рассмотрено в контексте изменения иерархии потребностей личности, степени значимости ряда семейных функций, например, снижения важности репродуктивной функции [5, С. 11-12].

Семья, основанная на разновозрастном браке, не всегда может полноценно выполнять присущие ей функции, а именно: деторождения.

Существует неразрывная связь брачного и репродуктивного поведения. Откладывание брака ведет к откладыванию рождения детей, а иногда и к отказу от них. В связи с этим, определенный интерес представляет наблюдающийся в последнее время сдвиг среднего возраста вступления в брак к более старшим границам. Возраст вступления в брак является одной из основных характеристик брачности населения, под которой обычно понимается процесс образования супружеских пар [32, С. 36].

При социологическом анализе брачности особый интерес представляет сочетание возраста женихов и невест. Относительно представлений студенческой молодежи о браке следует отметить, что результаты проведенного исследования [15, С. 203] по данной проблематике подтвердили общую российскую закономерность. Так, юноши предпочитают в качестве невесты девушку младше себя или значительно младше. По мнению автора [там же, С. 203], юноши при выборе невесты, скорее всего, исходят из соображений престижа, что диктуется гендерными стереотипами. Кроме того,

здесь важным фактором является потенциальная уступчивость младшего старшему. Девушкам предпочтительнее женихи старше по возрастному критерию, но незначительно. Как правило, это связано с установкой девушек на то, что в сравнении с ровесником мужчина старше по возрасту более обеспечен и надежен.

Как отмечают социологи [7, С. 204-239, 5], во всем мире растет число людей, которые переносят создание семьи на более поздний возраст либо выбирают безбрачие.

Обращает на себя внимание тот факт, что возраст супругов в момент образования семьи оказывает непосредственное влияние на стабильность брака. Наименее устойчивыми считаются браки в очень раннем и в пожилом возрасте. Наименее стабильны браки с большой разницей в возрасте жениха и невесты, а также браки, в которых жена значительно старше мужа [16]. При этом незарегистрированные браки еще более нестабильны, чем зарегистрированные [36, С. 70].

В зарубежных исследованиях [40, Р. 65-70; 42] также отмечено, что наименее стабильными являются браки с большой разницей в возрасте между мужчиной и женщиной, особенно брачные союзы, в которых женщина старше.

Одним из залогов стабильности брака является удовлетворенность супругов сексуальными отношениями. Так, И.С. Кон утверждает, что именно сексуальная дисгармония является одной из существенных причин разводов.

По мнению некоторых исследователей [39, Р. 243], стабильный брак гарантирован тем супружеским парам, которые имеют сходные интересы и разделяют одни и те же ценности. Разновозрастные браки, как правило, считаются нестабильными.

В современных условиях трансформирующегося общества происходят заметные изменения в возрастных характеристиках брачных отношений. Во всем мире социологами отмечается увеличение числа разновозрастных браков [7, С. 204-239; 36].

Рост числа разновозрастных браков в России ученые [18, С. 270-275] объясняют

наличием гендерной асимметрии в структуре населения, которая увеличивается с возрастом.

Социолог Л.А. Паутова, анализируя феномен разновозрастного брака, отмечает: «...молодого мужа могут позволить себе только звезды – Бабкина или Пугачева, как часть своего имиджа». Она полагает, что браки с большой разницей в возрасте – хороший вариант для женщины и мужчины, если исходить из того, что это брак временный [9, С. 6].

Изучение разновозрастных браков представляет интерес на фоне демографического дисбаланса, который объясняется двумя обстоятельствами, ограничивающими брачный выбор женщин: высокая смертность мужчин и девиантная подверженность сильного пола.

В условиях сложной демографической ситуации и когда количество мужчин и женщин в одной возрастной категории неодинаково, создается проблема выбора партнера женщинами, которые уже достигли определенного статуса и материально независимы. Поэтому нередки случаи, когда зрелая женщина заключает брак с мужчиной, который моложе ее как минимум на 10 лет.

По критерию сходство/различие партнеров различают гомогамные/гетерогамные браки. Термин «гомогамия» обычно употребляется для обозначения тенденции заключения браков между людьми, обладающими некоторыми общими или сходными характеристиками: психологическими, социальными, физическими и т.д. Гетерогамия – практика выбора партнера с различным социальным происхождением [17, С. 521].

Одним из критериев типологии брака является неравенство супругов по какому-либо значимому признаку: возрасту, общественному положению, доходу. По критерию «возраст партнера» выделяют следующие типы браков: одновозрастные, в которых разница составляет не более 2..3 лет, и разновозрастные. Общеизвестно, что наиболее благоприятным является сочетание пары, где муж старше жены на 5...7

лет. С психологической точки зрения это связано с утверждением о раннем эмоциональном взрослении девочки. Разницей в возрасте достигается выравнивание душевной зрелости супругов.

В.И. Добреньков, А.И. Кравченко полагают, что разновозрастным является брак, когда возраст супругов заметно разный в такой степени, что они принадлежат к разным поколениям (15 лет и более) [17, С. 405]. Как правило, разновозрастные браки имеют две модели:

- возраст мужчины существенно превышает возраст женщины;
- возраст женщины существенно превышает возраст мужчины.

Наряду с понятием «разновозрастный брак» в науке используется термин «асимметричный по возрасту брак». Так, Н.О. Быковой асимметричный по возрасту брак рассматривается как тип гетерогамного брачного союза, общим дифференцирующим признаком которого является возраст партнеров, принадлежность супругов к разным возрастным группам. Автором обосновано, что определение брачного союза как асимметричного по возрастному критерию актуально в том случае, когда он характеризуется возрастной дистанцией, превышающей социально одобряемые пределы, конструирующиеся обществом посредством выработки социальных, морально-этических и правовых норм брачного поведения [5, С. 14].

Вслед за Н.О. Быковой мы определяем разновозрастный союз как тип гетерогамного брачного союза, в котором супруги принадлежат разным возрастным группам (разница составляет 10 лет и более).

По мнению С.В. Климовой, неравные по возрастному критерию союзы возникают в связи с изменениями в социальной структуре постперестроечного общества. «В условиях ограничения для женщины возможности самостоятельно достигать выгодных социальных позиций неравный союз следует рассматривать как один из способов преодоления барьера социальной мобильности» [23, С. 145]. Проведенное ею эмпирическое исследование с целью оп-

ределения зависимости интереса девушек к зрелым мужчинам от профессиональных перспектив показало, что чем больше у девушек возможности повысить с возрастом свой профессиональный и социальный статус, тем меньше их интерес к союзам с возрастными мужчинами.

М.Э. Елютиной, Н.О. Быковой проведено эмпирическое исследование (методом полуструктурированного интервью), имеющее целью выявление позитивных и негативных характеристик разных моделей разновозрастного (асимметричного по возрастному критерию) брака: «Он-модель» (супруг старше супруги) и «Она-модель» (супруг младше супруги). На основе полученных данных определены следующие позитивные характеристики «Он-модели»: жизненный опыт старшего мужчины, более пластичные отношения между супругами, повышение социального статуса женщины, степени ее привлекательности для представителей противоположного пола. В некоторых случаях, как показало исследование, возможен творческий симбиоз супругов (в области науки, искусства), когда общая матрица отношений делает разницу в возрасте брачных партнеров невидимой. Кроме того, «Он-модель» является дополнительным ресурсом для демонстрации маскулинного поведения супруга [19, С. 86].

Авторами выявлены негативные характеристики данной модели брака, такие, как жесткий контроль со стороны старшего супруга; опасения супруги, связанные со здоровьем мужа; внутрисемейные конфликты (напряженные отношения молодой жены с детьми мужа от первого брака); недоброжелательное отношение окружающих; неприязнь супруги к возрастным особенностям мужа.

Положительные составляющие «Она-модели» (супруг младше супруги) следующие: мудрость супруги; критерий ее зрелости и состоятельности. В то время как среди негативных характеристик М.Э. Елютиной, Н.О. Быковой выделены такие, как неодобрительное отношение окружающих, с которым сталкиваются супружеские разновозрастные пары, особенно со стороны

родственников мужа; мужчина в данном типе брака рассматривается как инфантильный, зависимый член семьи; опасения и сожаления, связанные с возможностью деторождения; отсутствие общих интересов и круга общения. Авторы отмечают, что часть респондентов ориентирована на непродолжительные перспективы настоящего брака.

По мнению многих исследователей, превышение возраста жены относительно возраста мужа является одним из добрых факторов риска [27; 37]. Относительно этого вопроса с ними солидарны и сексологи, в частности Е.А. Кащенко, Кон [26; 25], указывающие на разницу в возрасте как на одну из причин несчастных браков.

Ряд авторов [20, С. 110-115], рассматривая тип разновозрастного брака (где мужчина значительно старше), отмечают некоторые положительные моменты для мужчины, а именно: реализация позиции «лидера в семье», возможность большей раскованности в интимной сфере, а также повышение престижа в глазах окружающих. Однако, по мнению Г.В. Залевского, Ю.В. Кузьминой, минусами подобных союзов являются: разные интересы и предпочтения супругов; постепенное угасание сексуальных возможностей мужчины, а отсюда возникновение проблем в сексуальной сфере; обостренное чувство ревности со стороны мужа. Характеризуя второй тип разновозрастного союза (где старше женщина), авторы в качестве положительного момента отмечают психологический комфорт молодого супруга, однако лишь до тех пор, пока его устраивает лидирующая позиция супруги. Кроме того, для мужчины желание стать отцом в данном случае становится не всегда осуществимым.

В области сексопатологии В.И. Здравомыслов, давая оценку разновозрастным бракам, отмечает, что встречаются женщины, с девичества равнодушные к своим сверстникам, предпочитающие мужчин значительно старше. Однако в подобных браках половое влечение не всегда является основным, в некоторых случаях имеет значение материальное или служебное по-

ложение мужа, а также преклонение перед такими его качествами, как ум, мужество, смелость, талантливость [22].

Таким образом, большинство исследователей полагают, что большая разница в возрасте мужей и жен повышает вероятность развода, а превышение возраста жены относительно возраста мужа рассматривается ими как один из добрачных факторов риска.

Итак, мы рассмотрели феноменологические представления о браке и пришли к выводу, что брак распространяется только на отношения супругов. Нам удалось внести ясность в соотношение понятий «семья» и «брак» и определить, что семья отличается от брака тем, что представляет собой более сложную систему отношений и объединяет не только супругов и их детей, но и других родственников. Сущность семьи отражена в ее структуре, функциях, ролевом поведении ее членов.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что в отечественной научной литературе проблема разновозрастного брака как самостоятельная затрагивалась редко и только в последнее время к ней проявляется повышенный интерес, что может свидетельствовать о переходе ее в разряд актуальных. Кроме того, в научной литературе не существует устоявшегося, однозначного определения понятия «разновозрастный брак». Некоторые аспекты его изучения нашли свое отражение в трудах исследователей: С.В. Климовой, Н.О. Быковой и М.Э. Елютиной, Я.М. Роциной и С.Ю. Роцина [5; 6; 18; 19; 23; 34; 35]. Объективная информация о содержательных характеристиках, мотивах заключе-

ния разновозрастных браков практически отсутствует.

Таким образом, разновозрастный брак и связанные с ним проблемы представлены в научной литературе лишь фрагментарно.

Анализируя социологические исследования, посвященные проблемам рассматриваемого нами феномена, можно сделать вывод о том, что в настоящее время происходят заметные изменения в возрастных характеристиках брачных отношений. Рост числа разновозрастных браков в России одними учеными [18; 19] объясняется наличием гендерной асимметрии в структуре населения, которая увеличивается с возрастом. Другие [23; 24] полагают, что распространение союзов мужчин среднего возраста с молоденькими женщинами связано со значительным снижением возможности восходящей мобильности в современном российском обществе.

М.Э. Елютиной и Н.О. Быковой выделены две модели асимметричного брака: «Он-модель» и «Она-модель», проанализированы различные характеристики и оценки указанных моделей. В итоге выделены гендерные различия в восприятии асимметричных по возрасту браков.

Как показали социологические исследования, проведенные М.Э. Елютиной и Н.О. Быковой, в российском обществе преобладает положительная или нейтральная оценка модели разновозрастного брака, где мужчина существенно старше. Такой брак оценивается как более стабильный и устойчивый. Союзы, где женщина старше на 10 лет и более, как правило, характеризуются негативно и воспринимаются социумом как нестабильные.

Литература

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: МГУ, 1996. 304 с.
2. Аргентова Л.В., Лидовская Н.Н. Сравнительное исследование проблем во взаимоотношениях супругов с зарегистрированными и незарегистрированными брачными отношениями // Сибирский психологический журнал, 2007. № 25. С. 132-136.

References

1. Antonov A.I., Medkov V.M. *Sotsiologiya semyi* [Sociology of family]. Moscow: Moscow State University, 1996. 304 p.
2. Argentov L.V., Lidovsky N.N. *Sibirskiy psichologicheskiy zhurnal* (Siberian psychological journal), 2007, no. 25. P. 132-136.

3. Байбурина Д.Г. Гендерные аспекты трансформации брачно-семейных отношений в современном обществе // Вестник Башкирского университета, 2014, Т. 9. № 2. С. 651-656.
4. Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М., 1997.
5. Быкова Н.О. Социальная идентификация асимметричного по возрасту брака в современном российском обществе: автореферат дис. ...канд. социол. наук. Саратов, 2013. 20 с.
6. Быкова Н.О. Особенности социального отношения к моделям асимметричного по возрасту брака в современном российском обществе // Современные проблемы науки и образования, 2013. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/111-10412>. Дата обращения 12.09.2014.
7. Брачность и брачное состояние // Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневецкий. М.: Институт народного прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека, 2006.
8. Винокурова А.В. Трансформация института семьи: функциональный подход // Труды Дальневосточного государственного технического университета, 2006. № 142. С. 28-37.
9. Владыкина Т. Брак с препятствиями // Российская газета, 28 мая, 2010, № 115 (5194). С. 6.
10. Голод С.И. Современная семья: Плюрализм моделей // Социс, 1996. № 3, 4. С. 66.
11. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. С-П, ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.
12. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003. Т. VI. № 2. С. 106-119.
13. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6.
14. Гурко Т.А., Петрова О.Ю. Трансформация института брака в России // Проблемы брака и супружества в условиях полиэтничного общества: теоретико-эмпирический анализ: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием [Казань, 15 мая 2012 г.] / [сост. и науч. ред. Л.В. Карцева]. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2012. С. 248-252.
15. Гурко Е.М. Представления студенческой молодежи о браке // Актуальные проблемы семей в России / Под ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 200-210.
16. Демография / Под ред. проф. В.Г. Глушковой. М.: КНОРУС, 2004.
3. Bayburina D.G. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* (Bashkir University Journal), 2014. Vol. 9, no. 2. P. 651-656.
4. *Bolishoy entsiklopedicheskiy slovar* (Great Encyclopedic Dictionary): Ed. A.M. Prokhorov. Moscow, 1997.
5. Bykova N.O. Social identification asymmetric age of marriage in contemporary Russian society [Sotsialnaya identifikatsiya asimmetrichnogo po vozrastu braka v sovremennom rossiyskom obshhestve]: abstract ... diss. candidate of sociological sciences. Saratov, 2013. 20 p.
6. Bykova N.O. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern problems of science and education), 2013, no. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/111-10412> (accessed 12/09/2014).
7. *Brachnost i brachnoe sostoyanie* (Marriages and marital status): Population of Russia 2003-2004. Eleventh and Twelfth annual demographic report; Ed. A.G. Wisniewski. Moscow: Institute of National Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Center for Demography and Human Ecology, 2006.
8. Vinokurova A.V. *Trudy Dalnevostochnogo gosudarstvennogo tehniceskogo universiteta* (Proceedings of the Far Eastern State Technical University), 2006, no. 142. P. 28-37.
9. Vladykina T. *Rossiyskaya gazeta* (Russian newspaper), May 28, 2010, no. 115 (5194). P. 6.
10. Golod S.I. *Socis* (Sotsis), 1996. no. 3, 4.
11. Golod S.I. *Semiya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. St.-Petersburg, TOO TK «Petropolis», 1998, 272 p.
12. Golod S.I. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* (Journal of Sociology and Social Anthropology), 2003, Vol. VI, no. 2. P. 106-119.
13. Golod S.I. *Sotsialno-politicheskii zhurnal* (Socio-political magazine), 1995, no. 6.
14. Gurko T.A., Petrova O. *Problemy braka i supruzhestva v usloviyah polietnichnogo obshhestva: teoretiko-empiricheskii analiz* (Problems of marriage and marriage in a poly-ethnic society: theoretical and empirical analysis): collection of articles of the Russian scientific and practical conference with international participation [Kazan, 15 May 2012]. Kazan, 2012. P. 248-252.
15. Gurko E.M. *Aktualnye problemy semey v Rossii* (Actual problems of families in Russia): Ed. T.A. Gurko. M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2006, P. 200-210.
16. *Demografiya* [Demography]: Ed. V.G. Glushkova. Moscow: KNORUS, 2004.

17. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: научное издание. В 15-ти т. Т. X. Гендер, семья, родство. — М.: Инфра—М, 2006. 1092 с.
18. Елютина М.Э., Быкова Н.О. Модели асимметричного по возрасту брака // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 270-275.
19. Елютина М.Э., Быкова Н.О. Асимметричный по возрасту брак в оценках супругов // Социологические исследования, 2012. № 1. С. 83-93.
20. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. Разновозрастные браки: психологические проблемы // Сибирский психологический журнал, 2012. № 43. С. 107-115.
21. Захаров С. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly, 2006. № 237-238, март. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.pth>. Дата обращения 26.05.2014.
22. Здравомыслов В.И., Анисимова З.Е., Либих С.С. Функциональная женская сексопатология. [Электронный ресурс]. Режим доступа: lib.druzya.org/sexologia/zdravomys. [Дата обращения 14.04.12].
23. Климова С.В. Анализ отношений юных женщин с мужчинами среднего возраста // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 142-145.
24. Климова С.В. Социальный феномен любви // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 79-88.
25. Кон И.С. Сексология. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 384 с.
26. Кащенко Е.А. Основы социокультурной сексологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 351 с.
27. Лавриненко В.Н., Нартов Н.А., Шабанова О.А., Лукашова Г.С. Социология / Под ред. В.Н. Лавриненко, М.: ЮНИТИ-Дана, 2002, 407 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/sotsiologiya-uchebnik-dlya-vuzov-pod-redaktsiej-vn-lavrinenko>. Дата обращения: 20.03.2012.
28. Лоусон Т., Гэррод Д. Социология от А до Я: Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: Фаир-пресс, 2000. 608 с.
29. Медков В.М. Демография [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/594124/> [Дата обращения 03.02.2011].
30. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Партнерские отношения в большом городе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2012. № 1 (25). С. 84-89.
31. Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1985, 696 с.
17. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. *Fundamentalnaya sotsiologiya* [Fundamental Sociology]: scientific publication. In 15 vol. Vol. X. Gender, family, relatives. Moscow: Infra-M, 2006, 1092 p.
18. Elyutina M.E., Bykova N.O. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* (Saratov State Technical University Journal), 2011, no. 1. P. 270-275.
19. Elyutina M.E., Bykova N.O. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological studies), 2012, no. 1. P. 83-93.
20. Zalevsky G.V., Kuzmina Y.V. *Sibirskiy psichologicheskij zhurnal* (Siberian psychological journal), 2012, no. 43, P. 110-115.
21. Zakharov S. *Demoskop Weekly* (Demoscope Weekly), 2006, no. 237-238, March. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.pth>. (accessed 26.05.2014).
22. Zdravomyslov V.I., Anisimova Z.E., Libih S.S. *Funktsionalnaya zhenskaya seksopatologiya* (Functionally female sexual pathology). Available at: lib.druzya.org/sexologia/zdravomys. [accessed 14.04.12].
23. Klimova S.V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological studies), 2002, no. 11. P. 142-145.
24. Klimova S.V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological studies), 2009, no. 9. P. 79-88.
25. Kon I.S. *Seksologiya* [Sexology]. Moscow: Publishing Center «Academy», 2004. 384 p.
26. Kashchenko E.A. *Osnovy sotsiokulturnoy seksologii* [Fundamentals of socio-cultural sexology]. Moscow: UNITY-DANA, 2002. 351 p.
27. Lavrynenko V.N., Nartov N.A., S. Shabanova O.A., Lukashova G.S. *Sotsiologiya* (Sociology); Ed. V.N. Lavrynenko. M.: UNITY-Dana, 2002, 407 p. Available at: <http://socioline.ru/pages/sotsiologiya-uchebnik-dlya-vuzov-pod-redaktsiej-vn-lavrinenko> (accessed 20.03.2012).
28. T. Lawson, Gerrod D. *Sotsiologiya ot A do Ya* [Sociology from A to Z]: Glossary Directory; translated from English by K.S. Tkachenko. Moscow: Fair Press, 2000. 608 p.
29. Medkov V.M. *Demografiya* (Demographics). Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/594124/> (accessed 03.02.2011).
30. Saraliev Z.H., Balabanov S.S. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* (Nizhny Novgorod University Journal named after N.I. Lobachevsky). Series Social Sciences, 2012, no. 1 (25). P. 84-89.
31. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]; Ed. A.P. Evgenyeva. Vol. 1, Moscow, 1985.

32. Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.Н. Данилова. Минск «Беларусская энциклопедия», 2003.
33. Романова Н.П., Осинский И.И. Одинокие женщины. Чита: ЧитГУ, 2000. 233 с.
34. Рощина Я.М., Рощин С.Ю. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. 60 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/565/989/1224/WP4_2006_04.pdf Дата обращения 14.06.13].
35. Рощина Я.М., Рощин С.Ю. Эмпирический анализ брачных рынков в России // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня Население и общество. № 319-320. 4-17 февраля 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/analit03.php>. [Дата обращения 14.06.13].
36. Полеев А. Когда жена старше мужа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.psychology-online.net>articles/dog-732.html](http://www.psychology-online.net/articles/dog-732.html). [Дата обращения 14.06.12].
37. Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psychologi.net.ru/semeynaya/shneyder.html> [Дата обращения 14.06.14].
38. Ackerman N.W. *The Strength of Therapy*. N. Y., 1982. P. 153-158.
39. Christensen, Harold T. *Marriage analysis, foundation for successful family life*. New York, Ronald Press Co, 1950. 510 с.
40. Jedlicka D.A. Indirect Parental Influence on Mate Choice: a Test of the Psychoanalytic Theory // *Journal of Marriage and the family*, 1984. Vol. 46. P. 65-70.
41. Jedlicka D.A. Test of Psychoanalytic Theory of Mate Selection // *Journal of Social Psychology*, (December), 1980. P. 292-299.
42. Neumann D. How Mediation Can Effectively Address the Male-Female Power Imbalance in Divorce. [Электронный ресурс]. [http://www.mediate.com/mediator/attachments/1696/Power %20 Imbalance%20in%20Divorce.pdf](http://www.mediate.com/mediator/attachments/1696/Power%20Imbalance%20in%20Divorce.pdf). Дата обращения: 29.09.2014.
32. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Sociology]; Ed. A.N. Danilov. Minsk «Belarusian Encyclopedia», 2003.
33. Romanova N.P., Osinskiy I.I. *Odinokie zhen-shiny* [Single women]. Chita: ChitGU, 2000. 233 p.
34. Roshchina Y.M., Roshchin S.Y. *Brachnyy ry-nok v Rossii: vybor partnera i faktory uspeha* (Marriage market in Russia: choice of partner and success factors). Moscow: State University – Higher School of Economics, 2006, 60 p. Available at: http://www.hse.ru/data/565/989/1224/WP4_2006_04.pdf (accessed 14.06.13).
35. Roshchina Y.M., Roshchin S.Y. *Demoskop Weekly. Elektronnyaya versiya byulletenya Naselenie i obshchestvo* (Demoscope Weekly. The electronic version of Population and Society bulletin), no. 319-320. 4-17 February 2008. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0319/gazeta014.php>. (accessed 14.06.13).
36. Poleev A. *Kogda zhen starshe muzha* (When wife is older than husband). Available at: [www.psychology-online.net> articles / dog-732.html](http://www.psychology-online.net/articles/dog-732.html). (accessed 14.06.12).
37. Shneider L.B. *Osnovy semeinoy psihologii* (Basics of family Psychology). Available at: <http://psychologi.net.ru/semeynaya/shneyder.html> (accessed 14.06.14).
38. Ackerman N.W. *The Strength of Therapy* [The Strength of Therapy]. New York, 1982. P. 153-158.
39. Christensen, Harold T *Marriage analysis, foundation for successful family life* [Marriage analysis, foundation for successful family life]. New York, Ronald Press Co, 1950. 510 p.
40. Jedlicka D.A. *Journal of Marriage and the family* (Journal of Marriage and the family), 1984. Vol. 46. P. 65-70.
41. Jedlicka D.A. *Test of Psychoanalytic Theory of Mate Selection* [Test of Psychoanalytic Theory of Mate Selection]: *Journal of Social Psychology*, (December), 1980. P. 292-299.
42. Neumann D. *How Mediation Can Effectively Address the Male-Female Power Imbalance in Divorce* (How Mediation Can Effectively Address the Male-Female Power Imbalance in Divorce). Available at: [http://www.mediate.com/mediator/attachments/1696/Power %20 Imbalance%20in%20 Divorce.pdf](http://www.mediate.com/mediator/attachments/1696/Power%20Imbalance%20in%20Divorce.pdf). (accessed 29.09.2014).

Коротко об авторе

Рыжкова А.А., аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
annashalavina@mail.ru

Научные интересы: разновозрастные браки, гендерные исследования

Briefly about the author

A. Ryzhkova, postgraduate, Transbaikal State University, Chita, Russia

Scientific interest: age-specific marriages, gender so studies

УДК 323

Шемелин Аркадий Валерьевич
Arkadiy Shemelin

Егоров Егор Владимирович
Egor Egorov

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ

BASIC OF RELATIONS ASSOCIATED WITH ACCESS TO INFORMATION REPORT OF SHIPS

Рассматривается законодательный процесс, регулирующий организацию доступа к информации о деятельности судов и основные требования при обеспечении доступа к такой информации, порядок предоставления информации о деятельности судов, организационные моменты взаимодействия судов, Судебного департамента, органов Судебного департамента, органов судейского сообщества с редакциями средств массовой информации.

Научное обоснование теоретических проблем правового регулирования применения информационных технологий при отправлении правосудия представляет существенный интерес в теории информационного права.

Авторы отмечают, что «применение информационных технологий позволяет достигнуть принципиально нового уровня открытости и доступности правосудия в соответствии с требованиями Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», способствует реализации конституционных прав граждан на судебную защиту, безупречности и эффективности деятельности судов, а также созданию условий, препятствующих проявлению коррупции. Совершенствование судопроизводства путем широкого внедрения в практику рассмотрения судебных дел информационных технологий способствует снижению нагрузки на судей и работников аппаратов судов, сокращению сроков рассмотрения дел, повышает качество рассмотрения дел»

The article deals with the legislative process, regulating the organization of access to information about the activities of the courts and the basic requirements for providing access to such information, the procedure for providing information about the activities of the courts, organizational aspects of interaction courts of the Judicial Department, judicial bodies with the editorial media.

Scientific substantiation of the theoretical problems of legal regulation of the information technology use in the administration of justice is of considerable interest in the theory of information law.

The authors note: «The application of information technology makes it possible to achieve a fundamentally new level of openness and access to justice in accordance with the Federal Law of 22 December 2008 № 262-FZ» On providing access to information on the courts of the Russian Federation», contributes the constitutional rights of citizens to judicial protection, integrity and efficiency of the courts, as well as the creation of conditions preventing the appearance of corruption. Improving the legal proceedings by the widespread introduction of the practice of court cases information technology helps to reduce the workload of judges and court staff, reduce the period of cases, improves the quality of cases»

Ключевые слова: информация, информация о деятельности судов, судебная информация

Key words: information, information about the courts' activities, judicial information

Правовая основа отношений, связанных с обеспечением доступа к информации о деятельности судов [3], имеет актуальное значение в практической деятельности заинтересованных лиц: граждан, представителей организаций, их руководителей, должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Согласно теории права, под объектом правовых отношений понимается то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности, либо то, по поводу чего складывается правоотношение.

Информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений. Иначе говоря, информация может являться объектом любых правовых отношений. Соответственно общепринятому в теории права делению всех правоотношений на частные (правоотношения, в которых государство отсутствует в качестве субъекта, или в которых государство — субъект, но как носитель имущественных интересов при отсутствии властного подчинения государству) и публичные (правоотношения, одним из субъектов которых является государство через свои органы и которые основаны на властном подчинении государству), законодательно выделены публичные и гражданские правоотношения.

Гражданские правовые отношения, а точнее, отношения, регулируемые гражданским законодательством, определены в ст. 2 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3].

В ГК РФ также предусмотрено, что информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу, но при условии, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления

или распространения. Соответственно, при установлении таких ограничений или иных требований они подлежат соблюдению при использовании информации и ее передаче.

В зависимости от категории доступа к информации выделяются следующие виды:

1) общедоступная информация (общезвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен);

2) информация, доступ к которой ограничен федеральными законами, или иначе — информация ограниченного доступа (ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства).

В зависимости от порядка предоставления или распространения информации выделяются следующие виды:

1) информация, свободно распространяемая (в Российской Федерации распространение информации осуществляется свободно при соблюдении требований, установленных законодательством РФ);

2) информация, предоставляемая по соглашению лиц, участвующих в соответствующих отношениях (предоставление информации осуществляется в порядке, который устанавливается соглашением лиц, участвующих в обмене информацией);

3) информация, которая в соответствии с федеральными законами подлежит предоставлению или распространению (случаи и условия обязательного распространения информации или предоставления информации, в т.ч. предоставление обязательных экземпляров документов, устанавливаются федеральными законами);

4) информация, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается (запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религи-

озной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность).

Для возникновения и реализации правоотношений в области доступа к информации необходимы объективные условия. В качестве таких объективных условий в данном случае выступают, во-первых, наличие реальных фактов, связанных с интересами различных субъектов общества по поводу получения такого рода информации и, во-вторых, наличие нормативно-правовой основы, соответствующих правовых норм, позволяющих ввести отношения по конкретному факту в систему юридических фактов и правовых отношений.

Обеспечение доступа к информации о деятельности судов представляет собой комплекс мероприятий по сбору и обработке, представлению информации, проводимых Судами всех звеньев, а также властными органами, непосредственно взаимодействующими и осуществляющими организационное обеспечение деятельности судов (органы судейского сообщества, Судебный департамент и его органы). Данный комплекс мероприятий имеет своей целью создать все необходимые условия для открытости и доступности в получении информации всеми заинтересованными лицами (имеются в виду как частные физические лица, так и юридические организации, государственные органы власти, органы местного самоуправления, общественные объединения).

Все проводимые мероприятия должны содержать правовое обоснование, которое определяется, исходя из источников, включающих в себя основополагающие правила осуществления указанных мероприятий, конкретно устанавливающих полномочия и порядок деятельности судов, организационные требования относительно порядка судопроизводства, о чем в официальном порядке подается соответствующая информация.

К соответствующим источникам, регулирующим рассматриваемые отношения, следует отнести, в первую очередь, Консти-

туцию РФ [4]. Так, ст. 123 Конституции РФ закрепляет в своем содержании такие важные требования, предъявляемые к осуществлению правосудия, как открытость судебных разбирательств и недопущение заочного разбирательства дел. В этой же норме закреплён и общий конституционный принцип судопроизводства — осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон. Конституционными положениями также предусматриваются основные требования к организационному порядку осуществления судопроизводства, без чего невозможным представляется отправление законного правосудия.

В конституции, в частности, указывается, что суды — единственные властные органы, непосредственно осуществляющие конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводства, с учетом подведомственности конкретных дел. При этом подразумевается полная самостоятельность судей при осуществлении правосудия, то есть отсутствие какого-либо влияния на деятельность судей.

В Конституции РФ определены основополагающие организационные правила работы вышестоящих судов, непосредственно осуществляющих правосудие и одновременно исполняющих контрольное и надзорное производство. Содержание конституционных положений непосредственно учитывается при обеспечении информации о деятельности судов. Законодатель определяет в содержании, что помимо конституции порядок организации судопроизводства, полномочия и порядок деятельности судов в Российской Федерации устанавливаются федеральными конституционными законами, федеральными законами, а также законодательством субъектов Российской Федерации — в отношении конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и мировых судей.

Здесь, в первую очередь, отметим следующие источники:

1) Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1 — ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [5];

2) Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [6];

3) Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 7 – ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [7];

4) Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30 – ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [8];

5) Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188 – ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [9].

Регламенты судов и (или) иные акты, исходящие, в том числе от Судебного департамента, органов судейского сообщества, также отнесены к числу источников, с помощью которых возможно регулировать проводимые процессы в обеспечении доступа к информации о деятельности судов. Отнеся регламенты с иными актами к правовому регулированию отношений, связанных с обеспечением доступа к информации о деятельности судов, законодатель имел в виду дополнительные источники правового регулирования. Такие документы имеют внутреннее назначение. Однако без них невозможно обеспечивать пополнение информационной базы о работе судебной системы.

В частности, регламенты по своему содержанию представляют правила, определяющие порядок деятельности государственного органа.

Следует отметить, что положения конституции корреспондируют о преимуществе действия норм и принципов международного права и международных договоров в национальной системе права.

Определение международных договоров содержится в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 101 – ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [10].

Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией РФ (п. 4 ст. 15) составной частью ее правовой системы. Международные до-

говоры по своему общеполитическому назначению выступают теми средствами, с помощью которых происходят процессы регуляции межгосударственных отношений, и одновременно они являются существенным элементом стабильности международного правопорядка.

К числу международных документов, имеющих важное значение в регулировании отношений, связанных с обеспечением доступа к информации о деятельности судов, относятся следующие:

1) Международный пакт о гражданских и политических правах [11];

2) Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [12].

Так, Международный пакт о гражданских и политических правах [11] и Общие рекомендации Комитета по правам человека предусматривают открытость и доступность актов судебной власти для граждан, а Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [12] провозглашает принцип доступности правосудия. Особое место в системе международной регуляции отношений по обеспечению доступа к информации о деятельности судов имеют также:

1) решения Европейского суда по правам человека в части доступности правосудия;

2) рекомендательные международные универсальные и региональные (европейские) документы, предусматривающие открытость и доступность для граждан судебных актов;

3) законодательство отдельных европейских стран о судеустройстве, уголовном процессе, гражданском процессе, административном процессе;

4) законодательство отдельных европейских стран, содержащее нормы об информационной открытости деятельности органов государственной власти, в том числе об открытости информации о деятельности судов и принимаемых судами решениях.

Изучение международных актов, наряду с документированной рекомендательной и законодательной базами, а также

изучение международного опыта неукоснительно содействует выработке целесообразных предложений по усовершенствованию действующей в России модели обеспечения открытости информации для граждан.

Полагаем, нормативную основу модели правового регулирования можно представить в виде следующих уровней правового регулирования:

– федеральный, предполагающий регулирование информационных отношений в искомой сфере на основании международных актов, ратифицированных Российской Федерацией, Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, Указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, приказов Судебного департамента при Верховном Суде РФ;

– уровень субъекта Российской Федерации, предусматривающий регулирование информационных отношений в сфере применения информационных технологий в судах в соответствии с нормативными правовыми актами государственных органов власти субъектов РФ;

– локальный, включающий в себя определение средств юридического воздействия на поведение субъектов судебного информационного пространства на основе приказов, положений, инструкций, регламентов, правил самих судов общей юрисдикции.

По этому поводу следует согласиться с В.И. Кокотовой, что на основании анализа международных правовых актов, норм Конституции РФ, уголовно-процессуального, гражданского процессуального законодательства и правоприменительной практики определена совокупность принципов правового регулирования применения информационных технологий в судах общей юрисдикции, которые условно подразделены на следующие группы [13]:

– общеправовые (конституционные, международно-правовые: принцип законности, принцип равенства субъектов судебного информационного пространства, охрана чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, неприкосно-

венность частной жизни, презумпция невиновности, свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом);

– процессуальные (публичность, гласность, непосредственность);

– Прикладные принципы (принцип комплексного организационно-методического и нормативно-правового обеспечения применения информационных технологий в судах общей юрисдикции; достоверность судебной информации; принцип безопасности субъектов судебного информационного пространства; принцип процессуальной экономии).

Соответственно, модель правового регулирования применения информационных технологий в судах общей юрисдикции характеризуется свойствами системности, нормативности, информативности и позволяет нормативно и организационно определить и упорядочить поведение субъектов судебного информационного пространства, достигая тем самым целей правового регулирования применения информационно-коммуникативных технологий в судах общей юрисдикции.

В апреле 2006 г. Верховный Суд РФ выступил субъектом законодательной инициативы и внес законопроект № 287750-4 «Об обеспечении прав граждан и организаций на информацию о судебной деятельности судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Итогом проведенной работы стал принятый и опубликованный Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [1], вступивший в законную силу с 1 июля 2010 г.

Время диктует необходимость в информационном сопровождении деятельности судов. И первоочередное значение уделяется тому, чтобы в информационном сопровождении были активно задействованы интернет-ресурсы судов. В настоящее время Интернет занимает одну из лидирующих позиций среди всех информационных ресурсов. Поэтому так важна роль интернет-ресурсов в обеспечении деятельности

судов. В ближайшее время интернет-ресурсы судов назовут, пожалуй, самой активной и оперативной формой обеспечения гласности и открытости правосудия. Не стоит забывать, конечно же, и о правовой подаче информации, в связи с чем установлены правила предоставления информации через интернет-ресурсы. Все действующие суды в России, имея в своем распоряжении интернет-сайты, на которых представлена полная информация об их работе, обязаны обеспечить подачу информации в соответствии с названным законом, а именно обязаны отвечать за достоверность, правильность и законность предоставляемой информации. При этом открытость информации третьим лицам в ходе осуществления

правосудия должна обеспечиваться также созданием условий безопасности всех участников процесса.

Проводимый президентом России курс по совершенствованию судебной системы, продолжению пути ее реформирования, а также информационному сопровождению деятельности органов судебной власти требует активного развития отношений между судебными органами и СМИ. Информационное партнерство с редакциями различных СМИ позволяет пресс-службам судов осваивать различные программы по сотрудничеству в обеспечении объективного, достоверного и гласного освещения деятельности судов.

Литература

1. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации: [от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ] / Российская газета. 2008. № 265.

2. Арестова О.Н., Ковалева Н.Н. Комментарий к Федеральному закону от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» / под ред. О.Н. Арестовой [и др.]. М.: Юрайт-издат, 2010. С. 137.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон [30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ)] // Рос. газета. 1994. № 238-239.

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 4.

5. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон [31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1. Ст. 1. 6 января.

6. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Рос. Федерации [26 июня 1992 г. № 3132-I (с посл. изм. и доп.)] // Рос. газета. 1992. № 170. 29 июля.

7. О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации: федеральный закон [08.01.1998 № 7-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Рос. газета. 1998. № 6. 14 января.

References

1. *Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti sudov v Rossiyskoy Federatsii* (On providing access to information about the activities of the courts in the Russian Federation): Federal Law of the Russian Federation: [December 22, 2008 № 262-FZ]; Rossiyskaya Gazeta, 2008, no. 265.

2. Arestova O.N., Kovalev N.N. *Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 22 dekabrya 2008 g. № 262-FZ «Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti sudov v Rossiyskoy Federatsii»* [Commentary to the Federal Law of 22 December 2008 № 262-FZ «On providing access to information on the courts of the Russian Federation»]; ed. O.N. Arestova [et al.]. Moscow: Yurayt-izdat, 2010. 137 pp.

3. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* (Civil Code of the Russian Federation): federal law [November 30, 1994, № 51-F3 (in red. On May 5, 2014, № 99-FZ)]; Ros. gazeta, 1994, no. 238-239.

4. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* (Constitution of the Russian Federation): adopted by popular vote on December 12, 1993; Coll. Russ. legislation Federation, 2009, no. 4.

5. *O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii* (On the Judicial System of the Russian Federation): federal constitutional law [31 December 1996 № 1 FCL (with the last. Amend. Ext.)]; Coll. Russ. legislation Federation, 1997, no. 1, art. 1, January 6.

6. *O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii* (On the Status of Judges in the Russian Federation): Law Russ. Federation [26 June 1992 № 3132-I (with the last. Amend. Ext.)]; Ros. gazeta, 1992, no. 170, 29th of July.

7. *O Sudebnom departamente pri Verhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii* (Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation): federal law [08.01.1998 № 7-FZ (with the last. Rev. & Accessories)]; Ros. gazeta, 1998, no. 6, January 14.

8. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: федеральный закон [14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Парлам. газета. 2002. № 52. 19 марта.

9. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон [17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Рос. газета. 1998. № 242. 22 декабря.

10. О международных договорах Российской Федерации: федеральный закон [15 июля 1995 г. № 101-ФЗ] // Рос. газета. 1995. № 29. 21 июля.

11. О гражданских и политических правах: международный Пакт [ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 № 4812-VIII] // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 1994. № 12.

12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в г. Риме 04.11.1950 (с посл. изм. и доп.)] // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

13. Кокотова В.И. Правовое регулирование применения информационных технологий в судах общей юрисдикции: автореф. дисс. на канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

8. *Ob organah sudeyskogo soobshhestva v Rossiyskoy Federatsii* (On the bodies of the judiciary in the Russian Federation): federal law [March 14, 2002 № 30-FZ (as last. Rev. & Accessories)]: *Parlam. gazeta*, 2002, no. 52, march 19th.

9. *O mirovyh sudiyah v Rossiyskoy Federatsii* (On the magistrates in the Russian Federation): Federal Law [December 17, 1998 № 188-FZ (as last. Rev. & Accessories)]: *Ros. gazeta*, 1998, no. 242, December 22.

10. *O mezhdunarodnyh dogovorah Rossiyskoy Federatsii* (On International Treaties of the Russian Federation): federal law [15 July 1995 № 101-FZ]: *Ros. gazeta*, 1995, no. 29, July 21.

11. *O grazhdanskih i politicheskikh pravah* (On Civil and Political Rights): International Covenant [ratified by the Decree of the Presidium of the USSR Supreme 18.09.1973 № 4812-VIII]: *Bulletin of the Supreme Court of the Rus. Federation*, 1994, no. 12.

12. *Konventsiya o zashhite prav cheloveka i osnovnykh svobod* (Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms): [concluded in Rome on 04.11.1950 (with last. Amend. Ext.)]: *Bulletin of international agreements*, 2001, no. 3.

13. Kokotova V.I. Legal regulation of the information technology use in the courts of general jurisdiction [Pravovoe regulirovanie primeneniya informatsionnykh tehnologiy v sudah obshhey yurisdiktsii]: Abstract diss.cand. law. sciences. Moscow, 2009. P. 24.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Шемелин А.В., д-р полит. наук, профессор, зав. каф. «Социально-правовые дисциплины», юридический факультет, Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ
shemelin75@yandex.ru

A. Shemelin, doctor of political sciences, professor, head of Socio-Legal Disciplines department, Law faculty, Transbaikal State University, Chita, Russia

Научные интересы: избирательное право, электоральное поведение, история органов государственного управления

Scientific interests: right to vote, electoral behavior, history of government

Егоров Е.В., аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ
egor.egorov075@gmail.com

E. Egorov, postgraduate, Transbaikal State University, Chita, Russia

Научные интересы: избирательное право, информатизация избирательного процесса

Scientific interests: right to vote, computerization of electoral process

Экономические науки

УДК 332.13

*Глазырина Ирина
Петровна
Irina Glazyrina*

*Яковлева Ксения
Александровна
Kseniya Yakovleva*

*Жадина Наталья
Викторовна
Natalia Zhadina*

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ****SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY OF REGIONAL FOREST USE:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Предложены удельные количественные показатели социальной и бюджетной эффективности использования лесов в различных регионах России. Эффективность оценивалась по двум показателям: поступлениям в региональный бюджет и заработной плате работников в расчете на единицу использованного ресурса, то есть в данном случае на 1 м³ заготовленной древесины. Проведенные расчеты показали высокую степень дифференциации налоговых поступлений в региональные бюджеты по федеральным округам и по субъектам РФ в расчете на 1 м³ заготовленной древесины, а также то, что в Забайкальском крае эти показатели — практически самые низкие в России. Потенциал трансграничного сотрудничества с Китаем, обладающим технологиями комплексного использования лесных ресурсов и их глубокой переработки, в Байкальском регионе до сих пор остался неиспользованным. До сих пор не создано реальных стимулов, которые в условиях Байкальского региона — то есть приграничного положения и удобной транспортной инфраструктуры — сделали бы глубокую лесопереработку более привлекательной, чем банальные поставки «слегка об-

The article proposes per-unit indicators of social and budget effectiveness of regional forest use. Effectiveness has been estimated by two indicators: financial flows into regional state budget and salary per unit of extracted wood. Calculations showed substantial difference between federal districts and regions (sub-federal units). Our results also demonstrated that these indicators in Transbaikal region are the lowest in Russia. The potential comparative advantages connected with transboundary cooperation with China, the country possessed modern technologies for wood-processing, remain underused in Baikal region. Economic incentives which can make deep wood-processing industry more attractive than raw timber extracting are not created yet, in spite of near-border position and infrastructural advantages in Baikal region. The conjuncture of economic and institutional factors in near-border of the eastern Russian regions does not provide development of deep wood-processing industry, and therefore an increase in state budget effectiveness of forestry. It is necessary to rearrange state forest policy towards new priorities oriented to growth of welfare instead of export expansion and benefit of extracting companies

работанной» древесины. Сочетание экономических и институциональных факторов в восточных приграничных регионах России и регионах, имеющих приемлемые инфраструктурные условия для экспорта в КНР, не способствует развитию производств глубокой переработки древесины и, как следствие, повышению бюджетной эффективности лесопользования. Необходимо перейти к формированию новой системы приоритетов лесной политики – они должны, прежде всего, отражать задачи повышения благосостояния граждан, а не рост экспорта и доходов лесопромышленных компаний

Ключевые слова: лесопользование, социальная и бюджетная эффективность, экспорт леса

Key words: forest use, social and budget effectiveness, forest export

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», а также при поддержке РГНФ (проект № 13-02-00093)

Один из ключевых вызовов для природно-ресурсных регионов России в XXI в. – формирование условий для инновационного развития сырьевого и энергетического секторов. Это в полной мере относится и к лесопользованию. Попытки государственного регулирования – увеличение таможенных пошлин на необработанную древесину для сокращения доли сырьевого экспорта кардинально не решили проблему. После вступления России во Всемирную торговую организацию были введены квоты, в рамках которых взимается пониженная вывозная пошлина: на необработанные лесоматериалы хвойных пород в пределах тарифной квоты установлена ставка вывозной таможенной пошлины 13 % на ель и 15 % на сосну. Доля экспорта круглого леса снизилась, а его место заняли пиломатериалы первичной переработки [7]. Но в приграничных регионах не произошло диверсификации лесного сектора, развитие глубокой и безотходной переработки, внедрение новых технологий [8]. Как показывает табл. 1, почти все регионы, имеющие удобные инфраструктурные условия для

поставок древесины в КНР, определенно отстают по удельному показателю обработки древесины в расчете на 1 м³ лесозаготовки. Исключением является Приморский край, однако высокие удельные показатели по обработке древесины обусловлены, по видимому, высокой долей древесины особо ценных пород.

Особенно выделяется Забайкальский край, где негативную роль играют сразу три (на первый взгляд, позитивных) фактора: приграничное положение, большие запасы лесных ресурсов и наличие нескольких трансграничных переходов, в том числе крупнейшего на российско-китайской границе автомобильного и железнодорожного перехода Забайкальск-Манчжурия. Таким образом, развитая транспортная инфраструктура (в российских условиях) служит дополнительным преимуществом для экспорта сырья и снижает привлекательность обрабатывающих производств.

Лесопромышленный комплекс Забайкальского края является экспортно-ориентированным с 1998 г. Тогда в результате девальвации российского рубля резко возросла рентабельность экспорта в КНР. В 2007 г. он превысил 4 млн м³ – это исторический максимум. С 1998 по 2007 гг. доля необработанной древесины в общем объеме экспорта превышала 90 %. Приграничное положение региона, относительно низкие расходы на транспортировку, которые мог-

ли бы стать конкурентным преимуществом, на самом деле оказались барьерами для создания современного лесопромышленного комплекса – более выгодным оказался экспорт круглого леса, чем обработанной древесины. Важным фактором стало и то, что вывоз необработанной древесины не был

связан с высокими коммерческими и инвестиционными рисками, которые в российских условиях сопровождают большинство видов бизнеса в обрабатывающем секторе, а также обеспечивал значительно более быстрый оборот средств.

Таблица 1

Удельные показатели: обработка древесины и производство изделий из дерева (тыс. руб.) за 2011 г. в расчете на 1 м³ заготовленной древесины (источник данных: www.fedstat.ru)

Субъект РФ	Обработка древесины и производство изделий из дерева, тыс. руб.	Объем заготовленной древесины, тыс. м ³	Обработка древесины и производство изделий из дерева в расчете на 1 м ³ , руб.
Амурская область	578 200,7	1 838,6	314,5
Забайкальский край	208 732,8	2 487,4	83,9
Респ. Бурятия	444 625,1	2603,38	170,86
Иркутская область	20 027 655,4	26 075,7	768,1
Красноярский край	13 631 029,8	13 865,8	983,1
Приморский край	6 699 444,4	3957,38	1693
Хабаровский край	4 244 625,4	7 245,0	585,9
Алтайский край	5 625 778	3345,5	1682
Томская область	5 168 748	4334	1192,6
Новосибирская область	2 317 999,4	1 251,0	1 852,9

Сложившаяся модель регионально-го лесопользования, которая принесла определенные позитивные результаты в краткосрочном и среднесрочном планах, оказалась практически тупиковой в плане долгосрочном: после кризиса 2008-2007 гг. свои позиции на внешних рынках смогли сохранить лишь регионы, которые сохранили и расширили обрабатывающие производства в ЛПК. В этом контексте интересно сравнение показателей субъектов РФ Байкальского региона (табл. 2).

География экспортных поставок древесины и изделий из нее из Иркутской

области говорит о том, что значительная часть этих потоков – продукты достаточно высокого качества и глубокой переработки. Существенное падение лесного экспорта из Забайкальского края и Бурятии после 2008 г. часто объясняют резким повышением таможенных пошлин и снижением спроса вследствие экономического кризиса. Однако пример Иркутской области, экспортирующей в Западную Европу в два с половиной раза больше древесных продуктов, чем Забайкальский край поставляет в КНР, говорит о том, что причины гораздо глубже.

Таблица 2

Экспорт из субъектов РФ Байкальского региона, 2012 г. (Источник: материалы Сибирского таможенного управления, расчеты авторов)

Субъекты РФ	Экспорт древесины из изделий из нее, тыс. долл. США, %					
	Всего	КНР	Зап. Европа	Страны АТР	Средняя Азия и Афганистан	Ближний Восток и Сев. Африка
Забайкальский край	45 382,3	44738,7 (98,6 %)	511,2 (1,1%)	-	112,9 (0,25 %)	-
Республика Бурятия	76 287,90	71934,5 (94,3 %)	1229 (1,6 %)	1352,2 (1,8 %)	-	1108 (1,5 %)
Иркутская область	1 681 256,8	955 148 (57 %)	109 164 (6,5 %)	246 544 (14,7 %)	261 174 (15,5 %)	87 264 (5,1 %)

Но даже мощный ЛПК Иркутской области более половины своей экспортной продукции поставляет в виде необработанной древесины и пиломатериалов первичной обработки в КНР. Китай занимает особое место в географии российского лесного экспорта. Доля экспорта необработанной древесины в Китай в общем объеме экспортируемого пиловочника до 2009 г. постоянно росла: 27,3 % – в 2001 г.; 40,8 % – в 2005 г.; 55,2 % – в 2007 г.; 75,5 % – в 2009 г.; после 2010 г. доля экспорта круглого леса в КНР составляла около 70 % [7]. Основные поставщики круглого леса и пиломатериалов в КНР – регионы Сибири и Дальнего Востока: Амурская область, Забайкальский край, Иркутская область, Красноярский край, Хабаровский край, Приморский край и Республика Бурятия.

До сих пор не создано реальных стимулов, которые в условиях Байкальского региона – то есть приграничного положения и удобной транспортной инфраструктуры – сделали бы глубокую лесопереработку более привлекательной, чем банальные поставки «слегка обработанной» древесины.

В этом контексте важно оценить эффективность использования ресурсов леса, которые, вопреки разговорам о недоиспользовании расчетной лесосеки, не являются неограниченными (истощение доступных лесных ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке отмечают многие исследователи, см., напр. [6]). Эту эффективность можно оценивать по двум показателям: поступлениям в региональный бюджет и заработной плате работников в расчете на единицу использованного ресурса, то есть в данном случае на 1 м³ заготовленной древесины. Поступления в региональные бюджеты от лесопользования можно считать ключевым показателем.

Рис. 1 показывает высокую степень дифференциации налоговых поступлений в региональные бюджеты по федеральным округам в расчете на 1 м³ заготовленной древесины. Самые низкие показатели – в Сибирском федеральном округе, который является крупнейшим экспортером древесины и изделий из нее. Самые высокие показатели – в ЦФО с очень небольшими объемами экспорта. ЦФО лидирует и по удельным поступлениям от лесопереработки в региональные бюджеты.

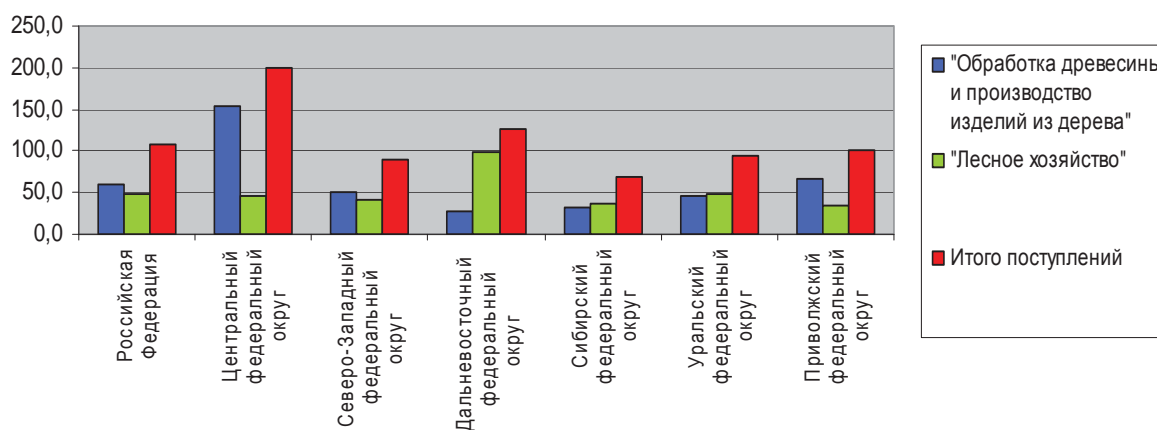

Рис. 1. Средние удельные налоговые поступления от лесопользования по федеральным округам за период 2010-2012 гг.

В табл. 3 представлены удельные показатели (в расчете на 1 м³ заготовленной древесины) налоговых поступлений за 2012 г. в региональные бюджеты сибирских

и некоторых дальневосточных регионов от лесопользования, в которых годовой объем рубок превышает 1 млн м³ (без производства бумаги и целлюлозы).

Таблица 3

Налоговые поступления в региональные бюджеты сибирских дальневосточных регионов от лесопользования в расчете в расчете на 1 м³ заготовленной древесины, 2012 г. (Источник данных – www.nalog.ru, расчеты авторов)

Районы	Объем заготовлен. древесины, тыс. м ³	«Обработка древесины и производство изделий из дерева»		«Лесное хозяйство»		Итого поступлений руб/1 м ³
		налог. поступл., тыс. руб.	налог. поступл., руб/м ³	налог. поступл., тыс. руб.	налог. поступл., руб/м ³	
Дальневосточный федеральный округ	15 033,7	533 037,0	35,5	1 491 923,0	99,2	134,7
Республика Саха (Якутия)	1 571,0	51 820,0	33,0	97 615,0	62,1	95,1
Приморский край	3 774,9	315 188,0	83,5	313 858,0	83,1	166,6
Хабаровский край	6 939,6	112 771,0	16,3	644 409,0	92,9	109,1
Амурская область	1 804,1	16 096,0	8,9	181 081,0	100,4	109,3
Магаданская область	87,7	4 031,0	46,0	15 352,0	175,1	221,0
Сибирский федеральный округ	56 474,3	1 890 232	33,5	2 137 834	37,9	71,3
Республика Бурятия	2 293,8	23 169,0	10,1	130 992,0	57,1	67,2
Алтайский край	2 982,0	199 056,0	66,8	227 959,0	76,4	143,2
Забайкальский край	2 369,5	13 577,0	5,7	85 974,0	36,3	42,0
Красноярский край	13 700,9	521 545,0	38,1	537 526,0	39,2	77,3
Иркутская область	25 134,0	564 568,0	22,5	792 433,0	31,5	54,0
Кемеровская область	1 075,5	56 442,0	52,5	41 303,0	38,4	90,9
Новосибирская область	1 195,8	99 551,0	83,3	98 459,0	82,3	165,6
Омская область	1 965,4	46 293,0	23,6	52 062,0	26,5	50,0
Томская область	4 530,7	340 047,0	75,1	104 489,0	23,1	98,1

Лидерами по бюджетной эффективности лесопользования являются Новосибирская область, Алтайский край и Томская область. Новосибирская область экспортирует продукты деревообработки преимущественно в Западную Европу и Японию (около 20 % в 2012 г.), Среднюю Азию (40 % в 2012 г.), на Ближний Восток (около 37 % в 2012 г.) и совсем не экспортирует их в КНР. Экспортные потоки древесины и изделий из Алтайского края направлены преимущественно в Среднюю Азию (53,5 % в 2012 г.) и Афганистан (35,4 % в 2012 г.). В КНР из Алтайского края вывозится около 10 % экспортной древесины. Томская область вывозит в Среднюю Азию 52

% экспортной древесины (2012 г.), в КНР (35,5 % в 2012 г.) и в Афганистан (12,5 % в 2012 г.).

Забайкальский край и здесь имеет самые низкие показатели как по совокупным поступлениям в региональный бюджет от лесопользования, так и по ВЭД «Обработка древесины и производство изделий из дерева». Низкие показатели поступлений от деревообработки мы видим также у Республики Бурятия и Амурской области – т.е. у регионов, обладающих хорошими инфраструктурными условиями для экспорта в КНР. В Иркутской области, на долю которой приходится почти половина экспорта пиломатериалов СФО, показатели бюд-

жетной эффективности и по лесопользованию в целом, и по деревообработке в полтора раза ниже средних по округу. Обращает на себя внимание тот факт, что для большинства регионов ЦФО, ПФО бюджетная эффективность ВЭД «Обработка и производство изделий из дерева» существенно выше, чем ВЭД «Лесное хозяйство», дает больший удельный бюджетный эффект, чем лесозаготовки. В то же время для всех регионов СФО и ДВФО – то есть там, где лучшие транспортные условия для экспорта древесины в КНР – картина в точности обратная. Это можно объяснить тем, что в последнем случае относительная рентабельность производства круглого леса, как правило, выше, чем рентабельность производства пиломатериалов (из-за высоких тарифов на электроэнергию и транзакционных издержек), а именно они составляют большую долю продукции лесопереработки в восточных регионах страны.

Пока не ясна роль проектов развития ЛПК, инициированных постановлением Правительства РФ от 30.06.2007 г. № 419 «О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов» (<http://docs.>

[cntd.ru/document/902051628](http://docs.cntd.ru/document/902051628)). Практически везде в СФО и ДВФО наблюдается существенное отставание от плана инвестиций. Распространенной практикой стало затягивание ввода обещанных мощностей глубокой переработки леса, а вместо этого инвесторы, воспользовавшись льготными условиями предоставления лесных участков, наращивают объемы рубок и экспорт в КНР круглого леса и пиломатериалов ([1, 2, 10]; <http://greenpressa.ru/viewtopic.php?p=9129>; <http://government.ru/news/2497>)

Одним из основных факторов кризисного состояния отрасли большинство исследователей называют низкую заработную плату ее работников и даже при этом отмечают, что состояние производства находится на грани рентабельности. Об уровне оплаты труда работников можно судить по величине уплаченного подоходного налога и на этой основе провести межрегиональные сравнения социально-экономической эффективности. Данные о поступлениях НДФЛ в сибирских и тех дальневосточных регионах, которые можно отнести к «лесным», приведены в табл. 4.

Таблица 4

Поступления НДФЛ от лесопромышленного комплекса в расчете на 1 м³ заготовленной древесины, 2012 г. (источник данных: www.nalog.ru, расчеты авторов)

Субъекты РФ	Объем заготовленной древесины, тыс. м ³	«Обработка древесины и производство изделий из дерева» НДФЛ, руб/ 1 м ³	Итого поступлений НДФЛ, руб/1 м ³
Новосибирская область	1 195,8	35,5	94,4
Приморский край	3 774,9	38,4	83,3
Алтайский край	2 982,0	31,6	69,9
Республика Тыва	159,8	8,4	68,5
Хабаровский край	6 939,6	7,9	63,3
Амурская область	1 804,1	3,1	62,1
Красноярский край	13 700,9	21,0	45,3
Кемеровская область	1 075,5	25,3	45,2
Республика Алтай	628,9	7,5	36,7
Республика Бурятия	2 293,8	3,9	35,9
Томская область	4 530,7	22,5	34,5
Республика Хакасия	438,1	6,7	32,9
Иркутская область	25 134,0	13,1	30,0
Омская область	1 965,4	10,9	29,8
Забайкальский край	2 369,5	2,3	24,0

Наблюдается большая разница между лидерами и аутсайдерами по показателю удельных поступлений НДС по ВЭД «Обработка древесины и производство изделий из дерева». Например, между Новосибирской областью и Забайкальским краем — почти в 4 раза, ее нельзя объяснить разницей в качестве лесных ресурсов и разницей первичных цен.

Таким образом, лесопромышленный комплекс Новосибирской области, где общий объем рубок почти вдвое меньше, чем в Забайкальском крае, обеспечивает почти вдвое больший фонд заработной платы. Относительно высокую рентабельность экспорта круглого леса и близость к границе можно считать благоприятными условиями для теневого лесопользования, и, по-видимому, этот фактор тоже сказывается на показателях социально-экономической эффективности.

Выводы

1. К настоящему времени сложилась высокая степень дифференциации регионов РФ по показателям бюджетной эффективности лесопользования.

2. Бюджетная эффективность лесопользования в СФО, регионы которого составляют наибольшее количество необработанной древесины и пиломатериалов в КНР, в несколько раз (от 1,5 до 8 раз) ниже, чем в других ФО. В этих условиях ориентация на увеличение масштабов рубок вряд ли оправдана. Это еще раз подтверждает выводы исследователей в рамках новой институциональной экономической теории, что наращивание экспорта не всегда является безусловным благом для социально-экономического развития [11, 12]. Органы власти по-прежнему продолжают осуществлять эту политику в своих решениях.

3. Потенциал трансграничного сотрудничества с Китаем, обладающим технологиями комплексного использования лесных ресурсов и их глубокой переработки, в Байкальском регионе до сих пор остался неиспользованным. Для модернизации лесопро-

мышленных комплексов здесь необходимо создавать дополнительные стимулы, которые могли бы генерировать соответствующие бизнес-инициативы и новые формы сотрудничества. С учетом всех сформировавшихся к настоящему времени факторов, одним из наиболее перспективных направлений глубокой переработки древесины для Забайкальского края представляется развитие производства топливно-энергетических продуктов на основе древесного сырья в сочетании с высококачественными пиломатериалами и продукции для деревянного домостроения.

4. Сложившаяся за последние 15 лет модель лесопользования в Байкальском регионе характеризуется низкой бюджетной и социальной эффективностью. Она неспособна стать серьезным фактором роста региональной экономики. Ее следует кардинально изменить, для чего необходимы изменения государственной лесной политики на региональном уровне. В первую очередь это относится к формированию новой системы приоритетов, которые должны, прежде всего, отражать задачи повышения благосостояния граждан, а не рост экспорта и доходов лесопромышленных компаний. Это не значит, что надо отказываться от задач роста экспорта совсем — но условием любой государственной поддержки и преференций, в том числе в рамках государственно-частного партнерства, должны быть высокие показатели бюджетной и социальной эффективности проектов.

5. Сочетание экономических и институциональных факторов в восточных приграничных регионах России и регионах, имеющих приемлемые инфраструктурные условия для экспорта в КНР, не способствует развитию производств глубокой переработки древесины и, как следствие, повышению бюджетной эффективности лесопользования, что характерно не только для лесопользования. Тенденции трансграничной асимметрии наблюдаются и в других отраслях [3-5, 9].

Литература

References

1. Антонова Н.Е., Юн С.Е. Эффекты от реализации инвестиционных проектов: региональные и корпоративные ожидания (на примере ЛПК Хабаровского края) // Вестник ТОГУ. 2013. № 3. С. 173-182.
2. Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО, 2014. № 6. С. 40-55.
3. Бардаль А.В. Транспортные взаимодействия России и Китая на уровне региона: Дальний Восток // ЭКО. 2014. № 6. С. 80-91.
4. Глазырина И.П., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. 2011. № 9. С. 50-70.
5. Глазырина И.П. Парадоксы трансграничной экономики // XIII Апрельская международная конференция по проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 281-290.
6. Заусаев В.К. Лесная индустрия дальнего Востока: остался ли за деревьями лес // ЭКО. 2013. № 11. С. 45-52.
7. Колесникова А.В. Анализ эффективности экспортно-тарифной политики в лесном секторе России в среднесрочном периоде // Экономика природопользования. 2013. Вып. № 5. С. 106-118.
8. Колесникова А.В. Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // ЭКО. 2013. № 11. С. 5-25.
9. Кулешов В.В., Атанов Н.И., Безруков Л.А. [и др.]. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 62-69.
10. Машкина Л.В., Бабенко Т.И., Блам Ю.Ш., Ермолаев О.В. Лесопромышленный комплекс России в контексте мирового сектора // ЭКО. № 11. 2013. С. 26-56.
11. Рыжова Н.П. Роль институтов в международной экономической интеграции // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 72-88.
12. Rodriguez F., Rodrik D. Trade Policy and Economic Growth: A Skeptic Guide to Cross-National Evidence // NBER Working paper. 7081. 1999. 48 p.
1. Antonova N.E. *Vestnik TOGU* (Bulletin of PNU), 2013, no. 3. P. 173-182.
2. Antonova N.E. *EKO* (EKO), 2014, no. 6. P. 40-55.
3. Bardal' A.V. *EKO* (EKO), 2014, no. 6. P. 80-91.
4. Glazyrina I.P., Faleychik A.A., Faleychik L.M. *EKO* (EKO), 2011, no. 9. P. 50-70.
5. Glazyrina I.P. *XIII Aprelskaya mezhdunarodnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* (XIII International Conference on Economic and Social Development). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. P. 281-290.
6. Zausaev V.K. *EKO* (EKO), 2013, no.11, P. 45-52.
7. Kolesnikova A.V. *Ekonomika prirodopolzovaniya* (Environmental Economics), 2013, no. 5, pp. 106-118.
8. Kolesnikova A.V. *EKO* (EKO), 2013, no. 11. P. 5-25.
9. Kuleshov V.V., Atanov N.I., Bezrukov L.A. [and others]. *Problemy Dalnego Vostoka* (Problems of the Far East), 2010, no. 6. P. 62-69.
10. Mashkina L.V., Babenko T.I., Blam Yu.Sh., Ermolaev O.V. *EKO* (EKO), 2013, no. 11. P. 26-56.
11. Ryzhova N.P. *Prostranstvennaya ekonomika* (Spatial Economics), 2013, no. 1. P. 72-88.
12. Rodriguez F., Rodrik D. *Trade Policy and Economic Growth: A Skeptic Guide to Cross-National Evidence* (Trade Policy and Economic Growth: A Skeptic Guide to Cross-National Evidence): NBER Working paper. 7081. 1999. 48 p.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Глазырина И.П., д-р экон. наук, профессор, зав. каф. «Прикладная информатика и математика», Забайкальский государственный университет, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, г. Чита, РФ
iglazyrina@bk.ru

I. Glazyrina, doctor of economic sciences, professor, head of the Applied Computer Science and Mathematics department, Transbaikal State University, Chita, Russia

Научные интересы: экономика, региональная экономика, экология

Scientific interests: economy, regional economy, ecology

Яковлева К.А., аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ
kse_nehka@mail.ru

K. Yakovleva, postgraduate, Transbaikal State University, Chita, Russia

Научные интересы: региональная экономика, лесопромышленный комплекс

Scientific interests: regional economy, timber industry

Жадина Н.В., магистрант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ,
w.kobra.ru@mail.ru

N. Zhadina, undergraduate, Transbaikal State University, Chita, Russia

Научные интересы: региональная экономика

Scientific interests: regional economy

УДК 330.341.1

Дондокова Елена Буянтуевна
Elena Dondokova

Пильчинова Елена Валерьевна
Elena Pilchinova

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ, ОРИЕНТИРОВАННОЕ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

DEVELOPMENT OF PRODUCTIVE FORCES ORIENTED TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Раскрыто содержание процесса развития производительных сил путем сравнительного анализа понятий «экономический рост» и «экономическое развитие», которое заключается в сопоставлении процессов их протекания, а также в выявлении положительных и отрицательных сторон. Установлено, что экономическое развитие более полно отражает логическую последовательность исторического процесса, представляя собой динамическое поступательное движение экономики, которое сопровождается как прогрессивными, так и регрессивными процессами. Экономический рост может являться лишь эпизодом экономического развития, неся в себе признак увеличения, моменты случайности и одновременности, но не усовершенствования и не прогресса. Авторами выявлена связь между логикой исторического процесса и дальнейшим развитием производительных сил, ориентированным на устойчивое развитие. В данном контексте речь идет о развитии, которое удовлетворяет потребности настоящего поколения, не ухудшая возможностей достойной жизнедеятельности будущих поколений, а в идеале и о развитии, улучшающим эти возможности от поколения к поколению. Экономика, ориентированная на экономический рост, предполагает увеличение расхода ресурсов, которое поддерживает хозяйственную деятельность производства и потребления товаров, не беря во внимание понятия меры, достаточности. Ориентиры на устойчивое развитие представляют собой такое хозяйствование, при котором совокупный выход продукции является величиной постоянной и которое основывается на глубоком понимании философии хозяйствования.

The article reveals the content of the productive forces development process through a comparative analysis of the «economic growth» and «economic development» concepts, which is to compare the processes of their occurrence, as well as to identify the positive and negative sides. It is established that economic development more fully reflects the logical sequence of the historical process, introducing a dynamic forward movement of the economy, which is accompanied by a progressive and regressive processes. Economic growth may be only an episode of economic development, carrying the sign of increase, the moments of chance and at the same time, it does not improve and progress. The authors found an association between the logic of the historical process and the further development of the productive forces, focused on sustainable development. In this context, it is a development that meets the needs of the present generation without compromising the opportunities of future generations worthy of life, and ideally on the development, improving these capabilities from generation to generation. Economy focused on economic growth, implies an increase in the flow of resources that support economic activities of production and consumption of goods without taking into account the concept of measures sufficiency. The guidelines for sustainable development represent a business entity in which the total yield is constant, and is based on a deep understanding of the philosophy of management. Sustainable development aims at comprehensive transformation of the economy through a balanced, scientific validity, complexity of solutions to environmental, social and economic problems in order to ensure a high quality of life

Устойчивое развитие нацелено на всестороннее преобразование экономики через сбалансированность, научную обоснованность, комплексность решений экологических, социальных и экономических проблем в целях обеспечения высокого качества жизни людей

Ключевые слова: производительные силы, экономическое развитие, экономический рост, научно-техническая революция, цикличность экономики, устойчивое развитие

Key words: productive forces, economic development, economic growth, scientific and technological revolution, cyclical economy, sustainable development

Любое производство характеризуется состоянием его производительных сил. Производительные силы представляют собой систему личностных и вещественных элементов, в процессе объединения которых осуществляется производство. Исследование производительных сил предполагает сравнение понятий «развитие» и «рост». Первое часто используется в таком сочетании, как «экономическое развитие», второе — «экономический рост».

Понятие «экономический рост» в современной экономической литературе зачастую подменяет понятие «экономическое развитие», что является, на наш взгляд, ошибочным.

Отличительными чертами развития, в сравнении с ростом, являются необратимость, направленность самого процесса и, главное, закономерность происходящего. Развитие включает прогрессивные и регрессивные процессы. Рост несёт в себе признак не усовершенствования и прогресса, а увеличения, и моменты случайности и единственности.

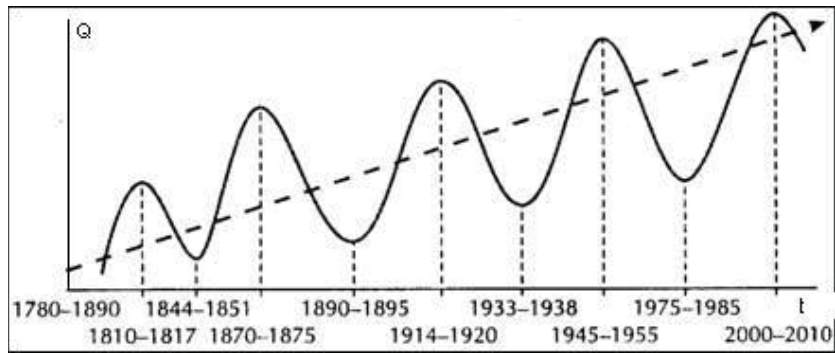
Экономический рост — это долговременные изменения реального объема национального производства на основе положительной динамики валового национального продукта. Экономический рост характеризуется как развитие экономики за определенный период, в то время как производительные силы находятся в постоянном движении. Он выражается в той или иной динамике: количественном увеличении и/или качественном совершенствовании общественного продукта и

факторов его производства. Соотношение между последними может быть разным в зависимости от того, каков наблюдаемый тип экономического роста: экстенсивный (увеличение масштабов выпуска продукции за счет количественного увеличения факторов производства при сохранении прежней технической базы) или интенсивный (увеличение масштабов выпуска продукции путем качественного усовершенствования). В чистом виде экстенсивного или интенсивного экономического роста не существует, поэтому различают преимущественно экстенсивный и преимущественно интенсивный.

История показывает, что производство представляет собой не единовременный акт, а непрерывный процесс. Как мы знаем, любой процесс протекает в постоянном противоречии и возобновлении и не может просто устремляться к росту.

Это движение происходит не по замкнутому кругу, а по восходящей линии, оно отнюдь не равномерное. Истории известны серьезные перепады темпов экономического развития.

Советским экономистом Н. Кондратьевым (1892-1938) выдвинута теория существования в мировом экономическом развитии длинных волн (больших циклов). Ученый рассматривал длинные волны (см. рисунок) как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода. Основной причиной считал механизм накопления, аккумуляции и рассеяния капитала, достаточного для создания основных производительных сил [4].

Хронологические рамки длинных волн Н.Д. Кондратьева [2]

Теория длинных волн позволяет отказаться от представления сути экономической динамики как о непрерывном монотонном росте. Экономическое развитие не укладывается в узкие рамки однолинейного роста как отражение поступательного прогресса. При анализе крупных исторических этапов перед нами предстанет картина эко-

номического развития, которая включает периоды и роста, и спадов.

Обобщив сказанное об экономическом росте и экономическом развитии в таблице, можно с уверенностью сказать, что экономическое развитие более полно отражает логику исторического процесса.

Сравнительные особенности экономического роста и экономического развития

Экономический рост	Экономическое развитие
	
Плюсы	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Монотонный экономический прогресс 2. Рост прибавочного продукта и объемов производства в целом 3. Убыстряющиеся темпы овладения силами природы и др. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поступательное устойчивое развитие производительных сил 2. Удешевление средств производства 3. Стимулирование инвестиций в новые технологии и пр. 4. Регулирование процессов перепроизводства 5. Качественное структурное обновление экономики и др.
Минусы	
<ol style="list-style-type: none"> 1. Предельно высокая плата за экономический прогресс 2. Сравнительная ценность экономических результатов производства и его социальных последствий 3. Снижение деловой активности 4. Изменения в жизни человека при возросшем разнообразии материальных благ, подрывающие экологические основы его существования 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сокращение объемов производства 2. Увеличение безработицы 3. Снижение доходов и др.

Развитие производительных сил в решающей мере предопределяет поступательное движение общества, переход от одного способа производства к другому, степени зрелости внутри каждого из них. В той мере, в какой та или иная общественная система способствует или препятствует развитию производительных сил, оценивается ее прогрессивность или регрессивность, сигнализирующая о необходимости замены данной общественной системы другой. Перспективы экономического развития мы связываем с устойчивым развитием производительных сил. Так, Л.И. Абалкин отмечает, что «устойчивость» следует определять как некую регулярную повторяемость и, соответственно, неустойчивость — как состояние, которое возникает спорадически и может не повториться [1].

Речь идет о развитии, которое удовлетворяет потребности настоящего поколения, не ухудшая возможностей достойной жизнедеятельности будущих поколений, а в идеале и о развитии, которое улучшает эти возможности от поколения к поколению. Устойчивое развитие должно приводить к улучшению качества жизни всего мирового населения без превышения допустимых пределов нагрузки на природные ресурсы.

Вопросам стабильности и устойчивости развития производительных сил уделялось пристальное внимание таких ученых, как Ф. Кенэ (1694-1774), Т. Мальтус (1766-1834), А. Курно (1801-1877), А. Тюрго (1727-1781), А. Смит (1723-1790), К. Маркс (1818-1883), Ф. Энгельс (1820-1895), Ж.Б. Сэй (1767-1832) и др.

В конце XIX — начале XX вв. большой вклад в развитие теории устойчивости внесли В. Вернадский (1863-1945), Дж. М. Кейнс (1883-1946), Л. Вальрас (1834-1910), Н. Кондратьев (1892-1938), Н. Огановский (1874-1938), В. Парето (1848-1932) и др.

Современным теоретическим «фундаментом» исследования устойчивого развития служат труды Р. Солоу (род. 1924), П. Самуэльсона (1915-2009), К. Эрроу (род. 1921), М. Хайдеггера (1889-1979), А. Назаретяна (род. 1948), С. Бобылева, В. Мантатова и др.

Н. Огановский (1874-1938), предвосхищая почти на полвека вперед международные дискуссии по вопросу устойчивого развития, первым ввел в историко-экономический анализ категорию «устойчивое развитие производительных сил». В его работах главное место заняла проблематика агротехнологических предпосылок для перехода к расширенному воспроизводству на основе как промышленной, так и аграрной интенсификации [7]. Согласно концепции Н. Огановского, структурная сбалансированность земледелия, животноводства и городской индустрии подразумевает не только самоподдерживающийся экономический рост, но и восстановление и умножение, а не истребление используемых человеком трех органических благ природы — флоры, фауны, почвы. Тем самым в категорию устойчивого развития производительных сил Огановский вносит экологический момент и намечает своеобразный интегральный критерий прогресса хозяйственной деятельности человека — способность содействовать природе в производстве благ [6].

В то время Огановский не мог предположить, что переход к устойчивому развитию будет сопровождаться опережающим потреблением природных благ промышленностью, что приведет к беспрецедентному скоплению отходов и заражению человеческих и природных обитаний: загрязнению окружающей среды и уменьшению видового разнообразия будут способствовать также минеральные удобрения и химикаты, которые существенно позволяют увеличить плодородие почвы, урожайность [2].

В современной отечественной литературе устойчивое развитие определяется как форма такого взаимодействия общества и природы, при котором сохраняется биосфера и обеспечивается выживание и неопределенно долгое развитие человечества. В. Мантатов рассматривает устойчивое развитие как закон Вселенной. Этот закон отражает фундаментальное свойство всех явлений и процессов во Вселенной: динамическое равновесие, характеризующееся соответствием между устойчивостью и изменчивостью. Вещи оказываются устой-

чивыми не сами по себе, а только по отношению к определенным совокупностям изменений; и, наоборот, изменения вещей необходимо предполагают устойчивость бытия, поскольку процесс изменений есть не что иное, как развертывание устойчивой субстанции [5].

Смысл устойчивого развития производительных сил состоит в сбалансированности, научной обоснованности, комплексности решений экологических, социальных и экономических проблем в целях обеспечения высокого качества жизни людей. Если быть последовательными в выявлении источника развития способа производства и его компонентов, мы, так или иначе, должны прийти к человеку, социальной субстанции.

При употреблении сочетания «устойчивое развитие производительных сил»

необходимо помнить, что системе производительных сил присущи свои внутренние законы развития. Действие этих законов, пронизанное внутренними противоречиями, предопределяет изменения развития производительных сил, качественные сдвиги в их содержании.

Таким образом, мы можем утверждать, что экономическую динамику нельзя представлять только как восходящую прямую линию. Исторический процесс не может вмещаться в простые логические системы, имея внутреннюю логику, он включает многообразие форм, зигзагов. Если смотреть в будущее, то углубленное претворение в жизнь концепции устойчивого развития будет иметь огромное реальное и далеко идущее историческое значение для сохранения и развития производительных сил общества.

Литература

1. Абалкин Л.И., Аксенов В.В., Алтухов Ю.П. и др. Новая парадигма устойчивого развития России (комплексные исследования проблем устойчивого развития). М.: Academia, 2000. 458 с.

2. Гарднер Г., Сампат П. Выковывание устойчивой материальной экономики. М.: Весь Мир, 2000.

3. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2006. 464 с.

4. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 523 с.

5. Мантатов В.В. Мантатова Л.В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. Улан-Удэ, 2007. 264 с.

6. Огановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 2: Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911. 345 с.

7. Огановский Н.П. Сельское хозяйство, индустрия и рынок в XX веке. М.: Изд-во ВСНХ, 1924. 87 с.

References

1. Abalkin L.I., Aksenov V.V., Altukhov Yu.P. [et al]. *Novaya paradigma ustoichivogo razvitiya Rossii (kompleksnyye issledovaniya problem ustoichivogo razvitiya)* [A new paradigm of sustainable development of Russia (complex research of sustainable development problems)]. Moscow: Academia, 2000. 458 p.

2. Gardner G., Sampat P. *Vykovyvanie ustoichivoy materialnoy ekonomiki* [Forging sustainable material economy]. Moscow: Ves Mir, 2000.

3. Karmin A.S., Novikova E.S. *Kulturologiya* (Culturology). St.-Petersburg: Piter, 2006. 464 p.

4. Kondratiev N.D. *Problemy ekonomicheskoy dinamiki* [Problems of economic dynamics]. Moscow: Economics, 1989. 523 p.

5. Mantatov V.V., Mantatova L.V. *Revolutsiya v tsennostyakh: filosofskie perspektivy tsivilizatsionnogo razvitiya* [The revolution in values: philosophical perspectives of civilization development]. Ulan-Ude, 2007. 264 p.

6. Oganovsky N.P. *Zakonomernost agrarnoy evolyutsii* [Regularity of agrarian evolution]. Vol. 2: Essays on the history of land relations in Russia. Saratov, 1911. 345 p.

7. Oganovsky N.P. *Selskoe hozyaystvo, industriya i rynek v XX veke* [Agriculture, industry and market in the XX century]. Moscow: Publishing House of the Supreme Economic Council, 1924. 87 p.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Дондочова Е.Б., д-р экон. наук, профессор, зав. каф. «Общая экономическая теория и регионоведение», Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления, г. Улан-Удэ, РФ
dondokovae60@mail.ru

E. Dondokova, doctor of economic sciences, professor, head of General Economic Theory and Regional Studies department, East-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russia

Научные интересы: экономическая теория

Scientific interests: economic theory

Пильчинова Е.В., аспирант, Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления, г. Улан-Удэ, РФ
elenavtska@yandex.ru

E. Pilchinova, postgraduate, East-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russia

Научные интересы: экономическая теория

Scientific interests: economic theory

УДК 338.49

*Козлов Александр
Владимирович
Aleksandr Kozlov*

*Гутман Светлана
Семеновна
Svetlana Gutman*

*Зайченко Ирина
Михайловна
Irina Zaychenko*

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРОВ

PROGRAM OF ARCTIC ZONE DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION ON THE BASIS OF COMPLEX REGIONAL INDICATORS

Обоснован и представлен подход к разработке программно-целевого управления Арктической зоной Российской Федерации (РФ), уникальность которого основана на идее применения комплекса региональных индикаторов в управлении территориями Арктической зоны со специфическими характеристиками, описанными в данной статье. Данный подход позволяет сформировать общую концепцию развития Арктической зоны РФ, учитывающую влияние как экономических, так и неэкономических составляющих на устойчивое развитие Арктической зоны РФ. Выделены основные составляющие комплекса региональных индикаторов, дана характеристика каждой составляющей. На основе концепции комплексных региональных индикаторов построена общая стратегическая карта устойчивого развития Арктической зоны РФ, которая представляет собой универсальный и последовательный способ описания программы развития, позволяющий не только корректировать цели и соответствующие им показатели, но предоставляющий возможность управления процессом достижения этих целей. Общая стратегическая карта, скорректированная с учетом факторов, обуславливающих функционирование региона, описывает ресурсы, в том числе и нематериальные,

The article presents an approach to complex development of Arctic zone of the Russian Federation the uniqueness of which is based on the idea of regional indicators complex use in controlling the territories of Arctic zone with specific characteristics, described in this article. The described approach allows to identify the general concept of the Arctic zone development in the Russian Federation. The main components of regional indicators complex are identified and described. On the basis of complex regional indicators the general strategic trajectory of permanent development of Arctic zone of the Russian Federation, which represents a universal and succeeded method of the development program describing, is worked out. It helps not only to correct the goals and appropriate indicators but allows an opportunity to control the following process of goals' achievement. The general strategic trajectory corrected in accordance with the factors, stipulated the region's functioning, describes the resources, including non-material ones, and provides the successful realization of the permanent development of Arctic zone of the Russian Federation. The example of indicators characterizing the particular components of the complex regional indicators' system of Arctic zone of the Russian Federation is given. The main appropriation of the complex

способствует успешной реализации программы устойчивого развития Арктической зоны. Представлен пример показателей, характеризующих отдельные составляющие системы комплекса региональных индикаторов Арктической зоны РФ. Главное предназначение комплекса региональных индикаторов на уровне Арктической зоны РФ состоит в формализации стратегии развития региона, проведении и доведении до руководителей всех уровней регионального управления (территории, муниципальных образований и т.д.) данной стратегии, обеспечении мониторинга показателей устойчивого развития и организации обратной связи на каждом уровне (региона, территорий, муниципальных образований, предприятий)

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, программно-целевой подход, сбалансированная система показателей, комплексные региональные индикаторы, программа развития Арктического пространства РФ, стратегическая карта

regional indicators' system at the level of Arctic zone of the Russian Federation consists in formalization of the region development strategy, conducting and implementation by the local authorities of different levels (territories, municipal institutions, etc) of this strategy, organizing monitoring of permanent development indicators and providing feedback at every level (region, territories, municipal institutions, enterprises)

Key words: Arctic zone of Russian Federation, goal-oriented planning, complex regional indicators, development program, balanced system of indicators, strategic trajectory

Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-38-00009). Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Арктическая зона РФ – уникальное территориальное образование, в которое входят восемь территориальных образований со специфическими характеристиками, среди которых следует выделить следующие:

Во-первых, в Арктическом пространстве РФ сосредоточены значительные, разнообразные и не до конца разведанные запасы природных ресурсов. Арктика – это один из крупнейших в мире нетронутых запасов нефти и газа. Регион содержит до 25 % неиспользованных мировых запасов углеводородов; также имеет существенные рыбные запасы и запасы драгоценных металлов [9].

Во-вторых, особое геополитическое значение Арктической зоны, где сосредоточены стратегические интересы многих государств. Помимо пяти стран, которые окружают Северный полюс (Соединенные Штаты, Канада, Россия, Норвегия, Дания

и Гренландия), Европейский союз дал понять явную заинтересованность в Арктике. Кроме того, нетрадиционные участники, такие как Китай и Япония, демонстрируют готовность участвовать в освоении богатств этого региона [7].

В-третьих, экстремальные климатические условия жизнедеятельности. К особенностям природных условий следует отнести отрицательную среднегодовую температуру, низкий радиационный баланс, вхождение в зону вечной мерзлоты и преобладание тундровой растительности и арктических пустынь, что определяют также низкую температуру океанических вод. В области распространения дрейфующих льдов в течение всего года температура поверхностного слоя вод (толщиной 100...200 м) близка к 2 °С. В районах, очищающихся ото льда летом, вода нагревается на несколько градусов выше нуля [18].

В-четвертых, полиэтничный состав проживающего в Арктической зоне населения, включая представителей коренных малочисленных народов. В структуре населения многих арктических территорий значительный удельный вес имеют коренные малочисленные народы Севера, что позволило им накопить знания о ландшафтах Арктики, моделях поведения и выживания, сформировать традиционные ценности и уникальную культуру.

По переписи 2010 г. [14] численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока составляет 257895 человек. Самые многочисленные народы среди коренных малочисленных народов данных территорий – ненцы (44640 человек), эвенки (38396 человек), самые малочисленные – керекы (4 человек), энцы (227 человек), сроки (295 человек). К коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока относятся алеуты, телеуты, долганы, нанайцы, ительмены, камчадалы, нивхи, керекы, орочи, кеты, коряки, кумандинцы, вепсы, манси, негидальцы, ненцы, ороки (ульта), алюторцы, саамы, нганасаны, селькупы, тазы теленгиты, тофалары, тубалары, ульчи, ханты, чукчи, сойоты, эвенцы и т.д.

В арктической зоне РФ проживает около 68 тыс. чел. коренного населения (4,8 % населения арктической зоны России) [8].

В-пятых, экологические проблемы промышленного освоения в связи с неустойчивостью природного равновесия.

Арктический регион является не только уникальной и хрупкой экосистемой, это также сложный клубок проблем и новых возможностей. Глобальное потепление в арктическом регионе может оказать существенное воздействие на безопасность человека как в региональном, так и глобальном масштабе. Таяние ледяного покрова влияет на местные экосистемы, а также приводит к катастрофическому росту уровня Мирового океана, что создает угрозу малым островным государствам, и традиционному образу жизни коренного населения. К 2020 г. таяние льдов в северных регионах может

открыть новые возможности: доступ к рыбным запасам, способствовать эксплуатации ресурсов, новые судоходные маршруты, которые сократят длительность маршрута Европа – Восточная Азия на 40 % и, следовательно, значительно сократятся затраты на транспортировку [19]. В настоящее время, арктический маршрут требует ледоколов и является дорогостоящим, а также повышает вероятность аварий [6].

В-шестых, каждая из территорий Арктики РФ имеет свои уникальные особенности. Такие, например, как плотность населения, его образовательный уровень, природно-климатические и экологические условия, удаленность от основных промышленных центров, ресурсоемкость (наличие ресурсов), уровень экономического развития и развития инфраструктуры, культурные различия и др.

На данный момент сформировалась отраслевая структура промышленности Арктической зоны [3]:

- горнодобывающая промышленность и металлургия;
- лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность;
- добыча нефти и газа;
- рыболовство и рыбоперерабатывающая промышленность;
- электроэнергетика;
- производство строительных материалов;
- судостроительная промышленность;
- транспортные системы (Архангельский и Мурманский порты входят в число крупнейших морских портов России).

Все это формирует огромный круг проблем, связанных с разработкой и реализацией единой программы развития Арктической зоны. В настоящий момент существует Стратегия развития Арктической зоны до 2020 г., утверждена Президентом [2], но эта программа носит общий характер и не предполагает конкретный порядок шагов по ее реализации для каждой территории Арктической зоны.

При этом дополнительно усложняет процесс разработки и реализации единой стратегии развития Арктической зоны

отсутствие необходимой статистической информации по показателям социально-экономического развития территорий. Например, в сборнике «Регионы России основные социально-экономические показатели» [13] информация представлена исключительно по Федеральным округам и нет возможности выделить показатели развития интересующих территорий.

Актуальность и востребованность новых подходов, позволяющих исследовать вопросы, связанные с разработкой и реализацией стратегии развития Арктической зоны, обусловлены отсутствием предложения в современной литературе единого для всех территорий Арктического пространства подхода, позволяющего учитывать все составляющие развития Арктической зоны в едином комплексе.

Таким образом, целью нашего исследования является разработка и реализация концептуальных положений развития Арктической зоны на основе применения системы сбалансированных показателей (ССП).

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. [17] Арктическая зона состоит из следующих территорий:

- 1) территория Мурманской области;
- 2) территория Ненецкого автономного округа;
- 3) территория Чукотского автономного округа;
- 4) территория Ямало-ненецкого автономного округа;
- 5) территория муниципального образования городского округа «Воркута» (Республика «Коми»);
- 6) территория Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (района) (Республика Саха (Якутия));
- 7) территория городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край);
- 8) территории муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Приморский му-

ниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область);

9) земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР.

Все территории муниципальных образований по состоянию границ на 1 апреля 2014 г.

При этом актуальным является вопрос о возможности выделения Арктической зоны России в качестве самостоятельного объекта государственного статистического наблюдения. В настоящее время Росстат разрабатывает предложения по актуализации Федерального плана статистических работ с учетом выделения самостоятельного раздела для сбора официальной статистической информации. Планируется собирать данные, отражающие социально-экономические показатели и состояние национальной безопасности Арктической зоны. По итогам обсуждения принято решение о необходимости включения Арктической зоны как самостоятельного раздела Общероссийского классификатора экономических регионов (ОКЭР). Можно ожидать, что включение региона в ОКЭР позволит формировать в автоматизированном режиме официальную статистическую информацию по всем показателям, характеризующим социально-экономическое развитие Арктической зоны [5].

Методологической базой выполненного исследования являются как количественные, так и качественные методы. К первым относятся методы сбора и сравнительного анализа статистических данных, характеризующих социально-экономические показатели регионов и территорий, включенных в Арктическую зону РФ, бенчмаркинг при идентификации наиболее успешных практик и достижений в мировом опыте регионального развития и применения, а также метод комплексных региональных индикаторов, группирующий показатели по определенным признакам классификации.

К качественным методам исследований следует отнести метод аналогий, использованный при обосновании трансформации системы сбалансированных показателей в комплексные региональные индикаторы при описании регионов и территорий Арктической зоны Российской Федерации. К качественным методам относятся также методы анализа и синтеза, в частности, контентный анализ, экспертный анализ. Методы синтеза использованы, в первую очередь, при обобщении результатов контентного анализа. Предложения и разработки, выполненные в настоящем исследовании, имеющие своей методологической базой вышеперечисленные методы, будут объединены с другими исследованиями в рамках выполнения проекта РНФ «Программно-целевое управление Арктической зоной РФ» единой методологией программно-целевого управления.

Программно-целевое управление инновационной деятельностью получило широкое распространение с конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века особенно в Европейском Союзе (ЕС) [16].

Сущность программно-целевого подхода к решению проблем заключается в постановке целей, достижение которых решает данную проблему и формировании программы действий (мероприятий), необходимых для достижения поставленных целей.

Программно-целевой метод в экономике (goal-oriented planning англ., Zielplanung нем.) увязывает цели с ресурсами при помощи программ. Каждая программа — комплекс мероприятий по реализации одной или нескольких целей и подцелей развития хозяйства, упорядоченных в виде «дерева целей» [4].

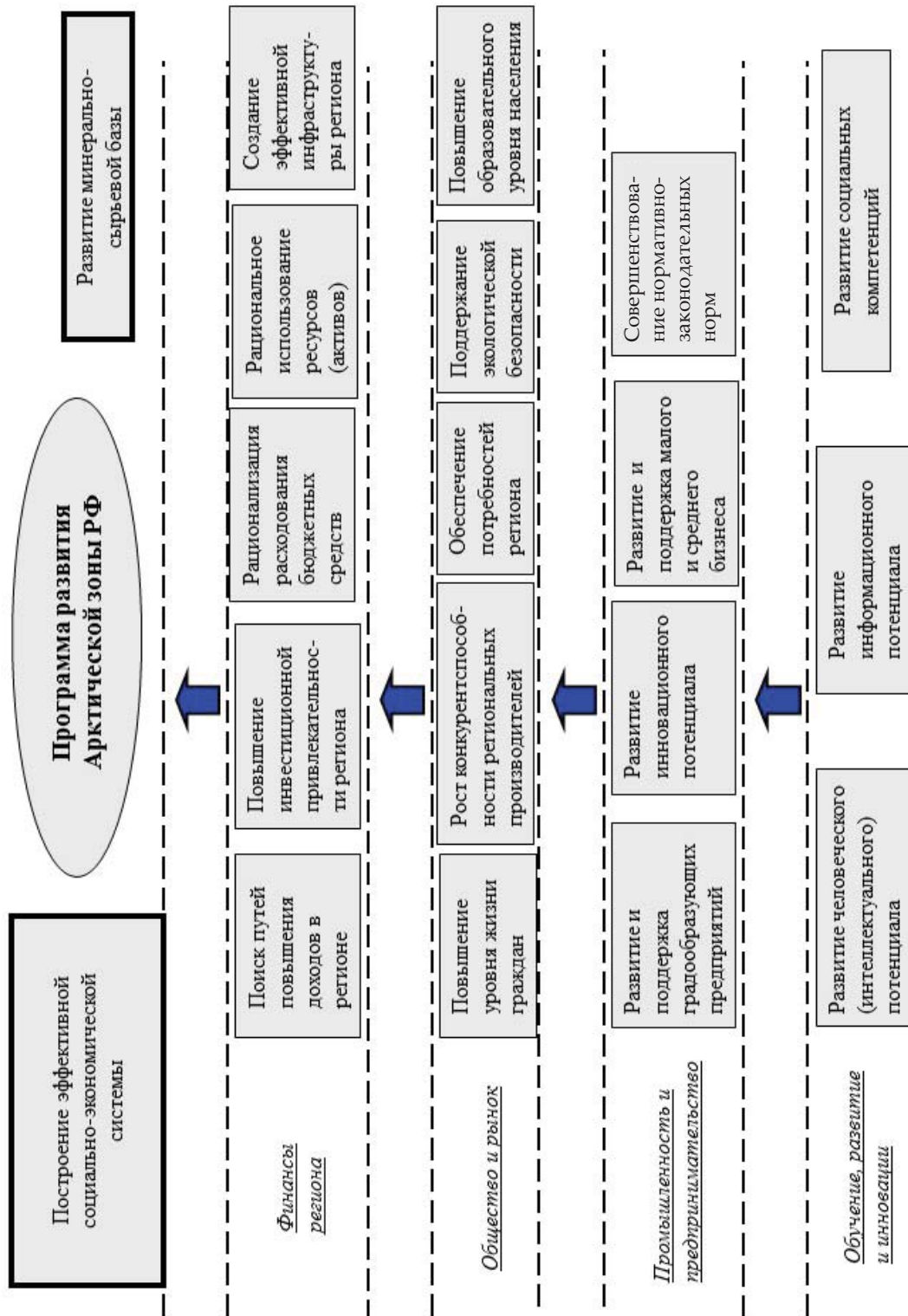
Историческое развитие целевых методов управления привело к появлению концепции Balanced Score Card (Performance Score Card). Русский аналог для этого термина — Система Сбалансированных показателей (ССП).

В связи с тем, что суть концепции Balanced Score Card базируется на целевом подходе, единая концепция развития Арктического пространства может быть разра-

ботана на основе применения программно-целевого подхода. Программно-целевой подход может быть реализован с помощью построения стратегических карт развития каждой отдельной территории на основе применения трансформированной сбалансированной системы показателей (ССП), адаптированной к условиям региона. Данная система является современным инструментом реализации выбранной стратегии развития на основе составления карт реализации стратегии, предложенной Р. Капланом и Д. Нортеном [10], где все цели и показатели сбалансированной системы как финансовые, так и нефинансовые — определяются общей концепцией развития и учитывают характерные особенности каждого из рассматриваемых объектов. Однако авторы концепции СПИ исходили из специфики предприятия и организации, как бизнес структур, имеющих целью получение прибыли. Поэтому предлагается трансформировать СПИ в комплекс региональных индикаторов (КРИ, Complex Regional Indicators, CRI). Например, такая составляющая как общество (см. рисунок), должна отражать финансовые и нефинансовые интересы всех субъектов Арктической зоны — государства, бизнеса, науки, коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории АЗРФ, а также принимать во внимание геополитическую ситуацию в регионе.

ССП в классическом варианте [11] содержит четыре элемента, называемые «составляющие», которые представляют собой стратегически важные аспекты деятельности организации:

- 1) финансы (Каковы финансовые результаты реализации стратегии?);
- 2) клиенты (Как организация организует коммуникации с клиентами для формирования позитивного имиджа?);
- 3) внутренние бизнес-процессы (Описание внутренних процессов, важных для организации);
- 4) обучение и развитие (Методы поддержания способности организации к инновационному развитию при реализации ее стратегии).

Общая стратегическая карта развития Арктической зоны РФ

Комплексе региональных показателей, как трансформация ССП должен строиться на следующих принципах:

1) рассмотрение стратегии на операционном уровне;

2) формирование стратегического соответствия между поставленными целями и планируемыми действиями;

3) соответствие показателей потребностям всех участников реализации стратегии развития Арктической зоны: инвесторов, населения, органов государственной власти и т.д.;

4) взаимосвязь показателей оценки реализации стратегии с ключевыми факторами развития Арктической зоны РФ;

5) выбор целевых значений показателей оценки на основе анализа результатов реализации стратегии развития в прошлом, текущем и будущем периоде;

6) сбалансированность комплекса индикаторов оценки реализации стратегии развития Арктического пространства РФ;

7) стратегия развития как непрерывный процесс.

Тогда описание составляющих комплекса региональных индикаторов будет выглядеть следующим образом.

1. Финансы региона – главный показатель успеха региона. Данная составляющая описывает, как предлагаемая программа развития поможет обеспечить устойчивый социально-экономический рост Арктической зоны РФ. В этой составляющей выделены следующие целевые ориентиры: поиск путей повышения доходов в регионе; повышение инвестиционной привлекательности; рационализация расходов бюджетных средств; рациональное использование ресурсов (активов); создание эффективной инфраструктуры региона.

2. Общество и рынок – успешное сотрудничество с целевой аудиторией есть основной компонент улучшения финансовых результатов. Уровень жизни граждан, их образование и род деятельности определяет потенциальные финансовые возможности региона и является центральным элементом программы его развития. С точки зрения развития общества приоритетными на-

правлениями являются: повышение уровня жизни граждан; создание условий для их социальной безопасности; поддержание экологической безопасности; повышение образовательного уровня населения.

3. Промышленность и предпринимательство – создает среду для успешной реализации бизнес-инициатив граждан, представляющих сферу малого предпринимательства, проектов развития транснациональных компаний, а также других экономических агентов, таких как государство и градообразующие предприятия. Успешное развитие промышленности и предпринимательства возможно, если будет обеспечено развитие и поддержка градообразующих предприятий; развитие инновационного потенциала; развитие и поддержка малого и среднего бизнеса; совершенствование нормативно-законодательных норм.

4. Обучение, развитие и инновации – нематериальная составляющая является основным источником получения конкурентного преимущества данной территории РФ. Она описывает как промышленность, бизнес, общество в целом и отдельные его граждане будут способствовать инновационному развитию Арктического пространства, в частности, необходимо проводить работу в области развития человеческого, в том числе интеллектуального потенциала; информационного потенциала.

Составляющие КРИ взаимосвязаны, они отражают принципиальную логику развития Арктического пространства в целом или каждой его отдельной его структурной единицы, в частности.

Учитывая изложенное, можно предложить следующую общую стратегическую карту развития Арктического пространства РФ (см. рисунок). При формировании карты учтены геополитические, климатические и другие особенности рассматриваемых территорий, основные системообразующие принципы применения КРИ, а также факторы, обуславливающие развитие Арктической Зоны [12].

Программа развития Арктической зоны включает в себя два главных элемента:

- 1) построение эффективной социально-экономической системы;
- 2) развитие минерально-сырьевой базы.

Построение эффективной социально-экономической, в том числе на основе развития минерально-сырьевой базы возможно в случае успешной реализации запланированных мероприятий в рамках каждой из составляющих КРИ. Так, увеличить финансовые входящие потоки для региона можно путем повышения доходов за счет развития малого бизнеса, в том числе в традиционных для коренных народов Севера областях: рыболовство, оленеводство, охота, народные промыслы и т.п. В свою очередь нельзя забывать про градообразующие предприятия, такие как, например, ОАО «АПРОСА», где занято 48 % численности населения г. Мирный [15]. Важным является построение адекватных институциональных связей по встраиванию малых предприятий в общую технологическую цепочку создания стоимости крупного бизнеса. Это все позволит сформировать эффективную структуру региона, что обеспечит повышение занятости в регионе и как следствие – повышение уровня жизни и образования граждан, что отразится в достижении целей составляющей «Общество». Усовершенствованная инфраструктура позволит поддерживать на достойном уровне показатели экологической и социальной безопасности граждан. Все это станет возможным при корректировке существующей нормативно-правовой базы и соответствующих действий по осуществлению контроля со стороны государственных и общественных организаций за ее исполнением. Последним элементом в общей системе целеполаганий разработки программы развития Арктического пространства РФ

является составляющая «Обучение, развитие». Работа в данном направлении должна осуществляться по следующим параметрам: развитие человеческого потенциала; развитие информационного потенциала и развитие социальных компетенций, развитие инновационной деятельности [1]. Следуя основной концепции применения КРИ, для развития объекта исследования формулирование конкретных задач и разработка оценочных показателей их выполнения будет осуществляться по принципу «снизу – вверх», последовательно действуя от составляющей «Обучение, развитие и инновации» к составляющим «Промышленность и предпринимательство», далее – к составляющей «Общество и рынок» и заканчивая «Финансы региона».

Таким образом, данный комплекс индикаторов является «центром управления», на основе которого могут быть определены конкретные задачи и рассчитаны показатели их выполнения для развития каждой территории Арктической зоны, учитывающие ее уникальные характеристики. Использование КРИ также позволит особым образом выделить и эффективно использовать специфические ресурсы Арктического пространства: минерально-сырьевые, интеллектуальные, природно-климатические, производственные, промысловые, геополитические, экономические и нематериальные, которые будут являться основой успешной реализации программы развития региона. Стратегические карты развития региона Арктики представляют собой универсальный и последовательный способ описания программы развития, предоставляющий возможность не только корректировки целей и соответствующих им показателей, но также и возможность управления процессом достижения этих целей.

Литература

References

1. Гонин В.Н., Мальшев Е.А., Кашурников А.Н. Повышение конкурентоспособности Забайкальского региона в условиях экономического развития // Вестник Забайкальского государственного университета, 2011. № 12.
2. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366).
3. Дороговцева А.А. Региональная политика России и проблемы регионов Европейского Севера // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2005. № 1.
4. Жуковский А.И., Васильев С.В., Штрейс Д.С. Разработка, реализация и оценка региональных целевых программ. М.: ДИАЛОГ, 2006.
5. Информационное Агентство «Арктика – Инфо». URL: http://www.arctic-info.ru/news/29-05-2014/rossiiskaa-arktika-mojet-stat-ob_ektom-sbora-statistiki (дата обращения 25.10.2024).
6. Кашка М.М., Мантула Н.В., Пономаренко А.В. Опыт и перспективы эксплуатации в Арктике атомного ледокольного флота России // Арктика: экология и экономика. 2012. № 3.
7. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 29.
8. Корчак Е.А. Коренные народы Севера в государственных Арктических стратегиях. ФГБУН «Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина» Кольского научного центра РАН, Апатиты.
9. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск, 2012. URL: http://narfu.ru/aan/Russian_Arctic_Lukin/Russian_Arctic_Lukin.pdf (дата обращения 21.10.2014).
10. Каплан Роберт С., Нортон Дейвид П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2010.
11. Каплан Роберт С., Нортон Дейвид П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты / Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2012.
1. Gonin V.N., Malyshev E.A., Kashurnikov A.N. *Vest. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), 2011, no. 12.
2. *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii «Sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda»* (State program of the Russian Federation «Socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation for the period up to 2020») (approved by the RF Government Decree of April 21, 2014 № 366).
3. Dorogovtseva A.A. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* (Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences), 2005, no. 1.
4. Zhukovsky A.I., Vasiliev S.V., Shtreys D.S. *Razrabotka, realizatsiya i otsenka regionalnyh tselevykh programm* [Development, implementation and evaluation of regional programs]. Moscow: DIA-LOG, 2006.
5. *Informatsionnoe Agentstvo «Arktika – Info»* (Information Agency «The Arctic – info»). Available at: http://www.arctic-info.ru/news/29-05-2014/rossiiskaa-arktika-mojet-stat-ob_ektom-sbora-statistiki (accessed 25.10.2024).
6. Kashka M.M., Mantula N.V., Ponomarenko A.V. *Arktika: ekologiya i ekonomika* (Arctic: ecology and economy), 2012, no. 3.
7. Konishev V.N., Sergunin A.A. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* (National interests priorities and safety), 2011, no. 29.
8. Korchak E.A. *Korennye narody Severa v gosudarstvennykh Arkticheskikh strategiayah. FGBUN «Institut ekonomicheskikh problem im. G.P. Luzina» Kolskogo nauchnogo tsentra RAN* (The indigenous peoples of the North in the state's Arctic strategy. FGBUN «Institute of Economic Problems. G.P. Luzin» Kola Science Centre), Apatity.
9. Lukin Yu.F. *Rossiyskaya Arktika v izmenyayushchemsya mire* (Russian Arctic in a changing world). Arkhangelsk, 2012. Available at: http://narfu.ru/aan/Russian_Arctic_Lukin/Russian_Arctic_Lukin.pdf (accessed 10/21/2014).
10. Robert S. Kaplan, David P. Norton *Sbalansirovannaya sistema pokazateley. Ot strategii k deystviyu* [Balanced system of indicators. From strategy to action]: trans. from English. Moscow: ZAO «Olympus-Business», 2010.
11. Robert S. Kaplan, David P. Norton *Strategicheskie karty. Transformatsiya nematerialnykh aktivov v materialnye rezultaty* [Transformation of intangible assets into tangible outcomes]: trans.

12. Наумов В.В., Никулкина И.В. Факторы, влияющие на формирование и развитие арктического пространства // Инновационность экономики России и процессы глобализации: материалы интернет-конференции, 21 ноября-23 декабря 2011 г. / Рос. экон. ун-т им. Г.В. Плеханова, 2012.

13. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2013 г.» URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm. (дата обращения 30.10.2014).

14. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.

15. Социально-экологический отчет 2012. URL: <http://sr2012.alrosa.ru/rus/ekonomicheskaya-effektivnost/vklad-v-ekonomicheskoe-razvitie-regiona.html>. (дата обращения 10.11.2014).

16. Стефанин А.Л. Мировой опыт применения программно-целевого подхода в научно-технической сфере, 2008.

17. Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296.

18. Энергия Арктики. О. Моргунова, А.Я. Цуневский / под науч. ред. В.В. Бушуева. М.: ИЦ «Энергия», 2012.

19. Kefferpütz R., Bochkarev D. Expanding the EU's Institutional Capacities in the Arctic Region, 2008.

from English. Moscow: ZAO «Olympus-Business», 2012.

12. Naumov V.V., Nikulkina I.V. *Innovatsionnost ekonomiki Rossii i protsessy globalizatsii: materialy internet-konferentsii, 21 noyabrya-23 dekabrya 2011 g.* (Innovation economy in Russia and globalization processes: materials online conference, November 21-December 23, 2011); Russ. econ. Univ. named after G.V. Plekhanov, 2012.

13. *Regiony Rossii. Osnovnye sotsialno-ekonomicheskie pokazateli gorodov – 2013 g.* (Regions of Russia. The main socio-economic indicators of the cities – 2013) Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm. (accessed 30.10.2014).

14. *Sotsialno-demograficheskiy portret Rossii: Po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda* [Socio-demographic profile of Russia: As a result of the National Population Census 2010]; Feder. Gov. statistics. Moscow: IPC «Statistics of Russia», 2012.

15. *Sotsialno-ekologicheskii otchet 2012* (Social and Environmental Report 2012) Available at: <http://sr2012.alrosa.ru/rus/ekonomicheskaya-effektivnost/vklad-v-ekonomicheskoe-razvitie-regiona.html> (accessed 10.11.2014).

16. Stefanini A.L. *Mirovoy opyt primeneniya programmno-tselevogo podhoda v nauchno-tekhnicheskoy sfere* [World experience of program-target approach in science and technology], 2008.

17. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 2 maya 2014 g. № 296* (Decree of the President of the Russian Federation dated May 2, 2014 № 296).

18. Morgunov A., Tsunevsky A.Ya. *Energiya Arktiki* [The energy of the Arctic]; under scientific. ed. V.V. Bushueva. Moscow: IC «Energy», 2012.

19. Kefferpütz R., Bochkarev D. *Expanding the EU's Institutional Capacities in the Arctic Region* [Expanding the EU's Institutional Capacities in the Arctic Region], 2008.

Коротко об авторах

Козлов А.В., д-р экон. наук, профессор, зав. каф. «Мировая и региональная экономика», Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, г. Санкт-Петербург, РФ
Avk55-spb@yandex.ru

Научные интересы: международное экономическое сотрудничество, международный менеджмент, кросскультурный менеджмент, экономика глобальной образовательной среды, региональная экономика

Гутман С.С., канд. экон. наук, доцент каф. «Мировая и региональная экономика», Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Инженерно-экономический институт, г. Санкт-Петербург, РФ
gsvs@mail.ru

Briefly about the authors

A. Kozlov, doctor of economic sciences, professor, head of World and Regional Economy department, St.-Petersburg State Polytechnical University, Institute of Industrial Economics and Management, St-Petersburg, Russia

Scientific interests: international economic collaboration, international management, cross-cultural management, economy of global educational system, regional economy

S. Gutman, candidate of economic sciences, associate professor, World and Regional Economy department, St. Petersburg State Polytechnical University, Institute of Industrial Economics and Management, St-Petersburg, Russia

Научные интересы: управление проектами, промышленные кластеры, организационные структуры экономических агентов, управление изменениями и реинжиниринг бизнес-процессов

Зайченко И. М., канд. экон. наук, доцент каф. «Мировая и региональная экономика», Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, г. Санкт-Петербург, РФ
imz.fem.spbpu@mail.ru

Научные интересы: стратегическое развитие региона и стратегическое корпоративное управление, антикризисное управление, управление персоналом

Scientific interests: project management, industrial clusters, organizational structures of economic agents, change management and reengineering of business processes

I. Zaychenko, candidate of economic sciences, associate professor, World and Regional Economy department, St. Petersburg State Polytechnical University, Institute of Industrial Economics and Management, St-Petersburg, Russia

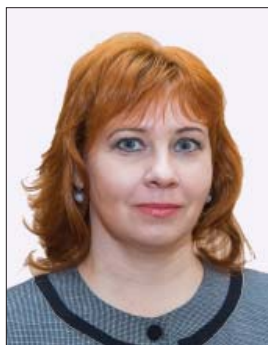
Scientific interests: strategic development of the region and strategic corporate management, including anti-crisis management, Human Resources Management

УДК 332.025

*Козлов Александр
Владимирович
Aleksandr Kozlov*

*Тесля Анна
Борисовна
Anna Teslya*

*Ся Чжан
Zhangxia*

ОПЫТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ: ЧТО МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ ПОДЪЕМА ПРОМЫШЛЕННОСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

HOW TO USE THE SUCCESSFUL EXPERIENCE OF CHINA INDUSTRIAL DEVELOPMENT FOR INDUSTRIAL GROWTH OF RUSSIAN ARCTIC REGIONS

Выполнен анализ китайского опыта успешного индустриального развития, рассмотрены подходы, использованные руководством КНР для достижения поставленных целей. Приведены цифры и факты, подтверждающие положительные результаты экономических реформ и подъема промышленности, в частности динамика ВВП в сравнении с аналогичными показателями США и динамика промышленного производства. Описаны специфические особенности Арктической зоны Российской Федерации с точки зрения условий и предпосылок промышленного развития. Выполнен анализ инструментов промышленного развития и поддержки предпринимательства, использованных Китаем, описаны шаги экономических реформ и условия, в которых осуществлялись реформы. Выделены факторы и условия, которые отсутствуют в реалиях Российской Арктики. На основе анализа и с учетом специфических условий Арктической Зоны Российской Федерации предложены методы и инструменты развития промышленности и предпринимательства в северных регионах России, в частности следующие: планомерное и централизованное формирование макроэкономических факторов и создание условий для промышленного

The article presents an analysis of successful experience of China in providing of industrial growth. The approaches and tools used by the Chinese government are described. The most important facts and figures proving positive results of Chinese economic reforms and industrial growth such as GDP dynamics in comparison with the USA, indicators of industrial growth are presented. The methods and tools of industrial development and entrepreneurship support are given, the steps of economic reforms are analysed. A few tools which are not relevant to Russian conditions are identified. Specific features of Arctic zone of the Russian Federation as a basis for industrial development are described. On the basis of this analysis the tools of industrial development applied to Arctic zone of the Russian Federation are proposed, such as gradual and planned formation of macroeconomic factors and creation of conditions for industrial development performed by the government taking into consideration economic interests and concerns of all subjects of economic activities; use of complex approach to the industrial development of Arctic zone of the Russian Federation based on goal-oriented planning techniques; use of the mineral raw complex opportunities with the focus on the increase of

развития, осуществляемое государством, должно учитывать экономические интересы субъектов экономической деятельности; использование комплексного подхода к развитию Арктической зоны РФ на основе программно-целевого управления процессами развития; использование возможности минерально-сырьевого комплекса, при этом акцент в развитии следует делать на увеличение инновационной активности и развитие инновационных и наукоемких компаний и производств; поддержка индустриального развития со стороны региональных властей по примеру руководства регионов Китая; создание специальных экономических зон, причем зон разного типа, в зависимости от целей развития каждого региона АЗ РФ

Ключевые слова: экономика КНР, развитие промышленности, международный опыт, Арктическая зона Российской Федерации, индустриальный рост

innovative activity, the development of innovative and science intensive companies and enterprises; support of industrial development by regional governments on the example of the Chinese local authorities; establishment of different types of special economic zones every of which should be relevant to specific conditions of Arctic zone territories and goals of their development

Key words: Chinese economy, industrial growth, international experience, Arctic zone of Russian Federation, industrial development

Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-38-00009). Программно-целевое управление комплексным развитием Арктической зоны РФ. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

В настоящее время российское государство, исходя из геополитических и экономических интересов, уделяет большое внимание Арктической зоне Российской Федерации (АЗ РФ). Всестороннее развитие территорий, включенных в АЗ РФ, предполагает формирование и целенаправленное управление северным экономическим пространством, которое не может быть единым, целостным, устойчиво развивающимся без комплексного подхода к его формированию. Минерально-сырьевой комплекс, традиционно и вполне обоснованно находящийся в фокусе всеобщего внимания, является действительно важным, но, тем не менее, всего лишь одним из составных элементов единой экономической системы Севера России. Обрабатывающая промышленность, малый и средний бизнес формируют и закрепляют ткань экономического пространства, способствуя решению социальных задач и закреплению трудовых ресурсов в регионе и помогая реализовывать существующий человеческий потенциал региона.

В годы экономических трансформаций, начиная с 1990 г., наблюдается ряд негативных тенденций, отток населения из регионов АЗ РФ и стагнация промышленного производства. Так, например, за период с 1990 по 2013 гг. численность населения Мурманской области, самого населенного региона АЗ РФ, сократилась с 1188,8 тыс. человек до 771,1 тыс. человек [12]. Промышленное производство, судя по ежегодному индексу прироста, величина которого колебалась от 92 % в 1996 г. до 113 % в 1997 г. и составившем 100,6 % в 2013 г., а также динамике выпуска основных видов продукции, стагнирует [13]. В связи с негативными тенденциями последних лет возникает вопрос о подходах и методах достижения целей развития производства в АЗ РФ на основе использования международного опыта. В сфере промышленного развития наибольших успехов в последние 20...25 лет добился Китай, что и определило тему исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Методологической базой выполненного исследования являются как количественные, так и качественные методы. К первым относятся методы сбора и сравнительного анализа статистических данных, характеризующих социально-экономические показатели регионов и территорий, включенных в Арктическую зону РФ, бенчмаркинг при идентификации наиболее успешных практик и достижений в мировом опыте промышленного развития. К качественным методам исследований следует отнести метод аналогий, использованный при обосновании применения опыта Китая в промышленном развитии к обеспечению промышленного роста регионов и территорий Арктической зоны Российской Федерации.

Исходными данными для исследования послужили официальные государственные акты, нормативные документы, официальная статистика Росстата и китайских статистических служб, исследования отечественных и зарубежных ученых, выполненные по тематике данной публикации.

Важной исходной посылкой при выполнении исследования является тот факт, что Арктическая зона в настоящее время не является выделенной территориально-административной единицей Российской Федерации, а в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. Арктическая зона Российской Федерации состоит из следующих территорий [15]:

- 1) территория Мурманской области;
- 2) территория Ненецкого автономного округа;
- 3) территория Чукотского автономного округа;
- 4) территория Ямало-ненецкого автономного округа;
- 5) территория муниципального образования городского округа «Воркута» (Республика «Коми»);
- 6) территория Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса (района) (Республика Саха (Якутия));

7) территория городского округа г. Норильск, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край);

8) территории муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область);

9) земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в постановлении Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР.

Это обстоятельство затрудняет поиск статистических данных, так как система сбора статистики построена по административному признаку в соответствии с субъектами Федерации и для доступа к информации о муниципальных образованиях требуются дополнительные усилия.

Кроме того, необходимо учитывать особенности АЗ РФ, из которых можно выделить следующее.

1. В Арктическом пространстве РФ сосредоточены значительные, разнообразные и не до конца разведанные запасы природных ресурсов.

2. Особое геополитическое значение Арктической зоны, где сосредоточены стратегические интересы многих государств.

3. Экстремальные климатические условия жизнедеятельности.

4. Полиэтнический состав проживающего в Арктической зоне населения, включая представителей коренных малочисленных народов.

5. Экологические проблемы промышленного освоения в связи с неустойчивостью природного равновесия.

6. Каждая из территорий Арктики РФ имеет уникальные особенности, такие, например, как плотность населения, его образовательный уровень, природно-климатические и экологические условия, удаленность от основных промышленных центров, наличие ресурсов, уровень эко-

номического развития и развития инфраструктуры, культурные различия и др.

Успешный опыт Китая в промышленном развитии привлекал внимание исследователей и ранее, в частности анализ китайского опыта развития промышленности выполнен в работах [3, 5, 7, 15, 16]. Однако в них не сделан акцент на возможность использования этого опыта в российских условиях. Отдельные аспекты проблемы промышленного развития, в частности, анализ роли федеральной и региональных инновационных систем, отраслевые аспекты промышленного развития, кластерный подход рассмотрены в трудах [1, 2, 4, 6]. Таким образом, всесторонний анализ возможности использования китайского опыта применительно к Северу России является актуальной задачей.

Рассматривая ход китайских экономических реформ и подходы к развитию

промышленности, надо признать, что Китай в отправной точке начала экономических реформ опередил Россию. Еще в конце 1970-х гг. XX в. Китай начал преобразование плановой экономики в экономику, ориентированную на рынок. В декабре 1978 г. Пленум ЦК КПК принял решение о концентрации работы партии на экономическом развитии, а уже в 1982 г. XXII съездом партии была принята стратегия осуществления модернизации общества на основе экономического развития.

Результатом экономических реформ стало быстрое развитие КНР, рост промышленного производства и ВВП, превращение страны из отсталой и аграрной в космическую и ядерную державу, догоняющую по объему ВВП многолетнего лидера мировой экономики – США (см. табл. 1) [11].

Таблица 1

Размер валового внутреннего продукта США и Китая

Год	Размер ВВП по ППС, млрд долл.							
	весь мир	ВВП США	доля ВВП США в мировом ВВП, %	ВВП Китая	доля ВВП Китая в мировом ВВП, %	доля ВВП Китая в ВВП США, %	ВВП ЕС	доля ВВП ЕС, %
1983	0	3535	–	381	–	11	0,0	–
1993	0	6667	–	1403	–	21	0,0	–
2003	51480	11142	22	4158	8	37	0,0	–
2008	69620	14292	21	8216	12	57	14910	21
2009	70170	13939	20	9068	13	65	14430	21
2010	74540	14527	19	10120	14	70	14820	20
2011	78950	15040	19	11300	14	75	15390	19
2012	83120	15660	19	12380	15	79	15630	19

Источник: Официальный сайт Мирового банка

Реструктуризация экономики способствовала быстрому росту валового внутреннего продукта. ВВП Китая за период с 1983 г. по 2012 г. увеличился более чем в 30 раз. Из табл. 1 видно, что доля ВВП Китая в мировом ВВП постоянно увеличивается, в т.ч. и за счет сокращения доли ВВП США и ВВП стран Евразии. Если в 1983 г. ВВП Китая

составлял только 11 % от ВВП США, то к 2012 г. этот показатель составил уже 79 %.

Отметим, что если ВВП Китая за период с 2003 по 2012 гг. увеличился почти в три раза, то темп роста населения страны за это время составил всего около 4 %, что свидетельствует о росте ВВП на душу населения страны (табл. 2) [9].

Таблица 2

Динамика населения Китая, млн чел.

Период	Население Китая
2003	1287,0
2006	1314,0
2009	1338,6
2012	1343,2

Источник: *Официальный сайт комитета по статистике правительства КНР*

Несмотря на то, что ВВП страны растет опережающими темпами по отношению к населению, доход на душу населения страны по-прежнему остается ниже среднемирового.

Мировой экономический кризис 2008-2010 гг. негативно сказался на экономике страны, снизив темпы экономического роста, в том числе из-за снижения спроса на китайский экспорт. Однако, как видно из табл. 3, темп роста экономики Китая оста-

вался самым высоким из крупных мировых стран даже в период начала экономического спада 2007-2009 гг.

Базовой отраслью национальной экономики Китая является промышленность. Темп роста промышленного производства существенно опережал темп роста ВВП в период до 2007 г., хотя существует явно выраженная тенденция к его снижению (табл. 3) [10].

Таблица 3

Темпы роста объема промышленного производства и ВВП Китая, %

Год	Темп роста объема промышленного производства	Темп роста ВВП
2003	30,04	10
2004	17,01	10,1
2005	29,50	11,1
2006	22,90	12,7
2007	13,40	14,2
2008	9,30	9,6
2009	9,90	9,2
2010	11,00	10,4
2011	13,00	9,2
2012	7,90	7,8

Источник: *Официальный сайт Министерства торговли КНР*

Из табл. 4 виден рост объемов внутреннего производства и объемов роста ведущих отраслей промышленности страны [9].

По данным Комитета по статистике правительства КНР, в 2013 г. показатель прироста объема валовой добавленной стоимости крупных и средних предприятий (с доходом от реализации более 20

млн юаней) в промышленности в годовом исчислении достиг отметки 9,7 % (с учетом ценового фактора) [9].

В последние годы Китай добился успехов в производстве высокотехнологичных товаров. В настоящее время на долю Китая приходится более половины мирового объема производства компьютерной и офисной техники.

Ведущие отрасли промышленности Китая

Ведущие отрасли промышленности, млрд долл.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Электронно-информационная промышленность			
общий объем рынка	626,49	701,91	982,54
объем внутреннего производства	733,6	860,9	1152,14
объем экспорта	451,33	521,76	591,2
объем импорта	344,22	363,67	421,6
Машиностроение			
общий объем рынка	1126,25	1243,2	1926,9
объем внутреннего производства	1328,1	1401,9	2124,4
объем экспорта	724,76	636,12	839,63
объем импорта	522,91	477,41	642,14
Химическая промышленность			
общий объем рынка	410,9	361,2	789,6
объем внутреннего производства	393,6	333,2	772,6
объем экспорта	107,8	88,1	140,8
объем импорта	125,1	116,1	157,8

Источник: Официальный сайт комитета по статистике правительства КНР

Естественно, при использовании опыта Китая следует принимать во внимание различия в положении КНР в то время, когда страна приступала к реформам и экономическому росту, и ситуацией в регионах Арктической Зоны РФ, в частности следующее.

1. Численность населения и резервы человеческих ресурсов в сельской местности Китая позволяли и пока позволяют привлекать дополнительную рабочую силу к работе на промышленных предприятиях. В Арктической зоне в условиях оттока жителей и уменьшения численности проживающих резервы человеческих ресурсов ограничены. Для привлечения дополнительной рабочей силы требуется организация специфических форм трудовой деятельности, такой, например, как вахтовый метод.

2. В Китае во многом сохранилась система планового управления народным хозяйством, позволяющая концентрировать ресурсы на выбранных направлениях развития и принимать решения о создании специальных экономических зон. В Российской Федерации используются более «мягкие» инструменты управления ресурсами, направляемыми на развитие: Федеральные Целевые Программы, налоговые льготы и

преференции, снижение барьеров в доступе к кредитам и др.

3. Рыночный потенциал экономических реформ в Китае реализовывался постепенно, что отражалось, по китайской политической традиции, сменой лозунгов, расставляющих акценты в ходе реализации реформы. В 1979 г. лозунгом являлась следующая фраза: «План – главное, рынок – вспомогательное». В 1984 г. выдвинут лозунг создания «плановой рыночной экономики». На XIV съезде КПК в 1992 г. провозглашен курс на создание «социалистической рыночной экономики». Таким образом, свобода принятия решений хозяйствующим субъектам китайской экономики предоставлялась дозированно и постепенно [16].

4. Плановмерно реализуемые экономические реформы власти КНР сумели провести централизованно, но при этом не игнорируя, а используя рыночные механизмы. Экономические реформы проводились в несколько этапов.

Первый этап (1975-1990) базировался на экономической программе, выдвинутой Премьер-министром КНР Чжоу Энь Лаем, в соответствии с которой Китай должен к 2000 г. стать в одном ряду с ведущими

экономическими державами. Программа предусматривала так называемые «Четыре модернизации», то есть ускорение темпов развития сельского хозяйства, промышленности, научно-технического прогресса и укрепление обороноспособности страны [16]. Экономические реформы стартовали с реализации комплекса мер по модернизации коллективизированного сельского хозяйства и далее включали постепенную, а не шоковую либерализацию цен, децентрализацию принятия финансовых решений, автономизации государственных предприятий, а также поддержку государственных предприятий в ключевых секторах экономики, в частности в банковском секторе, на фондовых рынках. Реформы сопровождалась формированием института частной собственности и предпринимательства и постепенным увеличением роли частного сектора, мерами по обеспечению открытости внешней торговли и либерализации внешнеэкономической, развитием инструментов привлечения иностранных инвестиций и др.

Второй этап (1990-2005). Основными слагаемыми выдвинутой XIV съездом КПК в 1992 г. (фактически к тому времени уже реализуемой на практике) концепции являлись следующие:

– предоставление оперативной хозяйственной самостоятельности госпредприятиям при сохранении государственного контроля работы частного сектора;

– доминирование административных методов в регулировании хозяйственной деятельности при ограниченном использовании экономических мер;

– сохранение государственного контроля ключевых макроэкономических индикаторов и пропорций. В 1992 г. госконтроль охватывал около 40 % номенклатуры потребительских цен и 30 % цен на услуги. К 1996 г. госконтроль сохранялся лишь на 8...10 % цен [16].

В 1985-1995 гг. происходит ослабление централизованного механизма обезличенного финансирования науки, внедряется целевая (грантовая) система поддержки научных исследований на основе грантов,

происходит селекция научно-исследовательских организаций. Таким образом, произошло распространение рыночных преобразований хозяйственного механизма в сферу науки и технологий. В результате за 1980-2006 гг. удельный вес совокупных государственных расходов на исследования и разработки в ВВП сократился с 26,8 до 18,3 %, при этом доля расходов на науку и технологии в течение 27 лет оставалась стабильной, составляя величину около 5 % [16].

Однако ряд экономических и социальных проблем, описанных в [4, 6], привели к необходимости перехода к третьему этапу экономических реформ.

Третий этап (2005 г. — настоящее время) — этап усиления инновационной активности. В центр государственной политики становится задача модернизации экономики на основе инноваций на ключевых направлениях. Осознание к началу третьего этапа руководством КПК того факта, что китайская экономика — экономика массового промышленного производства с недостаточной добавленной стоимостью, привело к формированию условий для перехода к высокотехнологичной модели развития экономики Китая [4]. Выбранное направление развития уже привело к заметным результатам. В частности, если в высокотехнологичных отраслях во время рецессии 2008-2009 гг. производство сокращалось практически во всех странах, то в Китае наблюдался рост. В настоящее время на долю Китая приходится более половины мирового объема производства компьютерной и офисной техники. В этой категории наблюдается особенно быстрый сдвиг относительных позиций Китая в мировых рейтингах.

5. Финансовой основой проводимых реформ послужили централизованные средства государства и прямые зарубежные инвестиции, причем инвестиции «хуацяо», почти в разное время от 55 до почти 80 % всех иностранных инвесторов в экономику КНР составили этнические китайцы (хуацяо), проживающие за рубежом [14].

6. Частный иностранный капитал, создавались специальные экономические

зоны с льготным режимом для инвесторов. Иностранные предприятия не только участвовали в создании новых рабочих мест, но и способствовали повышению общего технологического уровня производства в Китае [4].

7. Уязвимость северной природы предполагает высокие требования к экологической чистоте применяемых в Арктической Зоне РФ технологий и производств, в то время как китайская промышленность развивалась с недостаточным учетом необходимости сохранения окружающей среды [17].

Таким образом, на основе выполненного анализа ситуации в АЗ РФ и опыта подъема промышленности в Китае можно предложить использование следующих методов и инструментов индустриального развития Арктической Зоны Российской Федерации.

1. Формирование макроэкономических факторов и создание условий для промышленного развития должно, с одной стороны, осуществляться государством планомерно и централизованно, с другой – с учетом экономических интересов субъектов экономической деятельности. В управлении экономикой России начинает доминировать подход, при котором экономические интересы отходят на второй план. В результате принимаются решения, игнорирующие экономические законы и рыночные механизмы, ограничивающие, а не использующие частную инициативу для достижения целей развития. Принимая во внимание роль и значение стратегической задачи промышленного развития Арктической зоны РФ, следует активно использовать механизмы интегрирования частной инициативы в программы освоения Севера, в частности государственно-частное партнерство.

2. Следует использовать комплексный подход к развитию Арктической зоны РФ на основе программно-целевого управления процессами развития. Значительным шагом в направлении стал проект, финансируемый Российским научным фондом, № 14-38-00009 «Программно-целевое управ-

ление комплексным развитием Арктической зоны РФ», работы по которому будут выполняться в 2014-2016 гг.

3. Используя возможности минерально-сырьевого комплекса, акцент в развитии следует делать на увеличение инновационной активности и развитие инновационных и наукоемких компаний и производств. Следует согласиться с автором [8], что вряд ли можно всерьез рассчитывать на создание экокластеров, экогородов, по крайней мере, в ближайшей перспективе, однако инновационный потенциал крупных промышленных предприятий и малого высокотехнологического бизнеса, в том числе использующего местные ресурсы, должен быть использован.

4. Поддержка индустриального развития со стороны региональных властей по примеру руководства регионов Китая.

5. Создание специальных экономических зон, причем зон разного типа, в зависимости от целей развития каждого региона АЗ РФ. В частности, зоны экономического развития для поддержки малого бизнеса и предпринимательства, в том числе производящих традиционные для региона товары из местных материалов. Зоны приграничного сотрудничества и свободные таможенные зоны целесообразно создавать, например, в регионах с развитым рыболовством с целью формирования привлекательных условий для рыболовческих предприятий по сдаче улова на переработку на российской территории. Специальные научно-технические зоны и зоны технико-экономического освоения должны располагаться в или рядом с промышленно-образовательными центрами, такими как Мурманск, Архангельск, Апатиты.

Таким образом, несмотря на различия в условиях реализации программ промышленного развития в Китае и Арктической зоне Российской Федерации, существует возможность использования в российской практике ряда подходов, методов и инструментов, обеспечивших успех китайской модели индустриализации.

Литература

References

1. Бабкин А.В., Хватова Т.Ю. Модель национальной инновационной системы на основе экономики знаний // Экономика и управление. 2010. № 12. С. 170-176.
2. Глухов В.В., Федоров Е.А. Промышленная политика как механизм стимулирования инновационной деятельности. СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та. 2010. 190 с.
3. Диденко Н.И., Бакланов А.О. Роль инноваций в мировых процессах экономического роста и развития. СПб.: Изд-во политех. ун-та, 2007. 414 с.
4. Калашникова И.В., Ли Юйсянь. Опыт Китая в реструктуризации промышленности // Ученые заметки ТОГУ. 2013. т. 4, № 4, с. 386-392. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ejournal.khstu.ru/media/2013/TGU_4_96.pdf.
5. Каньковская А.Р. Национальные и региональные инновационные системы в условиях экономического цикла // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2013. № 2 (163). С. 89-94. (на англ. яз.)
6. Козлов А.В., Ся Ч. Развитие инновационных отраслей промышленности Китая на основе международной кооперации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2014. № 3 (197). С. 108-115.
7. Конахина Н.А. Анализ инновационных технологий в мировой отрасли автомобилестроения // Инновации. 2008. № 2 (112). С. 60-61.
8. Леонов С.Н., Домнич Е.Л. Инновационная политика Китая: роль прямых и косвенных стимулов // Пространственная экономика. 2010. № 6. С. 79-90.
9. Официальный сайт комитета по статистике правительства КНР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>.
10. Официальный сайт Министерства торговли КНР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://english.mofcom.gov.cn/>.
11. Официальный сайт Мирового банка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://worldbank.org/>.
12. Официальный сайт ТО Федеральной службы статистики по Мурманской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/.
1. Babkin A.V., Khvatova T.Yu. *Ekonomika i upravlenie* (Economics and Management), 2010, no. 12. P. 170-176.
2. Glukhov V.V., Fedorov E.A. *Promyshlennaya politika kak mehanizm stimulirovaniya innovatsionnoy deyatelnosti* [Industrial policy as a mechanism of innovation activities stimulation]. St.-Petersburg: Publ. St.-Petersburg State Polytechnical University. 2010. 190 p.
3. Didenko N.I., Baklanov A.O. *Rol innovatsiy v mirovyh protsessah ekonomitzeskogo rosta i razvitiya* [The role of innovations in global processes of economic growth and development. St.-Petersburg: Publ. St.Petersburg State Polytechnical University. 2007. 414 p.
4. Kalashnikov I.V., Li Yu County, Shanxi. *Uchenye zametki TOGU* (Scientific notes of TOSU), 2013. Vol. 4, no. 4. P. 386-392. Available at: http://ejournal.khstu.ru/media/2013/TGU_4_96.pdf.
5. Kankovskaya A.R. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki* (Scientific and technical bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences), 2013, no. 2 (163). P. 89-94. (on the Eng. lang.)
6. Kozlov A.V., Xia C. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki* (Scientific and technical bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences), 2014, no. 3 (197). P. 108-115.
7. Konakhina N.A. *Innovatsii* (Innovations), 2008, no. 2 (112). pp. 60-61.
8. Leonov S.N., Domnich E.L. *Prostranstvennaya ekonomika* (Spatial economy), 2010, no. 6. pp. 79-90.
9. *Ofitsialny sait komiteta po statistike pravitelstva KNR* (Official Site of Statistics Committee of the Chinese Government) Available at: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?m=hgnd>.
10. *Ofitsialny sait Ministerstva trgovli KNR* (The official website of the Ministry of Commerce of the PRC) Available at: <http://english.mofcom.gov.cn/>.
11. *Ofitsialny sait Mirovogo banka* (The official website of the World Bank) Available at: <http://worldbank.org/>.
12. *Ofitsialny sait TO Federalnoy sluzhby statistiki po Murmanskoy oblasti* (The official website of the Federal Statistics Service MOT in the Murmansk region). Available at: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/.

13. Официальный сайт Федеральной службы статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

14. Сущенко М.А. Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2 С. 102-105.

15. Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296.

16. Чжан Чжифэн. Экономические реформы в Китае: их особенности, механизмы, факторы успеха // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 4. С. 104-118.

17. Цзян Цзин, Стровский Л.Е. Состояние и проблемы модернизации промышленности Китая // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2011. № 2. С. 103-110.

13. *Ofitsialny sait Federalnoy sluzhby statistiki* (The official website of the Federal Statistics Service) Available at: <http://www.gks.ru>

14. Sushchenko M.A. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Vestnik of Kemerovo State University), 2012, no. 2 pp. 102-105.

15. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 2 maya 2014 g.* (Decree of the President of the Russian Federation dated May 2, 2014), no. 296.

16. Zhang Zhifeng. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* (Bulletin of Tambov University. Series: Humanities), 2003, no. 4. P. 104-118.

17. Jiang Jing, Strovsky L.E. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie* (Bulletin of UFU. Economics and Management), 2011, no. 2. pp. 103-110.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Козлов А.В., д-р экон. наук, профессор, зав. каф. «Мировая и региональная экономика», Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, г. Санкт-Петербург, РФ
Avk55-spb@yandex.ru

A. Kozlov, doctor of economic sciences, professor, head of World and Regional Economy department, St. Petersburg State Polytechnical University, St-Petersburg, Russia

Научные интересы: международное экономическое сотрудничество, международный менеджмент, кросскультурный менеджмент, экономика глобальной образовательной среды

Scientific interests: international economic collaboration, international management, cross-cultural management, economy of global educational system

Тесля А.Б., канд. экон. наук., доцент, доцент каф. «Мировая и региональная экономика», Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, г. Санкт-Петербург, РФ
antes@list.ru

A. Teslya, candidate of economic sciences, associate professor, assistant professor, World and Regional Economy department, St. Petersburg State Polytechnical University, St-Petersburg, Russia

Научные интересы: экономическая оценка реальных инвестиций, проблемы оценки некоммерческих инвестиционных проектов, национальная экономика, экономика общественного сектора

Scientific interests: economic valuation of investment, non-commercial investment projects, national economy, economy of public sector

Ся Чжан, аспирант, каф. «Мировая и региональная экономика», Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, г. Санкт-Петербург, РФ
chzhanxia@outlook.com

Zhangxia, postgraduate, World and Regional Economy department, St. Petersburg State Polytechnical University, St-Petersburg, Russia

Научные интересы: международная промышленная кооперация, инновационные отрасли экономики

Scientific interests: international industrial cooperation, innovative industries development

УДК 330.15

Колесникова Анастасия Владимировна
Anastasiya Kolesnikova

ПРОБЛЕМЫ НЕЛЕГАЛЬНОГО ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

PROBLEMS OF ILLEGAL FOREST USE IN RUSSIAN REGIONS

Целью данной работы является рассмотрение проблемы нелегального лесопользования как в Российской Федерации в целом, так и в отдельных ее регионах. На основе статистических данных проведен анализ существующих тенденций в системе лесопользования России, указаны факторы, влияющие на высокий уровень нелегальных лесозаготовок, а также рассмотрены основные виды нелегального лесопользования в Российской Федерации.

Одним из механизмов борьбы с нелегальными лесозаготовками является осуществление учета древесины на всех стадиях ее использования. В рамках данной работы рассмотрен мировой опыт и опыт России по проведению учета древесины и сделан вывод об отсутствии в Российской Федерации отлаженной системы учета лесоматериалов, что, по мнению автора, является одной из основных причин, приводящей к значительным объемам теневого лесопользования в Российской Федерации.

Вместе с тем, автор отмечает, что в Российской Федерации на протяжении нескольких последних лет велась работа по разработке нормативно-правовой базы по учету необработанных лесоматериалов, итогом которой стало внесение изменений в Лесной кодекс Российской Федерации в декабре 2013 г. Рассмотрены основные изменения, внесенные в Лесной кодекс Российской Федерации, которые направлены на сокращение теневого лесопользования.

В результате проведенных исследований автором сделаны выводы, а также выдвинуты некоторые предположения о возможности изменения сложившейся ситуации в сфере нелегальных лесозаготовок в Российской Федерации в связи с внесением указанных изменений в Лесной кодекс Российской Федерации

The purpose of this article is the consideration of illegal forest use problem in the Russian Federation as well as in regions. The author analyzed available trends in the system of forest use in Russia using statistics, indicated the factors effecting on a high level of illegal forest use and considered the main types of illegal forest use in the Russian Federation.

One of the mechanisms to reduce illegal forest use is accounting of wood at all stages of its use. In this article, the author reviewed the experience in accounting of wood in the world and Russia in particular, and concluded that there is no system of wood accounting in the Russian Federation and this is one of the main reasons of a high level of illegal forest use in the Russian Federation.

The author notes that the legal framework of wood accounting has been developed in the Russian Federation in recent years. The result of this work is updating the Forrest law of the Russian Federation in December 2013. In this article, the author also reviewed the main changes in the Forest Law of the Russian Federation which are aimed to reduce illegal forest use.

In the end of this article, the author made some findings and assumptions about the possibility of changing the current situation in the area of illegal forest use in the Russian Federation in connection with the introduction of these changes in the Forest Law of the Russian Federation

Ключевые слова: лесопользование, нелегальные лесозаготовки, лесной кодекс, учет древесины

Key words: forest management, illegal logging, forest law, accounting wood

Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ: № 13-02-00093 «Стимулы и антистимулы для повышения эффективности использования лесных ресурсов в условиях приграничного региона»

1. Анализ нелегального лесопользования в Российской Федерации

Проблема нелегальной заготовки древесины на территории Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия является достаточно актуальной. По оценкам Рослесхоза и ряда неправительственных организаций (Гринпис России, WWF России), доля нелегальных лесозаготовок, начиная с 2000 г., составила 10...25 %, а в отдельных областях доходит до 50 % от объемов легальной заготовки [1], [2]; по данным ряда независимых экспертов, в некоторых регионах России, прежде всего регионах, граничащих с Китаем, объемы нелегально заготовленной древесины в отдельные годы в несколько раз превышают объемы легальной заготовки: на территории Забайкальского края нелегальная заготовка древесины, начиная с 2003 г., составляла порядка 0,8 (2003) ... 3,3 (2006) млн м³/год, превысив официальные значения фактической заготовки ликвидной древесины в 1,57 (2003) ... 3,07 (2006) раза [3]; на территории Приморского края нелегальная заготовка первосортной древесины достигает 1,5...1,9 млн м³/год; объем нелегально заготовленной древесины на территории Хабаровского края в 2003 г. составил около 1,87 млн м³ [4]. Это, безусловно, сказывается на бюджетной эффективности лесопользования [5]. Для сравнения доля нелегальной заготовки древесины в Японии составляет 3...5%, а в Канаде и Европе – менее 1 % [6].

Помимо общей проблемы нелегальных лесозаготовок, существующей на территории Российской Федерации, в настоящее время все актуальнее становится проблема незаконных рубок древесины ценных пород (в частности, дуба монгольского) на Даль-

нем Востоке, масштабы которых достигают критического объема. По данным WWF, за 2004-2011 гг. объем древесины дуба монгольского, заготовленной для экспорта в Китай, превысил объем разрешенного лесопользования в 2...4 раза [7]. Незаконная заготовка дуба монгольского приводит к существенным экологическим последствиям, связанным с деградацией ключевых мест обитания амурского тигра и сокращением его кормовой базы [8].

Нелегальная лесозаготовительная деятельность не только наносит колоссальный экономический ущерб (по данным Всемирного банка, ежегодный прямой экономический ущерб от незаконных рубок и сопряженного с ними нелегального оборота лесоматериалов составляет 10...15 млрд долл. [9]), но и сопровождается негативным воздействием на окружающую среду, приводя как к количественным изменениям внутри экосистемы, так и к негативным качественным. Нарушаются водорегулирующие функции, особенно в результате рубок в водоохраных зонах, изменяется среда обитания животных и растений, наносится ущерб биоразнообразию, повышается пожарная опасность в результате возникновения порубочных остатков и загрязнения лесных экосистем ТБО [3], [10].

К факторам, влияющим на высокий уровень нелегального лесопользования в России, относятся:

– общая нестабильность в системе лесоуправления и высокий уровень коррупции в лесном секторе;

– высокий спрос на сырьевую древесину вне зависимости от ее происхождения на внешних рынках древесины (прежде всего, на рынке Китая);

– высокая латентность правонарушений в сфере лесопользования, а также несоответствие ответственности за нелегальную лесозаготовительную деятельность ущербу, нанесенному этой деятельностью;

– низкий уровень жизни населения, проживающего в поселках и занимающегося преимущественно лесозаготовительной деятельностью;

– наличие большого количества непрозрачных схем поставок древесины как на внутренний, так и на внешний рынки.

Относительно динамики объемов нелегально заготовленной древесины в Российской Федерации (рис. 1) можно отметить следующее:

1) с 2000 по 2006 гг. в России наблюдалась тенденция ежегодного уменьшения числа зарегистрированных случаев незаконных рубок. В то же время годовые объемы незаконно заготовленной древесины в 2002-2006 гг. имели незначительные колебания (среднегодовой объем нелегально заготовленной древесины составил 810 тыс. м³);

2) период 2007-2008 гг. характеризуется резким ростом как числа зарегис-

трированных случаев незаконных рубок, так и объемов незаконно заготовленной древесины. Это объясняется, возможно, тем, что новым структурам, образованным в ходе реорганизации лесного хозяйства в соответствии с Лесным кодексом РФ от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ, было нецелесообразно скрывать факты незаконной заготовки древесины, возлагая ответственность за это на предыдущих руководителей;

3) в 2008 г. отмечен пик незаконных лесозаготовок (по данным Рослесхоза, объем нелегально заготовленной древесины в 2008 г. составил 1650,38 тыс. м³);

4) начиная с 2009 г. наблюдается тенденция сокращения официально зарегистрированных незаконных рубок древесины как по случаям, так и по объему и ущербу в 1,5, 1,4 и 1,3 раза соответственно (Данные Рослесхоза); однако объемы древесины, заготовленной нелегально, по-прежнему остаются на достаточно высоком уровне (среднегодовой объем нелегально заготовленной древесины составил более 1 млн м³).

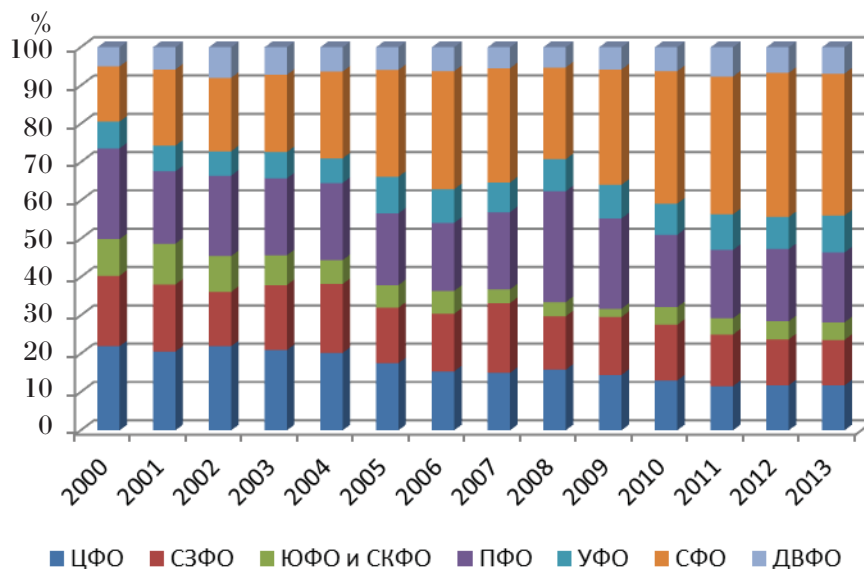

Источник данных: данные Рослесхоза

Рис. 1. Динамика объемов нелегально заготовленной древесины и количества случаев нелегальных лесозаготовок в Российской Федерации

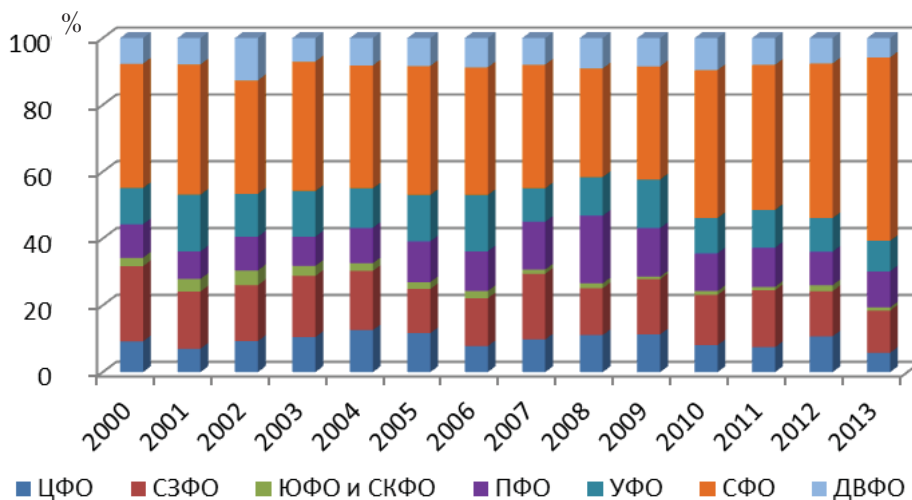
На рис. 2 и 3 приведена динамика количества случаев нелегальных лесозаготовок и объемов нелегально заготовленной

древесины по федеральным округам Российской Федерации.

Источник данных: Рослесхоз

Рис. 2. Динамика количества случаев нелегально заготовленной древесины по федеральным округам Российской Федерации

Источник данных: Рослесхоз

Рис. 3. Динамика объемов нелегально заготовленной древесины в федеральных округах Российской Федерации

Исходя из данных, представленных на рис. 2 и 3, следует, что наибольшее число случаев нелегальных лесозаготовок и ос-

новной объем нелегально заготовленной древесины в рассматриваемый период осуществлялись на территории Сибирского

федерального округа. Динамика среднегодового (за трехлетние периоды) распределения количества случаев нелегальных лесозаготовок и объемов нелегально заго-

товленной древесины по федеральным округам Российской Федерации представлена в табл. 1.

Таблица 1

Среднегодовые значения (за трехлетние периоды) количества случаев нелегальных лесозаготовок и объемов нелегально заготовленной древесины по федеральным округам Российской Федерации

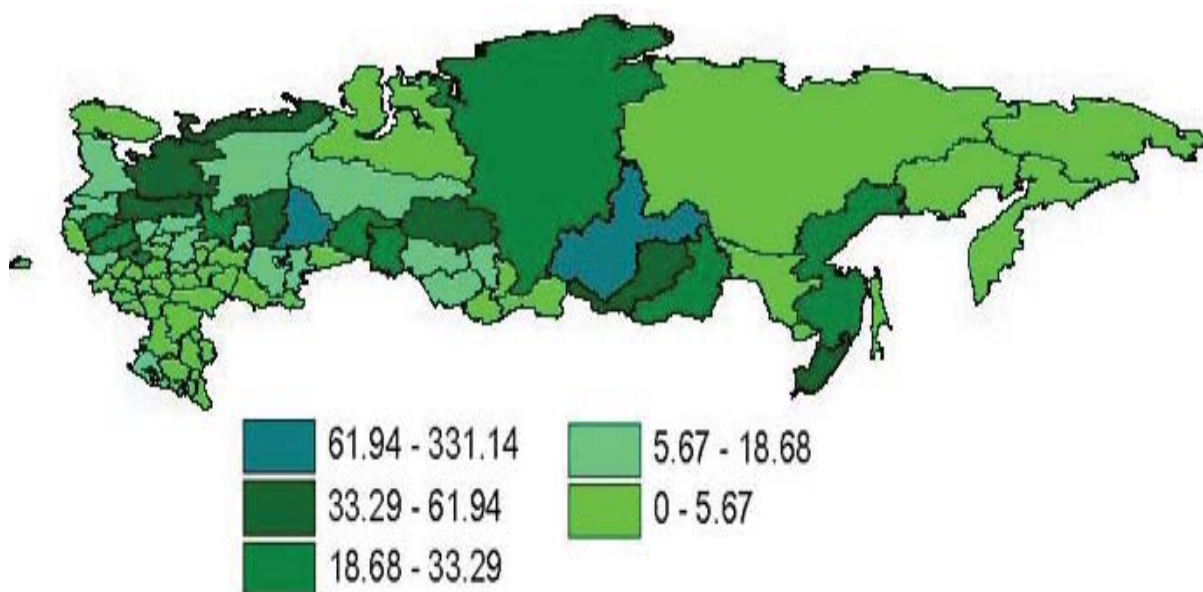
Наименование федерального округа	2002-2004 гг.		2005-2007 гг.		2008-2010 гг.		2011-2013 гг.	
	число случаев	объем нелег. древесины	число случаев	объем нелег. древесины	число случаев	объем нелег. древесины	число случаев	объем нелег. древесины
	тыс.	тыс. м ³	тыс.	тыс. м ³	тыс.	тыс. м ³	тыс.	тыс. м ³
РФ	22,99	728,64	17,39	839,44	30,14	1463,32	20,23	1103,19
ЦФО	4,85	78,50	2,76	81,10	4,27	148,49	2,34	86,64
СЗФО	3,74	128,25	2,79	135,60	4,27	219,31	2,49	157,73
ЮФО и СКФО	1,81	23,67	0,87	14,84	1,01	16,77	0,90	13,49
ПФО	4,70	71,17	3,29	108,39	7,09	227,60	3,66	118,22
УФО	1,51	93,22	1,49	110,79	2,48	177,65	1,82	110,98
СФО	4,73	266,03	5,11	316,32	8,58	528,96	7,37	524,44
ДФО	1,66	67,79	1,02	69,97	1,69	131,71	1,42	78,36

Источник данных: Рослесхоз

Данные, представленные в табл. 1, показывают, что в период с 2011 по 2013 гг. наблюдалась некоторая положительная тенденция, связанная с сокращением как числа случаев нелегальных лесозаготовок, так и объемов нелегально заготовленной древесины по всем федеральным округам Российской Федерации. Это снижение можно объяснить влиянием мер государственного регулирования, направленных на сокращение экспорта необработанных лесоматериалов [11], а также принятием мер, регламентирующих порядок получения лицензии на экспорт лесоматериалов в рамках установленных тарифных квот, закрепленных постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2012 г. № 779 «О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов хвойных пород, вывозимых за пределы территории Российской Федерации и территории государств-участников соглашений о Таможенном Союзе».

На рис. 4 представлено среднегодовое распределение объемов нелегально заготовленной древесины по регионам Российской Федерации, зарегистрированное в период с 2011 по 2013 гг.

Исходя из данных, приведенных на рис. 4, следует, что наиболее проблемными регионами Российской Федерации по незаконной заготовке древесины на протяжении последних лет остаются лесные регионы страны с интенсивной заготовкой древесины (Архангельская, Вологодская, Иркутская, Кировская, Тверская, Томская, Свердловская области, Пермский, Приморский, Красноярский, Забайкальский и Хабаровский края, Республика Бурятия). Особое место среди них принадлежит приграничным к Китаю регионам, в которых объемы нелегальных лесозаготовок определяются преимущественно внешним спросом на сырьевую древесину со стороны Китая [12], [13].

Построено автором по данным Рослесхоза

Рис. 4. Среднегодовое распределение объемов нелегально заготовленной древесины по регионам Российской Федерации, зарегистрированное в период 2011-2013 гг., тыс. м³

2. Основные виды нелегального лесопользования в Российской Федерации

Рассматривая вопрос классификации правонарушений в сфере нелегальных лесозаготовок, следует отметить, что до настоящего времени в Лесном кодексе Российской Федерации не закреплены ни понятия «нелегальная лесозаготовительная деятельность», «незаконная рубка лесных насаждений» и т.п., ни классификация видов нелегального лесопользования.

В связи с этим, основным определением понятия «незаконная рубка лесных насаждений» принято считать формулировку, данную в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения». В данном постановлении под незаконной рубкой лесных насаждений понимается «рубка деревьев, кустарников и лиан без лесорубочного билета, ордера или рубка по лесорубочному билету, ордеру, выданному с нарушением действующих правил рубок, а также рубка, осуществляемая не на том

участке или за его границами, сверх установленного количества, не тех пород или не подлежащих рубке деревьев, кустарников и лиан, как указано в лесорубочном билете, ордеру, до или после установленных в лесорубочном билете, ордеру сроков рубки, рубка деревьев, кустарников и лиан, запрещенных к рубке Правилами отпуска древесины на корню в лесах Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. № 551, или после вынесения решения о приостановлении, ограничении или прекращении деятельности лесопользователя или права пользования участком лесного фонда» [14].

Кроме приведенного определения имеется ряд формулировок, акцентирующих внимание на основной цели незаконных рубок — нелегальной заготовке древесины. Одно из таких определений дано в 2005 г. WWF и Всемирным Советом деловых кругов за устойчивое развитие (WBCSD): нелегальные лесозаготовки имеют место в

случаях, когда древесина заготавливается с нарушением действующего лесного и природоохранного законодательства [15].

Рассматривая практику рубок на территории России, Д.Ф. Ефремов совершенно оправданно заявляет, что «любые рубки, исполненные в России, могут и чаще всего имеют на одном или всех этапах те или иные отклонения (нарушения) от требований лесного законодательства и, в строгом смысле слова, вправе расцениваться как незаконные (нелегальные)». Однако при этом отмечает, что нет оснований классифицировать все случаи заготовки древесины, происходящие с нарушениями, как незаконные. Д.Ф. Ефремов считает, что к «нелегальным» порубкам следует относить «только «самовольные», то есть браконьерские (без каких-либо разрешительных оснований) рубки (заготовки древесины), или

исполненные с преступным умышленным игнорированием требований, предписанных лесным законодательством» [16].

Что касается классификации видов нелегального лесопользования, то, на наш взгляд, наиболее полную классификацию незаконных порубок древесины дает А. Морозов, подразделяя незаконные рубки на две группы (незаконная рубка без разрешительных документов и незаконная рубка при наличии разрешительных документов), каждая из которых включает подгруппы (рис. 5). Следует отметить, что представленная классификация незаконных порубок весьма условна и достаточно не просто отнести каждый конкретный случай к определенной схеме, особенно, если наблюдается присутствие в нем различных нарушений.

Источник: [17]

Рис. 5. Классификация нелегальных порубок лесных насаждений

Реализация указанных схем нелегальных лесозаготовок в Российской Федерации стала возможной в связи с отсутствием достоверной информации о состоянии лесов в Российской Федерации (по данным Рослесхоза, в настоящее время давность лесоустройства в среднем по стране приближается

к 20 годам: 19 % от всей информации по лесоустройству имеют срок давности до 9 лет; 19 % – 10...14 лет; 24 % – 15...19 лет; 38 % – более 20 лет) и учета заготовленной древесины, а также высоким уровнем коррупции в регионах.

3. Обязательства по учету древесины: мировой опыт и опыт России

Учет древесины достаточно широко распространен в мире как в странах, где леса находятся преимущественно в частной собственности (например, Скандинавские страны), так и в странах, где основная часть лесов относится к собственности государства (например, Провинции Британская Колумбия (Канада)).

Обязательства по учету лесоматериалов в Скандинавских странах. В Скандинавских странах, несмотря на то, что основная часть лесов находится в частной собственности, еще в середине прошлого века разработаны нормативные правовые акты, регламентирующие процедуры учета круглых лесоматериалов и участие в них заинтересованных сторон. В частности:

Норвежский Закон о лесе и его защите (от 21.05.1965, § 16) предусматривает: «Если отсутствует другое предписание Департамента сельского хозяйства, то продавец и покупатель должны обеспечить сортировку и учет всех лесоматериалов, заготовленных для обработки, продажи или экспорта. Департамент может вводить более подробные предписания в части документирования сортировки и учёта» [18];

Закон об измерениях лесоматериалов в Швеции (№ 209 от 10.06.1966) содержит следующие требования к учету древесины:

«§ 1 Измерения лесоматериалов, в частности хвойного пиловочника и балансов, выполняемые для определения их стоимости, должны проводиться по инструкциям Национального управления лесами.

§ 2 В законе под измерениями подразумевается определение числа единиц лесоматериалов, их объёма или массы, а также оценка качественных характеристик дре-

весины и возможностей её практического применения.

§ 3 Если какое-либо лицо преднамеренно или по халатности нарушает положения § 1 Закона, на него накладывается соответствующий штраф» [19].

Кроме того, в Швеции уже несколько десятилетий успешно функционирует специализированная информационная система по лесоматериалам (SDC) с центральным офисом в г. Сундсваль [18].

Обязательства по учету лесоматериалов в провинции Британская Колумбия (Канада). Учет лесоматериалов в провинции Британская Колумбия регламентирован следующими нормативными правовыми актами, которыми установлена ответственность за не проведение учета и требования к проведению учета заготовленной древесины:

– Лесным законом провинции (Forest Act), в котором есть специальный раздел 6 – учёт лесоматериалов (Timber Scaling) [20];

– инструкцией по учёту лесоматериалов (Scaling Regulation) [21], конкретизирующей требования Лесного закона;

– руководством по учёту лесоматериалов (Scaling Manual), которое разработано Лесной службой Британской Колумбии [22].

В соответствии с указанными нормативными правовыми актами учет должен проводиться при всех заготовках лесоматериалов на общественных и частных землях в пределах юрисдикции провинции.

Основными функциями правительства провинции являются:

1) оценка и лицензирование учётчиков;

2) оформление разрешений и назначение учётчиков, установление политики и процедур для всего учёта лесоматериалов, определяющего доход владельца лесов;

3) выдача разрешений на пункты учёта и установление условий для пунктов учёта;

4) установление процедур учёта, обработки данных учёта и контрольных процедур;

5) оценка соблюдения требований и процедур по учёту лесоматериалов [18].

Обязательства по учету лесоматериалов в СССР и России. В СССР учёт заготовленной древесины был регламентирован «Инструкцией по учету лесопроductии в производственных объединениях и на предприятиях лесозаготовительной промышленности», утвержденной в 1977 г. Минлеспромом СССР. В настоящее время система по учету древесины, зародившаяся в СССР, не применяется.

До недавнего времени единственным документом, который содержал сведения о заготовленной древесине, являлся отчет об использовании лесов (ст. 40 ЛК РФ), в котором в соответствии с Приказом Федерального агентства лесного хозяйства от 14 февраля 2012 г. № 47 «Об установлении форм отчетов об использовании, охране, защите, воспроизводстве лесов, лесоразведении и порядка их представления» приводится информация о фактических объемах осуществляемого использования лесов и объемах фактически выполненных

мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов и лесоразведению за период с начала года до конца отчетного квартала, а в четвертом квартале — информация за отчетный год.

Следует отметить, что в ряде регионов Российской Федерации (Амурская область, Архангельская область, Республика Бурятия, Вологодская область, Забайкальский край, Иркутская область, Красноярский край и др.) приняты законы «Об организации деятельности пунктов приема и отгрузки древесины» [23], однако ими не регламентируется проведение учета лесоматериалов.

Таким образом, до недавнего времени Россия являлась единственной страной с развитым лесопользованием, в которой отсутствуют обязательные требования к учету круглых лесоматериалов. Отсутствие отлаженной системы учета лесоматериалов, по нашему мнению, является одной из основных причин, приводящей к столь значительным объемам теневого лесопользования в Российской Федерации.

С целью сокращения объема нелегального лесопользования в Российской Федерации на протяжении нескольких последних лет велась работа по разработке нормативно-правовой базы по учету необработанных лесоматериалов, итогом которой стало внесение изменений в Лесной кодекс Российской Федерации в декабре 2013 г.

4. Анализ изменений в Лесной кодексе Российской Федерации, закрепляющих обязательное требование к учету круглых лесоматериалов

Изменения в Лесной кодексе Российской Федерации, внесенные федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 415-ФЗ, обязали юридических лиц и граждан, осуществляющих заготовку и продажу необработанной древесины, вести учет круглых лесоматериалов, проводить их маркировку (вступает в силу с 1 января 2015 г.), декларирование сделок с ними, а также оформлять сопроводительный документ при перевозке круглых лесоматериалов (вступает в силу с 1 июля 2015 г.).

Так, в соответствии со ст. 50.1 Лесного кодекса Российской Федерации юридические лица и граждане, использующие леса (за исключением заготовки древесины гражданами для собственных нужд) и осуществляющие мероприятия по охране, защите и воспроизводству лесов должны осуществлять учет древесины, полученной при использовании лесов и при проведении мероприятий по их охране, защите, воспроизводству, до ее вывоза из леса.

Кроме того, в случае заготовки древесины ценных лесных пород (дуб, бук, ясень) она также подлежит обязательной поштучной маркировке (ст. 50.2 Лесного кодекса Российской Федерации).

Действующий Лесной кодексе предъявляет также ряд требований к транспортировке заготовленной древесины, которая, в соответствии со ст. 50.4 Лесного кодекса Российской Федерации в новой редакции, может осуществляться при наличии сопроводительного документа, в котором указываются сведения о собственнике, грузоотправителе, грузополучателе, перевозчике древесины, ее объеме, видовом (породном) и сортиментном составе, пунктах отправления и назначения, номере декларации о сделках с древесиной (в случае, если совершались сделки с указанной древесиной), а также номере государственного регистрационного знака транспортного средства, на котором осуществляется транспортировка древесины (в случае ее транспортировки автомобильным транспортом).

Основным документом, позволяющим идентифицировать происхождение древесины, является декларация о сделках с древесиной, в которой, в соответствии со ст. 50.5 Лесного кодекса Российской Федерации, указываются:

1) информация о собственниках древесины, сторонах сделок с древесиной (наименование, организационно-правовая форма, место нахождения — для юридического лица; фамилия, имя, отчество, данные документа, удостоверяющего личность, — для индивидуального предпринимателя);

2) сведения об объеме древесины, ее видовом (породном) и сортиментном составе;

3) сведения о документах, на основании которых была осуществлена заготовка древесины (договор аренды лесного участка, договор купли-продажи лесных насаждений);

4) договор, по которому приобретается или отчуждается древесина;

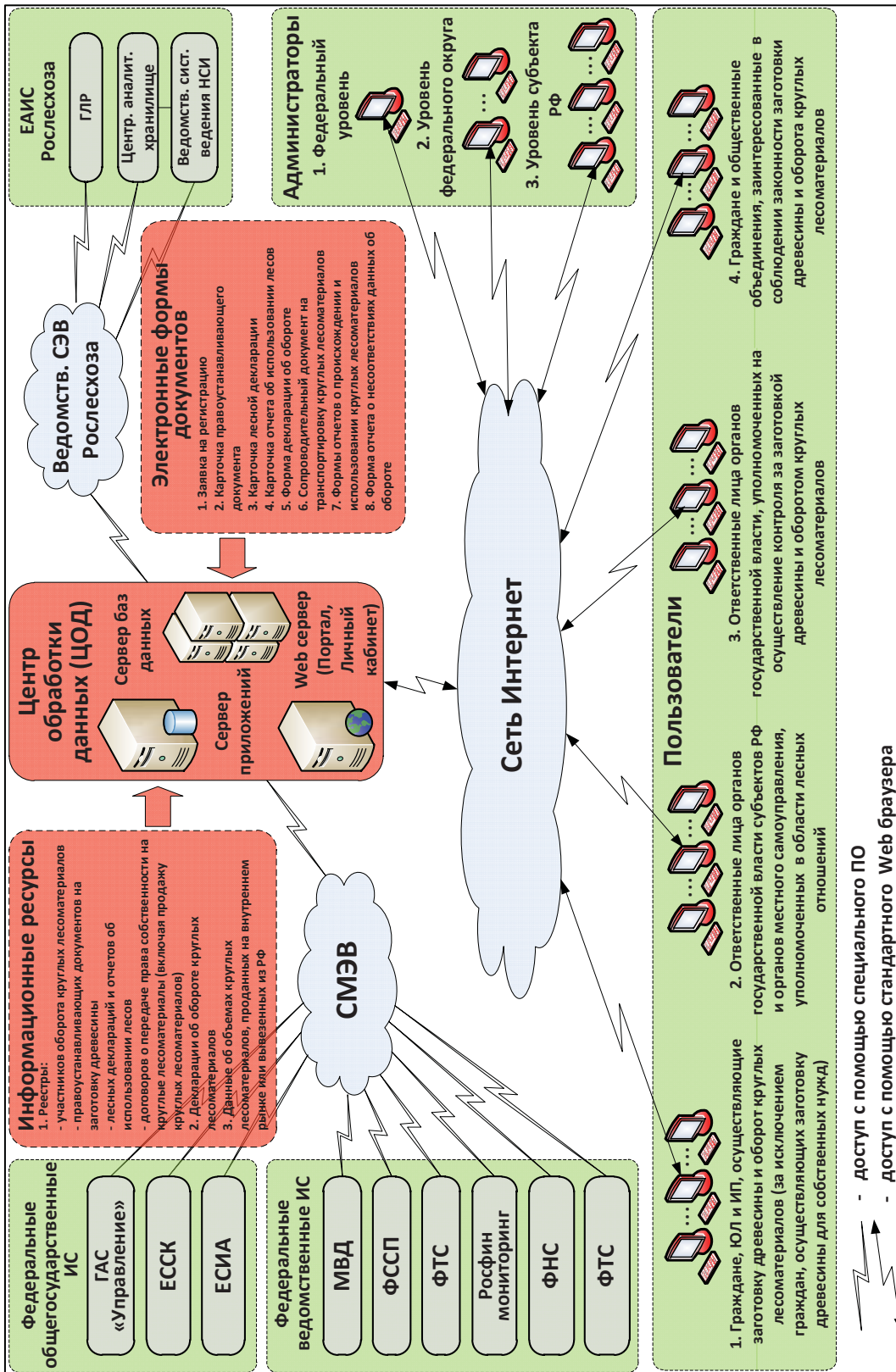
5) сведения о месте складирования древесины (при наличии).

С целью обеспечения учета древесины, информации о сделках с ней, а также осуществления анализа, обработки представленной информации и контроля за достоверностью такой информации создается федеральная информационная система «Единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней», о которой также указано в рассматриваемой редакции Лесного кодекса Российской Федерации (ст. 50.6).

Основу данной информационной системы составят данные об участниках оборота круглых лесоматериалов, о правах пользования лесными участками, договорах продажи (поставки) круглых лесоматериалов, объемах круглых лесоматериалов, проданных на внутреннем рынке или вывезенных из Российской Федерации. Состав информационных ресурсов и функциональная схема Единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней представлены на рис. 6.

Предполагается, что использование указанной информационной системы позволит отследить баланс поступления и продажи круглых лесоматериалов каждой породы у всех продавцов, что, в свою очередь, сможет оказать реальное и существенное противодействие нелегальным заготовкам древесины и осуществления сделок с ней.

Кроме указанных изменений, внесенных в Лесной кодекс, также включены изменения в положения Лесного кодекса Российской Федерации, регламентирующие ответственность за нарушение лесного законодательства, а также в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (табл. 2).

Источник: [24]

Рис. 6. Состав информационных ресурсов и функциональная схема Единой государственной автоматизированной информационной системы учета древесины и сделок с ней

Меры ответственности за незаконную рубку лесных насаждений, а также за нарушение требований лесного законодательства об учете древесины и сделок с ней, определенные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях

Номер статьи КоАП	Наименование статьи	Содержание	Мера наказания
8.28	Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан	Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан	Административный штраф: на граждан – от 3 000 до 3 500 руб.; на должностных лиц – от 20 до 30 тыс. руб.; на юридических лиц – от 50 до 100 тыс. руб.
		Те же действия, совершенные с применением механизмов, автотранспортных средств, самоходных машин и других видов техники, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния	Административный штраф (с конфискацией продукции незаконного природопользования, а также с конфискацией орудия совершения административного правонарушения либо без таковой): на граждан – от 3 500 до 4 500 руб.; на должностных лиц – от 30 до 40 тыс. руб.; на юридических лиц – от 100 до 150 тыс. руб.
8.28.1	Нарушение требований лесного законодательства об учете древесины и сделок с ней	Непредставление или несвоевременное представление декларации о сделках с древесиной, а также представление заведомо ложной информации в декларации о сделках с древесиной	Административный штраф: на должностных лиц – от 5 до 20 тыс. руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от 7 до 25 тыс. руб.; на юридических лиц – от 100 до 200 тыс. руб.
		Непредставление или несвоевременное представление должностными лицами уполномоченных органов государственной власти, органов местного самоуправления информации в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней, а также представление заведомо ложной информации в единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней	Административный штраф – от 5 до 20 тыс. руб.
		Нарушение порядка учета древесины	Административный штраф: на должностных лиц – от 25 до 35 тыс. руб.; на юридических лиц – от 200 до 400 тыс. руб.
		Нарушение требований лесного законодательства в части обязательной маркировки древесины	Административный штраф (с конфискацией древесины либо без таковой): на должностных лиц – от 30 до 40 тыс. руб.; на юридических лиц – от 300 до 500 тыс. руб.
		Транспортировка древесины без оформленного в установленном лесным законодательством порядке сопроводительного документа	Административный штраф (с конфискацией древесины и (или) транспортных средств, являющихся орудием совершения административного правонарушения, либо без таковой): на должностных лиц – от 30 до 50 тыс. руб.; на юридических лиц – от 500 до 700 тыс. руб.

Примечание: Постановлением Конституционного Суда РФ от 25.04.2011 № 6-П положения части 2 ст. 8.28 КоАП РФ признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти положения во взаимосвязи с частью 1 ст. 3.7 данного Кодекса допускают в качестве административного наказания конфискацию орудия совершения административного правонарушения, принадлежащего на праве собственности лицу, не привлеченному к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанному в законной процедуре виновным в его совершении. В соответствии с частью 3 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу (СПС «Консультант Плюс»)

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что закрепление на законодательном уровне обязанностей должностных и юридических лиц по ведению учета древесины, в том числе посредством регистрации сделок в Единой государственной автоматизированной информационной системе учета древесины и сделок с ней, представляет собой еще один крупный шаг в направлении создания условий по недопущению случаев браконьерской вырубке лесов. Разумеется, говорить о полной ликвидации теневых лесозаготовок в Российской Федерации в связи с внедрением указанной информационной системы не следует, так как необходимо время, чтобы отладить механизм работы как системы учета круглых лесоматериалов в целом, так и информационной системы, в частности.

Ряд экспертов указывают на существенные недостатки от внедрения этой системы. Так, А. Ярошенко полагает, что

контроль за оборотом древесины, установленный новым законом, практически возможен лишь на больших дорогах, в пунктах приема древесины крупными предприятиями или на пунктах пропуска через государственную границу. Кроме того, он считает, что введение деклараций о сделках с древесиной и специальных документов на ее перевозку приведет к появлению минимум 20 млн новых документов в год [25]. Подобные опасения, по нашему мнению, не безосновательны. Более того, на первом этапе трудности ведения учета могут привести к прекращению деятельности ряда мелких лесопользователей. Однако в ходе отработки системы и внесения необходимых коррекций эта система способна сделать оборот древесины на территории Российской Федерации достаточно прозрачным, создав тем самым весьма действенный механизм борьбы с незаконной заготовкой древесины.

Литература

References

1. Незаконные рубки и методы борьбы с ними в Российской Федерации / МПР РФ и Федеральное агентство лесного хозяйства. М., 2005. 25 с.

2. Оценка объемов древесины сомнительного происхождения и анализ практики внедрения систем отслеживания происхождения древесины в ряде многолесных регионов северо-запада, Сибири и Дальнего Востока России / Лесная программа WWF России. М., 2006. 56 с.

3. Колесникова А.В. Незаконная заготовка древесины как проблема развития лесопромышленного комплекса приграничного региона на примере Забайкальского края // Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34). С. 392-396.

4. Российско-китайская торговля лесом и нелегальная заготовка древесины в Сибири и на Дальнем Востоке. М., 2007. 56 с.

5. Глазырина И.П., Жадина Н.В. Сравнительный анализ бюджетной эффективности лесопользования в регионах России // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 3. Материалы XIV Всероссийского симпозиума. М.: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 54-57.

1. *Nezakonnnye rubki i metody borby s nimi v Rossiyskoy Federatsii* [Illegal logging and methods of dealing with them in the Russian Federation]: MNR and the Federal Forestry Agency. Moscow, 2005. 25 p.

2. *Otsenka obemov drevesiny somnitelnogo proishozhdeniya i analiz praktiki vnedreniya sistem ot-slezhivaniya proishozhdeniya drevesiny v ryade mnogo-lesnykh regionov severo-zapada, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossii* [Assessment of the volume of timber of dubious origin and analysis of practices implementing traceability systems in number of multiwood Northwest regions, Siberia and the Russian Far East]: Forest Programme of WWF Russia. Moscow, 2006. 56 p.

3. Kolesnikova A.V. *Problemy sovremennoy ekonomiki* (Problems of the modern economy), 2010, no. 2 (34). Pp. 392-396.

4. *Rossiysko-kitayskaya torgovlya lesom i nelegalnaya zagotovka drevesiny v Sibiri i na Dalnem Vostoke* [The Russian-Chinese trade in timber and illegal logging in Siberia and the Far East]. Moscow, 2007. 56 p.

5. Glazyrina I.P., Zhadina N.V. *Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatiy. Sektsiya 3. Materialy XIV Vserossiyskogo simpoziuma* (Strategic planning and the development of enterprises. Section 3. Proceedings of the XIV All-Russian Symposium). Moscow: CEMI, 2014. P. 54-57.

6. Эскин В.Н., Липин А.С. Регулирование лесного экспорта // ЭКО: Всероссийский экономический журнал, 2007. № 3. С. 72-91.

7. Незаконные рубки на Дальнем Востоке: мировой спрос на древесину и уничтожение Уссурийской тайги: обзор / А.Г. Кабанец, Б.Д. Милаковский, Е.А. Лепешкин, Д.В. Сычиков; под общ. ред. Д.Ю. Смирнова; Всемирный фонд дикой природы (WWF). М.: WWF России, 2013. 39 с.

8. Алексеев А., Чубинский М. Лесная сертификация и борьба с нелегальными лесозаготовками // Устойчивое лесопользование. 2014. № 2 (39).

9. Противдействие нелегальным заготовкам и обороту древесины // ЛесПромИнформ. 2012. Вып. № 2 (84).

10. Брезгин В.С., Колесникова А.В. Подход к оценке потерь ассимиляционного потенциала от незаконных рубок леса и общей пожарной эмиссии (на примере Забайкальского края) // Экономика природопользования. 2012. Вып. № 5. С. 283-96.

11. Колесникова А.В. Анализ эффективности экспортно-тарифной политики в лесном секторе России в среднесрочном периоде // Экономика природопользования. 2013. Вып. № 5. С. 106-118.

12. Колесникова А.В. Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // ЭКО. 2013. № 11. С. 5-25.

13. Глазырина И.П. Проблемы, перспективы и риски российско-китайского приграничного сотрудничества // Приграничье Азиатской России: подходы к анализу современных проблем. Новосибирск, НГУ, 2011. С. 52-66.

14. О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 14 // Финансовая Россия. 26.11.1998 – 02.12.1998. № 44.

15. Проблема нелегальных рубок [Электронный ресурс] // Всемирный фонд дикой природы [сайт]. URL: http://www.wwf.ru/about/what_we_do/forests/curbing-illegal-logging (дата обращения 2.08.2014).

16. Ефремов Д.Ф. Нелегальные рубки в системе заготовок древесины в лесах Российского Дальнего Востока [Электронный ресурс] // LesTest - Independent assessment of compliance [сайт]. URL: <http://www.lestest.net/ru/publications/illegal-cutting> (дата обращения 22.07.2014).

17. Краткий обзор незаконных рубок леса в России (формы и методы незаконных рубок) [Электронный ресурс] // Greenpeace International [сайт]. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/Global/>

6. Eskin V.N., Lipin A. *EKO: Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* (ECO: Russian Economic Journal), 2007, no. 3. P. 72-91.

7. *Nezakonnye rubki na Dalnem Vostoke: mirovoy spros na drevesinu i unichtozhenie Ussuriyskoy taigi: obzor* [Illegal logging in the Far East: global demand for timber and destruction of the Ussuriyskaya taiga: review]; A.G. Kabanets, B.D. Milakovskiy, E.A. Lepeshkin, D.V. Sichik; under the total. ed. D.Yu. Smirnova; World Wildlife Fund (WWF). Moscow: WWF Russia, 2013. 39 p.

8. Alekseev A., Chubinskiy M. *Ustoychivoe lesopolzovanie* (Sustainable forest management), 2014, no. 2 (39).

9. *Protivodeystvie nelegalnym zagotovkam i oborotu drevesiny* [Opposition to illegal logging and timber trade]; LesPromInform. 2012. Vol. no. 2 (84).

10. Brezgin V.S., Kolesnikova A.V. *Ekonomika prirodopolzovaniya* (Environmental Economics), 2012. Vol. no. 5. P. 283-96.

11. Kolesnikova A.V. *Ekonomika prirodopolzovaniya* (Environmental Economics), 2013. Vol. no. 5. pp. 106-118.

12. Kolesnikova A.V. *EKO* (ECO), 2013, no. 11. P. 5-25.

13. Glazyrina I.P. *Problemy, perspektivy i riski rossiysko-kitayskogo prigranichnogo sotrudnichestva* [Problems, prospects and risks of the Russian-Chinese border cooperation]: Borderland of Asian Russia: approaches to the analysis of contemporary issues. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2011. pp. 52-66.

14. *O praktike primeneniya sudami zakonodatelstva ob otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 5 noyabrya 1998 g. № 14* (On the practice of law courts on liability for environmental offenses: Resolution of the Plenum of the Supreme Court dated by November, 5 1998 number 14): Financial Russia. 26.11.1998 - 02.12.1998. No. 44.

15. *Problema nelegalnyh rubok* (The problem of illegal logging): World Wildlife Fund [website]. Available at: http://www.wwf.ru/about/what_we_do/forests/curbing-illegal-logging (accessed 02/08/2014).

16. Efremov D.F. *Nelegalnye rubki v sisteme zagotovok drevesiny v lesah Rossijskogo Dalnego Vostoka* (Illegal logging in the system of timber harvesting in the forests of the Russian Far East): LesTest – Independent assessment of compliance [website]. Available at: <http://www.lestest.net/ru/publications/illegal-cutting> (accessed 07/22/2014).

17. *Kratkiy obzor nezakonnyh rubok lesa v Rossii (formy i metody nezakonnyh rubok)* (Overview of illegal logging in Russia (forms and methods of illegal logging): Greenpeace International [website]. Avail-

russia/ report/2003/12/29149.html (дата обращения 2.08.2014).

18. Учет заготовленной древесины при разных формах использования лесов [Электронный ресурс] // Сайт Программы ENPI-FLEG I. URL: http://www.enpifleg.org/fileadmin/ufs/04.%20Program%20Information/4.02%20Program%20Components/4.02.05%20Public%20Awareness/UP_G1_3.pdf (дата обращения 2.08.2014).

19. Правила сортировки и учёта круглых лесоматериалов; пер. с англ. ООО «Лесэксперт».

20. Лесной закон. Раздел 6 «Учёт лесоматериалов». Канада. Британская Колумбия.

21. Инструкция по учёту лесоматериалов [англ. яз.]. Канада. Британская Колумбия.

22. Руководство по учёту лесоматериалов [англ. яз.]. Лесная служба Британской Колумбии, 2009. 498 с.

23. Предложения о разработке законов по учёту круглых лесоматериалов [Электронный ресурс] // Центр стандартизации и сертификации лесоматериалов ООО «ЛЕСЭКСПЕРТ» [сайт]. URL: <http://www.lesexpert.info/> (дата обращения 2.08.2014).

24. Коптев А.П. Единая государственная автоматизированная информационная система «Круглые лесоматериалы» [Электронный ресурс] // презентация. URL: <http://www.myshared.ru/slide/605719/> (дата обращения 27.07.2014).

25. По мнению экспертов, ЕГАИС учета древесины работать не будет [Электронный ресурс] // Российской лесной портал. URL: <http://lessovet.ru/top-novostej/663-po-mneniyu-ekspertov-egais-ucheta-drevesiny-rabotat-ne-budet.html> (дата обращения 28.07.2014).

available at: <http://www.greenpeace.org/russia/Global/russia/ report / 2003/12 / 29149.html> (accessed 08/02/2014).

18. *Uchet zagotovlennoy drevesiny pri raznyh formah ispolzovaniya lesov* (Accounting for harvested timber at different forms of forest use): program website ENPI-FLEG I. Available at: http://www.enpifleg.org/fileadmin/ufs/04.%20Program%20Information/4.02%20Program%20Components/4.02.05%20Public%20Awareness/UP_G1_3.pdf (accessed 08/02/2014).

19. *Pravila sortirovki i uchyota kruglyh lesomaterialov* [The rules for sorting and accounting of round wood]; Transl. from English. LLC «Lesexpert».

20. *Lesnoy zakon. Razdel 6 «Uchyot lesomaterialov»* [Forest Law. Section 6, «Accounting for timber»]. Canada. British Columbia.

21. *Instruktsiya po uchyotu lesomaterialov* [Instruction on accounting timber]; Eng. lang. Canada. British Columbia.

22. *Rukovodstvo po uchyotu lesomaterialov* [Guidance on accounting timber]; Eng. lang. The Forest Service of British Columbia, 2009. 498 p.

23. *Predlozheniya o razrabotke zakonov po uchyotu kruglyh lesomaterialov* (Proposals for the development of laws on accounting round wood): Center of Standardization and Certification Timber Ltd. «Lesexpert» [site]. Available at: <http://www.lesexpert.info/> (accessed 08/02/2014).

24. Koptev A.P. *Edinaya gosudarstvennaya avtomatizirovannaya informatsionnaya sistema «Kruglye lesomaterialy»* (Unified State Automated Information System «Round timber»): presentation. Available at: <http://www.myshared.ru/slide/605719/> (accessed 27/07/2014).

25. *Po mneniyu ekspertov, EG AIS ucheta drevesiny rabotat ne budet* (According to the experts, EG AIS timber accounting will not work): Russian Forest portal. Available at: <http://lessovet.ru/top-novostej/663-po-mneniyu-ekspertov-egais-ucheta-drevesiny-rabotat-ne-budet.html> (accessed 28/07/2014).

Коротко об авторе

Колесникова А.В., канд. экон. наук, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия starsya@mail.ru.

Научные интересы: экономика природопользования, региональная экономика, экономика отраслей промышленности

Briefly about the author

A. Kolesnikova, candidate of economic sciences, Transbaikal State University, Chita, Russia

Scientific interests: environmental economics, regional economics, economics of industry

УДК 338.516.46

Мальшев Евгений Анатольевич
Evgeny Malyshev

Томских Наталья Александровна
Nataliya Tomskih

ПОЭТАПНЫЙ ПЕРЕХОД К ДОЛГОСРОЧНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ТАРИФОВ В СФЕРЕ ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ

GRADUAL TRANSITION TO LONG-TERM REGULATION OF TARIFF IN THE HEATING SECTOR

Рассмотрены этапы перехода государственного регулирования цен в сфере электро- и теплоэнергетики от утверждения цен через прейскурант 09-01 «Тарифы на электрическую и тепловую энергию» до современных методов тарифного регулирования, а также этапы создания системы регулирующих органов на федеральном и местном уровнях. Даны основные понятия в области тарифообразования. Рассмотрены современные методы регулирования тарифов, случаи их применения и сроки действия утвержденных тарифов, установленных различными методами, а также сроки перехода на долгосрочное регулирование. Выявлены основные проблемы при переходе к долгосрочному регулированию, выраженные в незавершенности инвентаризации основных фондов жилищно-коммунального хозяйства, их недооценка и большая изношенность основных фондов. Представлена текущая и предполагаемая в 2015-2016 гг. структура применения методов тарифообразования Региональной службой по тарифам и ценообразованию Забайкальского края для теплоснабжающих предприятий в Забайкальском крае. Рассмотрены основные положительные стороны долгосрочного тарифообразования, такие как привлечение инвестиций, направленность на достижения целевых показателей деятельности. Проведен анализ мероприятий, осуществляемых в настоящее время для перехода к долгосрочному регулированию тарифов. В результате сделан вывод о необходимости и значении долгосрочного регулирования тарифов как для регулирующих организаций,

The transition stages of state regulation of prices in the sphere of electric and power system from the statement of prices through the price-list 09-01 "Tariffs for electric and thermal energy" to modern methods of tariff regulation, as well as the stages of regulators' system creation at the federal and local levels are considered. The basic concepts in the field of tariff setting are given. Modern methods of tariffs' regulation, cases of their application and periods of validity of the approved tariffs, established by various methods, and also terms of transition to long-term regulation are observed. The main problems upon transition to long-term regulation expressed in incompleteness of inventory of fixed assets of housing and communal services, their underestimation and big wear of fixed assets are revealed. The current and assumed in 2015-2016 structure of tariff setting methods' application by the Regional Tariff Service and pricings of Zabaikalsky Krai for the heat-supplying enterprises in Zabaikalsky Krai is presented. The main positive sides of long-term tariff setting such as attraction of investments, orientation to achievements of target indicators of activity are considered. The analysis of tariffs' actions which are carried out now for transition to long-term regulation is carried out. The authors have come to the conclusion about the need and value of long-term regulation of tariffs as for regulating organizations, resource supplying enterprises, and for consumers of municipal resources. Such a transition is extremely important for modernization and reforming of the current situation in the field of tariff setting. This modernization has not only to break current situation,

ресурсоснабжающих предприятий, так и для потребителей коммунальных ресурсов, так как переход чрезвычайно важен для модернизации и реформирования текущей ситуации в области тарифообразования. Данная модернизация должна не только переломить текущую ситуацию, привлечь инвестиции в тарифы, но и обеспечить потребителям коммунальных ресурсов достойные условия жизни

Ключевые слова: долгосрочные тарифы, тарифообразование, коммунальный ресурс, тепловая энергия, методы регулирования

attract investments into tariffs, but also to provide the consumers of municipal resources by worthy living conditions

Key words: long-term tariffs, tariff setting, communal resource, thermal energy, methods of regulation

Работа выполнена в рамках госзадания ЗабГУ 2020-2014/255 № 2598

Система тарифного регулирования претерпела большие изменения, связанные с реформированием энергетики и всей структуры жилищно-коммунального комплекса в целом, изменениями порядка регулирования тарифов.

В процессе совершенствования государственного регулирования цен в сфере электро- и теплоэнергетики можно выделить несколько главных этапов.

1 этап – до 1990 г.

Государственное регулирование цен в сфере электро- и теплоэнергетики осуществлялось через Прейскурант 09-01 «Тарифы на электрическую и тепловую энергию», утвержденный Государственным комитетом цен при Совете Министров СССР (далее – Госкомцен СССР). Тарифы утверждались дифференцированно по 101 региону СССР (в районе функционирования каждого производственного объединения электроэнергетики).

2 этап – 1991 г.

Действовало Временное положение о государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию, отпускаемую от электростанций и тепловых сетей Министерства энергетики и электрификации СССР, утвержденное 20 сентября 1990 г. Госкомцен СССР и Минэнерго СССР по согласованию с Государственным плановым комитетом Совета Министров СССР. В соответствии с дан-

ным положением право установления цен (тарифов) передавалось региональным энергетическим комиссиям (РЭК), образуемым в союзных и автономных республиках, краях и областях.

3 этап – основание системы регулирующих органов и окончательный отход от Прейскуранта.

Апрель 1992 г. – утверждено Положение о Федеральной энергетической комиссии РФ (ФЭК России) как межведомственным органе. Практически завершена работа по созданию региональных энергетических комиссий.

В декабре 1992 г. Минтопэнерго России по согласованию с ФЭК России и Госкомцен России утвердило «Положение о государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации на 1993 г.».

В 1992 г. были сформированы методические основы регулирования. Их действие продлевалось отдельными решениями Правительства РФ до 1996 г. За основу государственного регулирования тарифов на электро- и теплоэнергию взят принцип по достижению баланса экономических интересов между производителями и потребителями энергии.

В апреле 1995 г. статус федерального органа исполнительной власти был закреплен за ФЭК России в соответствии с принятым Федеральным законом «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации».

В ноябре 1995 г. Указом президента № 1194 установлено, что ФЭК «является федеральным органом исполнительной власти по регулированию естественных монополий» в сферах: транспортировка нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам; транспортировка газа по трубопроводам; услуги по передаче электрической и тепловой энергии.

Одним из важных этапов совершенствования государственного регулирования цен была административная реформа в 1999 г., суть которой заключалась в создании единого органа, устанавливающего и контролирующего применение тарифов как субъектами естественных монополий, так и производителями ряда социально значимых или имеющих государственное значение товаров и услуг.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» создана Федеральная служба по тарифам РФ (далее – ФСТ) в результате преобразования ФЭК России.

ФСТ России является федеральным органом исполнительной власти по регулированию естественных монополий, осуществляющим государственное регулирование цен (тарифов) в электроэнергетике, нефтегазовом комплексе, на железнодорожном и ином транспорте, на услуги в транспортных терминалах, портах, аэропортах, услуги общедоступной электрической и почтовой связи, а также на иные виды товаров (работ, услуг), подлежащих государственному регулированию в соответствии с законодательством Российской Федерации [9].

Тарифы на коммунальные ресурсы устанавливаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования цен (тарифов).

В Забайкальском крае таким органом является Региональная служба по тарифам и ценообразованию Забайкальского края (далее – РСТ Забайкальского края).

РСТ Забайкальского края является исполнительным органом государственной

власти Забайкальского края, осуществляющим функции по контролю и надзору, оказанию государственных услуг и управление в области государственного регулирования тарифов на электрическую и тепловую энергию, товары и услуги организаций коммунального комплекса, производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (в части лицензирования и контроля), ценообразования (тарифообразования); осуществляющим функции по принятию нормативных правовых актов в пределах установленных полномочий [3].

Необходимо различать понятия «тариф» и «размер платы».

Тариф – система ставок платы (платёж) за различные производственные и непроизводственные услуги, предоставляемые предприятиям, организациям, учреждениям и физическим лицам государственными и иными органами и организациями [8].

Тариф определяется отношением суммы всех затрат, относимых на себестоимость услуги, на отпуск потребленного ресурса.

Норматив – количественный показатель объема потребления коммунального ресурса (электрическая энергия, тепловая энергия, горячая вода, холодная вода, газ, сточные воды, отводимые по канализационным сетям инженерно-технического обеспечения), который применяют для расчета размера платы за коммунальную услугу при отсутствии приборов учета.

Плата за коммунальный ресурс определяется как произведение тарифа на норматив потребления (или объем по показаниям прибора учета).

Органами исполнительной власти в сфере теплоснабжения регулируются предельные максимальные и минимальные уровни тарифов, тарифы на тепловую энергию (в том числе в режиме комбинированной выработки с установленной мощностью 25 МВт и более, конечным потребителям, другим теплоснабжающим организациям), тарифы на теплоноситель, на горячее водоснабжение (горячая вода в открытых сис-

темах теплоснабжения), на услуги по передаче тепловой энергии и теплоносителя, а также плата за техническое присоединение к системе теплоснабжения и за услуги по поддержанию резервной тепловой мощности [2].

До 2012 г. тарифы устанавливались на один календарный год с 1 января по 31 декабря текущего года. Особенность тарифного регулирования с 2012 г. состоит в том, что начала действовать «календарная разбивка» тарифов. Главная цель данного подхода в региональной тарифной политике – максимально сблизить темпы роста коммунальных тарифов с уровнем инфляционных ожиданий.

Установление цен (тарифов) в сфере теплоснабжения осуществляется регулирующими организациями в соответствии с принципами регулирования, предусмотренными Федеральным законом «О теплоснабжении», постановлением Правительства «О ценообразовании в сфере теплоснабжения», Правилами регулирования цен (та-

рифов) и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации в сфере теплоснабжения. Тарифы рассчитываются согласно методическим указаниям по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения, применяемые при установлении тарифов на 2014 г. и последующие годы, утвержденные Приказом ФСТ.

В соответствии с указанными нормативно-правовыми актами при регулировании тарифов используются следующие методы:

- а) экономически обоснованных расходов (затрат) – «Затраты+»;
- б) обеспечения доходности инвестированного капитала;
- в) индексации установленных тарифов;
- г) сравнения аналогов [2].

Последние три метода (обеспечение доходности инвестированного капитала, индексация, а также сравнение аналогов) используют для долгосрочного регулирования.

Применение методов тарифообразования

Метод	Срок регулирования	Сфера применения
ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ		
Комбинированный метод (в основе лежат методы индексации и затраты+)	1 год	Большинство организаций
РАВ	5 лет (3 года)	Только пилотные проекты (передача тепловой энергии – в трех регионах: г. Орел, г. Владимир, г. Екатеринбург)
С 2016 г.		
ЗАТРАТЫ+	1 год	Только для впервые регулируемых или срок аренды имущества < 3 лет
ИНДЕКСАЦИЯ	5 лет (3 года при первом применении)	Применяется по умолчанию
РАВ (по согласованию с ФСТ России)	5 лет (3 года при первом применении)	Производство: Нуст > 10 Гкал/ч Передача: протяженность сетей в двухтрубном исчислении > 50 км Концессионное соглашение Не применяется для МУП и ГУП
СРАВНЕНИЯ АНАЛОГОВ	5 лет (3 года при первом применении)	Производство: Нуст < 10 Гкал/ч Передача: протяженность сетей в двухтрубном исчислении < 50 км

При полном переходе к долгосрочным тарифам метод экономически обоснованных расходов (затрат) будет применяться только в случаях, когда тарифы устанавливаются впервые для вновь созданных организаций и для организаций, осуществляемых регулируемые виды деятельности, но в отношении которых ранее не осуществлялось государственное регулирование тарифов, а также когда на момент подачи заявления у регулируемой организации отсутствуют договоры аренды объектов теплоснабжения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, заключенные с 1 января 2014 г., и оставшийся срок действия всех договоров

аренды, заключенных регулируемой организацией до 1 января 2014 г., составляет менее трех лет. Срок действия тарифов, установленных методом экономически обоснованных расходов (затрат), составляет не более одного финансового года [2].

Целевой моделью новой нормативной правовой базы является переход на долгосрочное регулирование, который должен произойти до 1 января 2016 г.

В настоящее время в Забайкальском крае при установлении тарифов для 73 % ресурсоснабжающих организаций (предприятий) применяется метод «Затраты+». Для остальных 27 % предприятий – метод «Индексации».

Текущая ситуация

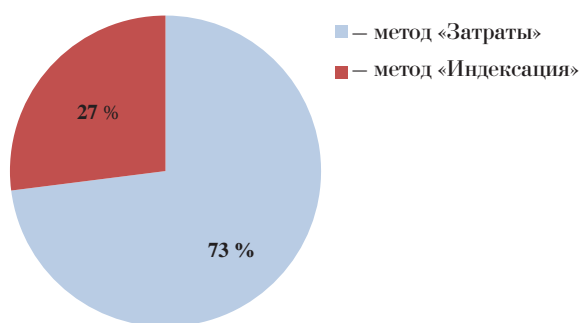

Рис. 1. Модель применяемых методов в настоящее время

Планируемая ситуация (2015-2016 гг.)

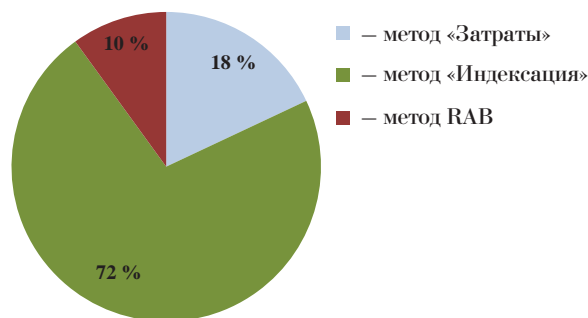

Рис. 2. Целевая модель – переход на долгосрочное регулирование 2016 г.

По прогнозам РСТ Забайкальского края, в 2015-2016 гг. для теплоснабжающих предприятий края предполагается следующая структура применения методов долгосрочного тарифного регулирования:

- метод «Обеспечения доходности инвестированного капитала» (RAB) – 10 % регулируемых организаций;
- метод «Затраты+» – 18 %;
- метод «Индексации» – 72 % теплоснабжающих предприятий [11].

При долгосрочном регулировании тарифов процесс тарифообразования станет более прозрачным. Станет очевиднее обоснованность нормы доходности на инвестированный капитал. Тарифообразование будет направлено на достижения целевых показателей деятельности.

Долгосрочные тарифы позволят проследить взаимосвязь тарифа и уровня надежности и качества услуг, откроется доступ к долгосрочным и более дешёвым заёмным источникам.

Упростится формирование долгосрочных инвестиционных программ, станет проще осуществлять строительство необходимых объектов коммунальной инфраструктуры, повысится инвестиционная привлекательность регулируемых ресурсоснабжаемых организаций.

Также станет проще обеспечивать стабильность экономического и бюджетного планирования для субъекта РФ.

Кроме того, долгосрочное регулирование позволит ресурсоснабжающим компаниям более детально оценивать затраты,

уровень ожидаемых рисков и доходов будет стимулировать предприятия к снижению издержек и стратегическому планированию своей деятельности, позволит осуществлять деятельность на основе прозрачной долгосрочной финансовой модели. Это позволит обеспечить устойчивое развитие сферы ЖКХ.

С 2016 г. долгосрочное тарифное регулирование станет для всех организаций коммунального комплекса обязательным. Однако существуют препятствия для перехода к долгосрочному тарифному регулированию.

Основная проблема — это незавершенность инвентаризации основных фондов ЖКХ и их большая недооценка. Без точного понимания действительной стоимости основных фондов невозможно оценить затраты на поддержание их работоспособности.

Еще одной проблемой является большая изношенность основных фондов жилищно-коммунального хозяйства. На сегодняшний день фактическая изношенность составляет около 70 %, замене подлежат более 10 % от общего объема основных фондов. Для поддержания нормальной работы предприятия инвестиционная составляющая долгосрочных тарифов должна обеспечивать ежегодную реконструкцию, замену и новые инфраструктуры ЖКХ в размере примерно 15 % от имеющихся основных фондов.

Для решения обозначенных проблем необходим четкий план перехода на долгосрочные тарифы. Кроме того, следует провести анализ экономической обоснованности действующих тарифов.

Для перехода к долгосрочному регулированию тарифов осуществляются следующие мероприятия:

- разрабатываются и утверждаются программы комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры муниципального образования;

- ведется систематический учет домашнего хозяйства (реестры жилого фонда);

- регулируемые организации на должном уровне ведут бухгалтерский и налоговый учет;

- своевременная подача тарифных заявлений регулятору с соблюдением полноты и достоверности документов;

- осуществляется переход на использование системы ЕИАС ФСТ России.

Кроме того, выполняется утверждение схем теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения в установленном порядке. За 2013 г. утверждено пять схем теплоснабжения в городах с численностью населением 500 тыс. человек и более (Новосибирск, Ярославль, Иркутск, Саратов, Нижний Новгород). По состоянию на 1 октября 2014 г. в аналогичных городах утверждено девять схем (Пермь, Екатеринбург, Набережные Челны, Ростов-на-Дону, Омск, Томск, Пенза, Тольятти, Киров). Возвращено на доработку 12 схем (Новокузнецк, Волгоград, Уфа, Воронеж, Самара, Липецк, Москва, Ульянов, Астрахань, Оренбург, Рязань, Кемерово). Планируются к поступлению девять схем теплоснабжения (Хабаровск, Ижевск, Казань, Тюмень, Махачкала, Краснодар, Барнаул, Челябинск и Красноярск). Минэнерго России в 2014 г. утвердило актуализацию схем теплоснабжения Новосибирска, Екатеринбурга, Саратова и Набережных Челнов. Схемы теплоснабжения городских и сельских поселений, городских округов с населением менее 500 тыс. чел. утверждаются органами местного самоуправления этих поселений и округов.

С 2014 г. и в Забайкальском крае ведется активная работа для перехода к долгосрочному регулированию тарифов, утверждаются схемы теплоснабжения. Переход чрезвычайно важен для модернизации и реформирования текущей ситуации в области тарифообразования. Данная модернизация должна не только переломить текущую ситуацию, привлечь инвестиции в тарифы, но и обеспечить потребителям коммунальных ресурсов достойные условия жизни.

Литература

References

1. О теплоснабжении: Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 190-ФЗ (с изм. и доп., вступающими в силу с 14.10.2014). [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Гарант.
2. О ценообразовании в сфере теплоснабжения: Постановление Правительства РФ от 22.10.2012 г. № 1075 с изм. и доп., вступающими в силу с 02.10.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Гарант.
3. Об утверждении Положения о Региональной службе по тарифам и ценообразованию Забайкальского края: Постановление Правительства Забайкальского края // Официальный сайт РСТ Забайкальского края. 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://рст.зabayкальскийкрай.рф/u/proekt_postanovleniya_rst_polojenie.pdf (дата обращения 15.10.2014).
4. Захарова Н.А., Пузакова Б.К., Рожканова О.В. Жилищно-коммунальные услуги: за что мы платим? Ростов-н/Д.: Изд-во Феникс, 2013. 204 с.
5. Мальшев Е.А., Афанасьева А.В. Энергетическая отрасль как основа развития Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. № 1(80). Чита: ЗабГУ, 2012. С.127-131.
6. Мальшев Е.А., Киреева Н.В. Анализ содержания элементов системы калькулирования себестоимости продукции работ, услуг // Вестник Забайкальского государственного университета. № 8(75). Чита: ЗабГУ, 2011. С. 3-8.
7. Сорокин М.А. Тарифообразование как метод ценового регулирования // Проблемы учета и финансов: ежеквартальный науч.-практ журнал. № 4 (8). Томск, 2012. С. 56-59
8. Выдержка из книги Толкушкин А.В. Налоги и налогообложение. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://www.ngpedia.ru/cgi-bin/getpage.exe?cn=458&uid=0.550482850521803&inte=7> (дата обращения 10.10.2014).
9. История создания федерального регулирующего органа в России // Официальный сайт Федеральной службы по тарифам. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.fstrf.ru/about/activity/17> (дата обращения 20.10.2014).
10. Проблемы перехода отрасли ЖКХ к долгосрочному тарифному регулированию // Услуги в сфере ЖКХ №7, 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mcfr.ru/journals/13/23994/49256/49271> (дата обращения 18.10.2014).
11. Совершенствование механизмов тарифного регулирования: перспектива введения долгосрочных тарифов как инструмента, направленного на развитие отрасли ЖКХ: презентация к докладу
1. *O teplosnabzhenii: Federalny zakon RF ot 27.07.2010 №190-FZ* (On heat supply: Federal law of the Russian Federation of 27.07.2010 No. 190-FL). Available at the legal reference system Garant.
2. *O tsenoobrazovanii v sfere teplosnabzheniya: Postanovlenie Pravitelstva RF ot 22.10.2012 g. №1075* (On pricing in the sphere of heat supply: The resolution of the Government of the Russian Federation of 22.10.2012 No. 1075) Available at the legal reference system Garant.
3. *On approval of the Regional Tariff Service and pricing in Zabaikalsky Region* (Variation (statistics)). Resolution of the Government of Zabaikalsky Kray. Regional Tariff Service Pricing Zabaikalsky Region. 2014 Available at: http://рст.зabayкальскийкрай.рф/u/proekt_postanovleniya_rst_polojenie.pdf (accessed 15 October 2014).
4. Zakharova N.A., Puzakova B.K., Rozhkanova O.V. *Zhilishhno-kommunalnye uslugi: za chto my platim?* [Housing and communal services: what we pay for?]. Rostov-on-Don: Feniks, 2013. 204 p.
5. Malyshev E.A., Afanasyeva A.V. *Vestn. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), no. 1 (80). Chita: ZabGU, 2012. P. 127-131.
6. Malyshev E.A., Kireeva N.V. *Vestn. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), no. 8 (75). Chita: ZabGU, 2011. P. 3-8.
7. Sorokin M.A. *Problemy ucheta i finansov: ezhekvaralny nauch.-prakt zhurnal* (Problems of accounting and finance: quarterly scientific-practical magazine), no. 4 (8). Tomsk, 2012. pp. 56-59.
8. *Vyderzhka iz knigi Tolkushkin A.V. Nalogi i nalogooblozhenie. Entsiklopedicheskiy slovar* (Excerpt from the book by Tolkushkin A.V. Taxes and taxation. Encyclopedic dictionary) Available at <http://www.ngpedia.ru/cgi-bin/getpage.exe?cn=458&uid=0.550482850521803&inte=7> (accessed 10 October 2014).
9. *Istoriya sozdaniya federalnogo reguliruyushhego organa v Rossii* (The history of federal regulatory authority in Russia) Available at: <http://www.fstrf.ru/about/activity/17> (accessed 20 October 2014).
10. *Problemy perehoda otrasli ZhKH k dolgosrochnomu tarifnomu regulirovaniyu* (Problems of transition of housing and utilities sector to long-term tariff regulation) (Services in the sphere of housing-municipal services) Available at: <http://www.mcfr.ru/journals/13/23994/49256/49271> (accessed 18 October 2014).
11. *Sovershenstvovanie mehanizmov tarifnogo regulirovaniya: perspektiva vvedeniya dolgosrochnyh tarifov kak instrumenta, napravlenno na razvitiye otrasli ZhKH: prezentatsiya k dokladu rukovoditelya*

руководителя РСТ Забайкальского края В.И. Паздникова, 2013. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.myshared.ru/slide/760789/> (дата обращения: 30.09.2014).

12. Экспресс-анализ схем теплоснабжения: энергоэффективный город, некоммерческое партнерство по содействию внедрению энергоэффективных технологий [Электронный ресурс]. URL: http://eg.energsovet.ru/ekspres_analiz.html (дата обращения: 11.10.2014).

RST Zabaikalskogo kraja V.I. Pazdnikova (Improvement of mechanisms of tariff regulation: prospect of long-term tariffs' introduction as a tool aimed at the development of housing and communal services branch: presentation to the report of the head of RST of Zabaikalsky Krai V.I. Pazdnikov, 2013.) Available at: <http://www.myshared.ru/slide/760789> (accessed 30 September 2014).

12. *Ekspres-analiz shem teplosnabzheniya: energoeffektivnyy gorod, nekommercheskoe partnerstvo po sodeystviyu vnedreniyu energoeffektivnykh tehnologiy* (Express analysis of heat supply schemes: power effective city, non-profit partnership on assistance to introduction of power effective technologies) Available at: http://eg.energsovet.ru/ekspres_analiz.html (accessed 11 October 2014).

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Мальшев Е.А., д-р экон. наук, доцент, зав. каф. «Экономика и управление на энергетических предприятиях», Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ
eamalyshev@mail.ru

E. Malyshev, doctor of economic sciences, associate professor, head of Economy and Management at the Power Enterprises department, Transbaikal State University

Научные интересы: энергетика, менеджмент, бизнес-планирование, маркетинг, финансовый менеджмент, экономика

Scientific interests: power engineering, management, business-planning, marketing, financial management, economics

Томских Н.А., аспирант, каф. «Экономика и управление на энергетических предприятиях», Забайкальский государственный университет, г. Чита, РФ
tomskih@list.ru

I. Tomskih, postgraduate, Economy and Management at the Power Enterprises department, Transbaikal State University

Научные интересы: региональная экономика, экономика энергетики, тарифообразование

Scientific interests: regional economics, energy economics, tariff setting

УДК 314.8

*Черешнев Валерий
Александрович
Valery Chereshnev*

*Быстрай Геннадий
Павлович
Gennady Bystray*

*Васильева Александра
Владимировна
Aleksandra Vasileva*

*Лыков Иван
Александрович
Ivan Lykov*

*Шилкова Евгения
Владимировна
Evgeniya Shilkova*

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ

ASSESSMENT OF EXTERNAL IMPACT RESULTS ON THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF POST-PERESTROIKA RUSSIA

Рассмотрены современные проблемы демографического развития России и причины их формирования. Выделены две основные гипотезы, объясняющие положительную динамику процессов воспроизводства населения в 2000-е гг.: 1) само развитие демографической системы в рамках второго демографического перехода; 2) высокая эффективность мер государственного регулирования.

Contemporary problems of Russian demographic development and their origins are under the authors attention. Two main hypotheses explaining positive dynamics of reproduction population in the 2000s: 1) self-development of demographic system within second demographic transition; 2) high efficiency of state regulation. Basing on the carried-out analysis we conclude that dynamics of birth and mortality rates observed

На основе проведенного анализа сделан вывод, что наблюдаемая в постперестроечный период динамика рождаемости и смертности в большинстве случаев была обусловлена внешним воздействием на демографическую систему России. Численную оценку такого воздействия предложено осуществлять на основе использования модернизированного метода Хёрста, применяя который к данным за дореформенный период были построены прогнозные траектории показателей рождаемости и смертности населения, отражающие развитие процессов воспроизводства населения России в постперестроечный период при условии отсутствия внешнего воздействия на демографическую систему.

Сравнение фактической и прогнозной динамики процессов воспроизводства населения за постперестроечный период позволило сделать вывод, что при отсутствии негативного воздействия социально-экономических преобразований 1990-х гг. на демографическую систему России наступление «русского креста» было бы отложено лишь до 1994 г. При этом период адаптации к негативному внешнему воздействию от смертности значительно дольше, чем от рождаемости. Активизация демографической политики России после 2006 г. положительно повлияла как на рождаемость, так и на смертность, но «человеческие потери» от социально-экономических шоков 1990-х гг. не удалось компенсировать до сих пор

during the post-Perestroika period was mainly caused by external impact on demographic system of Russia. It is offered to carry out a numerical assessment of such influence with the help of modernized Hurst method. Applying it to the pre-reform period data the expected trajectories of birth and mortality rates reflecting development of reproduction processes in Russia during the post-Perestroika period on condition of lack of external impact on demographic system were constructed. Comparing the actual dynamics with expected dynamics of population reproduction for the post-Perestroika period, we conclude that if the negative impact of social and economic transformations of the 1990s on demographic system of Russia had not taken place, «the Russian cross» would have been postponed only until 1994. Thus the adaptation period to negative external impact at mortality is much longer, than at birth rate. Also we conclude that activation of population policy in Russia after 2006 has had a positive effect on both birth and mortality rates, but «human losses» from social and economic shocks of 1990s have not been compensated yet

Ключевые слова: воспроизводство населения, демографическая система, модернизированный метод Хёрста, прогноз, социально-экономические преобразования, государственное управление

Key words: reproduction of population, demographic system, modernized Hurst method, forecast, socio-economic transformations, state regulation

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда № 12-02-00000 а «Модельный комплекс диагностики и оптимизации социально-демографического развития региона: социально-экономические и медико-демографические приоритеты»

Современные российские тенденции процессов воспроизводства населения начали формироваться после 1965 г. (рис. 1), когда рождаемость впервые опустилась ниже уровня простого воспроизводства населения, что свидетельствовало о начале второго демографического перехода [8; С. 41]. Изменения в смертности и миграции — двух других переменных, которые формируют численность населения, имеют от-

носительно небольшое значение во время второго перехода.

В 90-е гг. для России стали характерны высокие и непрерывно возрастающие показатели смертности, существенно опережающие коэффициенты рождаемости [19; С. 219]. В результате данных демографических тенденций в 1992 г. произошла смена естественного прироста убылью населения. Сочетание низкой рождаемости и высокой

смертности в постперестроечной России является уникальным явлением, не имеющим аналогов в современном мире. В качестве решающего фактора, спровоцировавшего

демографический кризис, многие российские ученые выделяют спонтанный ход проведения социально-экономических преобразований 1990-х гг.

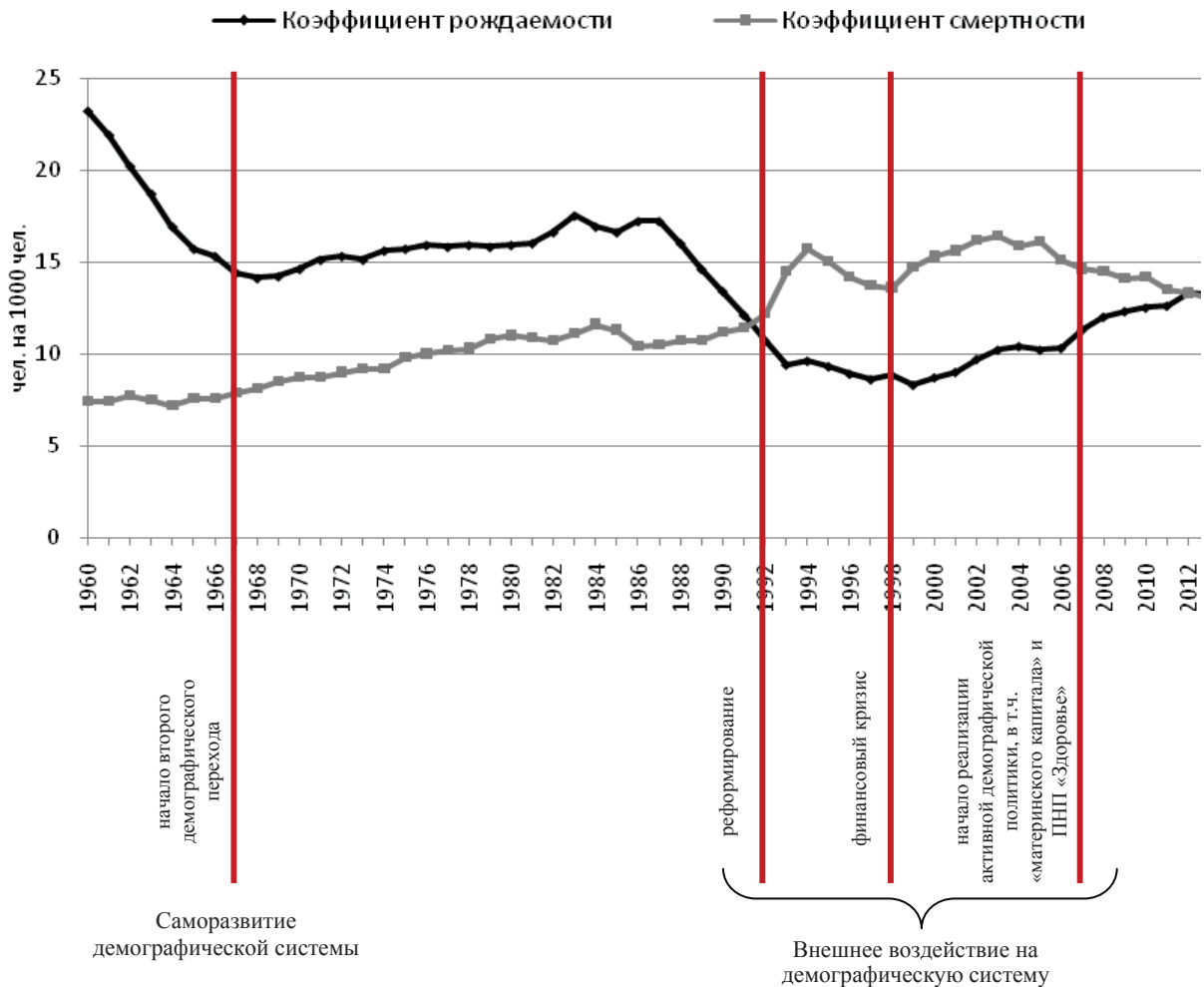

Рис. 1. Анализ динамики общих коэффициентов рождаемости и смертности в России за 1960-2013 гг.

По мнению Н. Римашевской, реформы нанесли ущерб демографическому развитию посредством существенного снижения качества условий и уровня жизни, социальных напряжений и нестабильности, непреодолимых трудностей адаптации перехода к рынку [15]. Совокупность патологических процессов, которые в ходе реформ вызвали развитие сверхвысокой и сверххранной смертности лиц трудоспособного возраста, ухудшение состояния здоровья и отрица-

тельный естественный прирост населения, Б. Величковским обозначена как социальный стресс [9]. Неспособность адаптироваться к новым условиям вызвала у многих состояние неуверенности в завтрашнем дне, непонимание стратегии правильного поведения в новых обстоятельствах. А. Шафиркин в своих исследованиях [22] также указывает, что социальный стресс, обусловленный резким снижением качества жизни в большинстве семей, является

первопричиной резкого нарастания смертности населения России, снижения рождаемости и развития острого демографического кризиса. Репродуктивный кризис в России С. Глазьев, С. Кара-Мурза, С. Батчиков [10] также объясняют спецификой осуществляемых реформ: «социально-экономический коллапс блокировал для значительной части россиян их стремление к воспроизводству».

Из финансового кризиса августа 1998 г. работодатели снова вышли за счет глубокого обнищания населения, предельно обострившего социальный стресс. Закономерно, что именно после дефолта убыль численности населения России стала составлять почти миллион человек в год [9; С. 144].

Обратное пересечение кривых рождаемости и смертности зафиксировано в 2012 г., сложившееся благодаря росту рождаемости с начала 2000-х гг. и снижению смертности с середины 2000-х гг. Можно выделить две основные гипотезы, объясняющие положительную динамику процессов воспроизводства населения в 2000-е гг.:

1) реализация отложенных рождений и улучшение здоровья населения в результате преодоления социального стресса, спровоцированного экономическим реформированием России в 1990-е гг., в совокупности с благоприятным наложением демографических волн;

2) высокая эффективность принятых Правительством РФ мер по преодолению демографического кризиса, центральное место среди которых заняли выплата «материнского капитала» [23] и реализация национального проекта «Здоровье» [24].

Проведенный анализ дает основания полагать, что наблюдаемая в постперестроечный период динамика рождаемости и смертности в большинстве случаев была обусловлена внешним воздействием на демографическую систему России (рис. 1). Однако при большом количестве исследований причин демографического кризиса России отсутствуют работы, посвященные численной оценке результатов внешнего

воздействия на демографическую ситуацию в России. Представленное в статье исследование направлено на восполнение данного научного пробела.

Оценку результатов внешнего воздействия на демографическую ситуацию в постперестроечной России предлагается осуществлять на основе модернизированного метода Хёрста [2, 3]. Применение данного метода позволяет достаточно точно производить построение временного ряда исследуемого показателя воспроизводства населения на период времени в будущем, в течение которого фрактальные свойства демографической системы остаются неизменными.

В качестве фрактальных свойств демографической системы мы выделяем репродуктивные установки и психоэмоциональное состояние населения [1; С. 66], существенное изменение которых в результате стихийного реформирования России привело к демографическому кризису. Следовательно, построение прогноза показателей рождаемости и смертности населения с помощью модернизированного метода Хёрста по временному ряду за дореформенный период позволит смоделировать развитие процессов воспроизводства населения России в постперестроечный период при условии отсутствия внешнего воздействия на демографическую систему и, следовательно, изменения психоэмоционального состояния населения и его репродуктивных установок. Сравнение полученного прогноза с фактическими данными позволит оценить результаты внешнего воздействия на демографическое развитие России в постперестроечный период.

Модернизированный метод Хёрста. В соответствии с методом Хёрста в классической теории для имеющегося временного ряда $\xi(t)$ вычисляется среднее значение $\langle \xi(t) \rangle$ на интервале времени τ , имеющем ту же размерность, что и время t :

$$\langle \xi(t) \rangle_{\tau} = \frac{1}{\tau} \cdot \sum_{t=1}^{\tau} \xi(t). \quad (1)$$

Затем рассчитывается зависимость накопленного отклонения $X(t, \tau)$ на интер-

вале времени τ , по которому вычисляется функция абсолютного размаха R :

$$X(t, \tau) = \sum_{u=1}^t \{ \xi(u) - \langle \xi(t) \rangle_\tau \}, \quad R(\tau) = \max_{1 \leq t \leq \tau} X(t, \tau) - \min_{1 \leq t \leq \tau} X(t, \tau). \quad (2)$$

Размах зависит от длины интервала τ и может расти с её увеличением. Далее вычисляется зависимость безразмерной функции R/S от длины временного интервала τ делением R на стандартное отклонение S ряда $\xi(t)$:

$$S(\tau) = \sqrt{\frac{1}{\tau} \cdot \sum_{t=1}^{\tau} \{ \xi(t) - \langle \xi(t) \rangle_\tau \}^2}. \quad (3)$$

По результатам исследования многих природных процессов Хёрстом установлена эмпирическая связь между нормированным размахом R/S и длиной интервала τ через показатель H [7]:

$$R/S \sim (\tau/2)^H, \quad H = \frac{\ln(R(\tau)/S(\tau))}{\ln \tau - \ln 2}. \quad (4)$$

Впоследствии самим Хёрстом было показано, что H может принимать значения от 0 до 1.

При анализе показателей воспроизводства населения, характерных для определённой демографической системы, значение показателя H может быть трактовано следующим образом. В случае отсутствия долговременной статистической зависимости (случайное поведение показателя воспроизводства населения) данное отношение должно асимптотически стремиться к $\tau^{1/2}$ ($H=0,5$) при стремлении длины выборки к бесконечности, что на примере броуновского движения доказано ещё Б. Мандельбротом. Значения же $H>0,5$ характеризуют сохранение тенденций к росту или убыванию показателя, как в прошлом, так и в будущем (персистентное поведение – сохранение тенденции) [18]. $H<0,5$ означает склонность демографической системы к постоянной смене тенденции: рост сменяется убыванием и наоборот.

Некорректность анализа временных рядов показателей воспроизводства населения методом Хёрста в классической теории заключается в предположении наличия одинаковых фрактальных структур анализируемых рядов на всех временных масш-

табах, т.е. предполагается неизменность свойств демографической системы, определяющих ее саморазвитие.

В работах [2, 3] показано, что если сделать предположение о зависимости показателя H в выражении (4) от временного масштаба τ и определить функцию $H(\tau)$ из производной функции R/S по τ , то для удобства численного дифференцирования функции R/S в виде временного ряда выражение для нахождения зависимости $H(\tau)$ примет следующий вид:

$$H^*(\tau_k) = \frac{\ln(R(\tau_{k+1})/S(\tau_{k+1})) - \ln(R(\tau_k)/S(\tau_k)) - \ln(A)}{\ln(\tau_{k+1}) - \ln(\tau_k)}. \quad (5)$$

По поведению характеристической функции можно классифицировать временные ряды как статистически фрактальные, случайные, периодические. Можно выделить ещё один тип с глобальной персистентностью, который характерен для функций роста или убывания. По поведению этой функции в случае анализа существенно нелинейной системы с хаотическим поведением можно установить характерное время выхода на случайный процесс.

Время достоверного прогноза. Время τ , при котором зависимость показателя Хёрста $H(\tau)$ выходит в область значений, близкую к 0,5, принято называть временем выхода на случайный процесс, которое, как показано в [4], близко ко времени забывания начальных условий t_r , на котором теряется корреляция (взаимосвязь) будущих значений с прошлыми, происходит смена фрактальной структуры, а точное предсказание поведения системы на интервалах времени, больших t_r , становится невозможным. Достоверное прогнозирование на интервалы времени, превышающие t_r , невозможно, поэтому t_r можно назвать временем достоверного прогноза.

Считая фрактальные свойства демографической системы неизменными, возможно построение временного ряда исследуемого показателя воспроизводства населения на некоторый временной интервал в будущем. Функция R/S и показатель Хёрста в этом случае считаются постоянными для системы с неизменными фракталь-

ными свойствами и не зависящими от длины исследуемого временного ряда. Поэтому построение временного ряда на некоторый интервал в будущем выполняется таким образом, чтобы оно не меняло функцию Хёрста для исследуемого ряда. Подробнее это описано в работах [2, 3].

Однако при использовании для прогнозирования временных рядов показателей воспроизводства населения за достаточно длительный промежуток времени нельзя быть уверенным, что за это время не произошло никаких изменений управляющих социально-экономических параметров нелинейной демографической системы, следовательно, и её фрактальных свойств. При этом управляющее воздействие на демографическую систему может быть как случайным, непредвиденным и плохо поддающимся регулированию, так и целевым. При рассмотрении России в качестве случайного управляющего воздействия на демографическую систему можно выделить «шоковую стратегию» ускоренной приватизации в январе 1992 г. и дефолт в августе 1998 г., в качестве целевого управляющего воздействия – выплату «материнского капитала» и реализацию национального проекта «Здоровье». Таким образом, несмотря на автоматический учёт при построении прогноза времени забывания начальных условий, возникает необходимость проведения оценки достоверности прогнозирования показателей воспроизводства населения России.

При изменении параметров даже четко детерминированных систем с течением времени неизбежно происходит и изменение времени забывания начальных условий. Несмотря на то, что функция R/S рассчитывается для прогнозирования по последним точкам, ближайшим к прогнозируемой, с увеличением временного интервала τ происходит охват всё большей предыстории, и вклад в значение функции R/S постепенно начинают вносить не только последние, но и довольно «давние» по предыстории значения временного ряда. За большой интервал времени τ , таким образом, неизбежно находится некоторая усреднённая функция R/S и соответственно

показатель Хёрста, слабо отражающий изменение времени забывания начальных условий со временем. Поэтому наличие такого усреднения негативно влияет на точность (следовательно, на общую достоверность) прогнозирования. Так как изменение параметров демографических систем с течением времени неизбежно, необходимо оценивать степень такого изменения для коррекции метода прогнозирования с целью повышения его достоверности даже на временных интервалах, не превышающих времени забывания начальных условий.

Такая коррекция возможна, если знать, на каком участке исходного для прогнозирования временного ряда изменение параметров не превысило некоторую допустимую для данной конкретной ситуации построения прогноза норму. Оценить это изменение можно по ширине «коридора» изменения функции R/S , построенной по скорости изменения исследуемого показателя.

Оценку «коридора» изменения функции R/S предлагается проводить следующим образом. Изначально вычисляется весь спектр значений $R(\tau)/S(\tau)$ по всему временному ряду при условии, что $\tau < t_0$, где t_0 – длина временного ряда. Для дискретного набора N выборок, которым является временной ряд, это возможно, если определить $\tau' = \tau/h$, $t' = t/h$, где $h = t_0/N$ – временной шаг. В этом случае дискретная функция накопленного отклонения $X_{t',\tau',i}$ и функция размаха $R_{t',\tau',i}$ могут быть представлены в виде:

$$X_{t',\tau',i} = \sum_{u=i}^{i+t'} \{ \xi_u - \langle \xi_t \rangle_{\tau'} \}, \quad R_{\tau',i} = \max_{1 \leq t' \leq \tau'} X_{t',\tau',i} - \min_{1 \leq t' \leq \tau'} X_{t',\tau',i}. \quad (6)$$

Тогда максимальным и минимальным значением R/S , или верхней и нижней границей коридора можно называть величины:

$$RS_{\max}(\tau') = \max_{1 \leq i \leq N-\tau'} \frac{R_{\tau',i}}{S_{\tau',i}}, \quad RS_{\min}(\tau') = \min_{1 \leq i \leq N-\tau'} \frac{R_{\tau',i}}{S_{\tau',i}}. \quad (7)$$

Если среднее значение функции R/S близко к обеим границам коридора, по сравнению с её текущим значением, то, следовательно, влияющие параметры системы за анализируемый промежуток времени меня-

лись незначительно. Если среднее значение функции R/S остаётся близким к верхней границе, при этом нижняя испытывает резкий «скачок» в сторону уменьшения — это означает изменение времени забывания начальных условий. Например, на рис. 2, а, б показано, как при изменении времени забывания начальных условий происходит резкий «отрыв» нижней границы функции R/S от её усреднённого значения (выделена овалом область перегиба нижней границы, обозначенной штрихпунктирной линией).

Результаты численных расчетов.
 На рис. 2, а, в представлен R/S анализ для общего коэффициента рождаемости с построением «коридора» функции $R/S(\tau)$ (рис. 2, а) и функции $H(\tau)$. Анализ проводился по первой производной исследуемой

функции коэффициента рождаемости. Хорошо виден не только резкий отрыв нижней границы функции $R/S(\tau)$, приводящий к переходу H_{min} в область отрицательных значений, что указывает на меняющееся значение времени забывания начальных условий, с минимальным его значением, равным 3 годам, но также и отрыв верхней границы, что, безусловно, указывает на наличие периодических изменений параметров демографической системы России «извне». При этом максимальное значение времени забывания начальных условий для процесса рождаемости не выявляется (на рис. 2в пересечение с 0,5 при $H \approx 35$ лет связано со скудной статистикой H на больших интервалах).

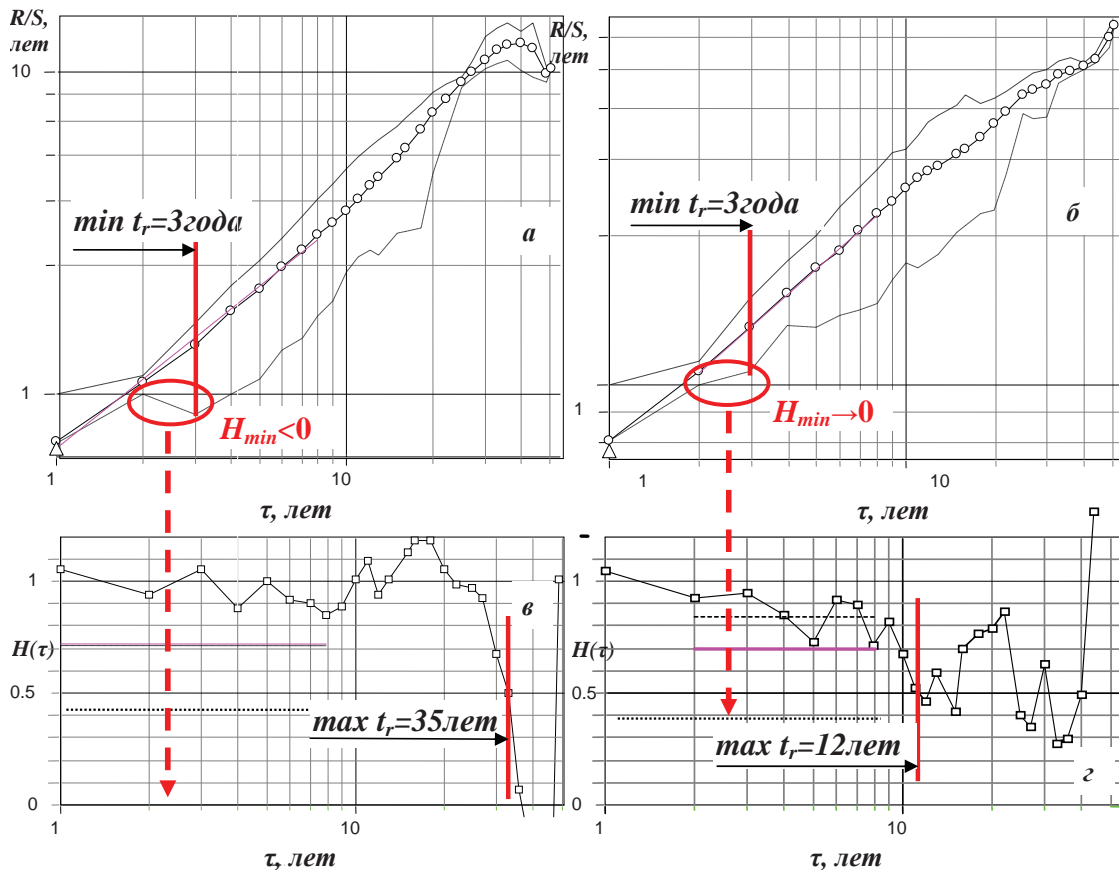

Рис. 2. Изменение функции нормированного размаха и соответствующая её зависимость показателя Хёрста от временного интервала для общего коэффициента рождаемости (а, в) и для общего коэффициента смертности (б, г) за 1960-2013 гг. соответственно

Примечание. Пунктирной и штрихпунктирной линиями на а, б) выделен коридор изменения функции R/S , светлой сплошной линией показано усреднение показателя Хёрста. Пунктирной и штрихпунктирной линией на в, г) обозначены усреднённые значения H для верхней и нижней границы функции R/S

На рис. 2,б овальная область выделяет перегиб R/S_{\min} , наличие которого приводит к отрыву нижней границы $H_{\min} \rightarrow 0$ (обозначена пунктирной стрелкой на рис. 2,г). Таким образом, минимальное значение времени забывания начальных условий для процесса смертности с учетом периодических изменений параметров демографической системы России «извне» также составляет 3 года. Зависимость показателя Хёрста $H(\tau)$ для общего коэффициента смертности выходит в область значений, близкую к 0,5 (область случайных значений), при τ равном 12 лет (рис. 2 г). Таким образом, для общего коэффициента смертности, в отличие от общего коэффициента рождаемости, максимальное время достоверного прогноза выявляется и составляет 12 лет. На временных интервалах более 12 лет взаимосвязь будущих значений общего коэффициента смертности с прошлыми теряется.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что достаточно точно спрогнозировать воспроизводство населения России при учёте постоянного изменения управляющих социально-экономических параметров можно только на 3 года вперед.

В то же время в рамках нашего исследования мы ставим задачу смоделировать развитие процессов воспроизводства населения в постперестроечный период *при условии отсутствия внешнего воздействия* на демографическую систему России, что позволяет увеличить интервал моделирования до максимальных значений времени забывания начальных условий: 12 лет для смертности и 35 лет для рождаемости.

Необходимо отметить, что максимальные значения времени забывания начальных условий соответствуют интервалу времени в будущем, через который наиболее вероятно произойдет изменение фрактальных свойств демографической системы в результате ее саморазвития. Зная, что в течение постперестроечного периода де-

мографическая система России находилась в стадии своего саморазвития, именуемой как «второй демографический переход», можно сделать вывод, что *развитие процессов воспроизводства населения России при условии отсутствия внешнего воздействия можно достаточно точно смоделировать на весь постперестроечный период (1990-2013)*.

Прогноз скорости изменения показателей воспроизводства населения, где каждая последующая точка определялась по функции минимаксной оценки стандартного отклонения функции R/S , что позволило минимизировать отклонение функции Хёрста для исследуемого ряда от функции Хёрста для ряда с достроенной прогнозной точкой, представлен на рис. 3, 4.

Все вычисления и построенные на их основе графики выполнены с помощью специализированного программного продукта [25]. По построенным рядам скоростей изменения общего коэффициента рождаемости и общего коэффициента смертности были восстановлены их прогнозные траектории. Одновременное графическое изображение фактической и прогнозной динамики общего коэффициента рождаемости и общего коэффициента смертности представлено на рис. 5.

Сравнив фактическую и прогнозную динамику процессов воспроизводства населения за постперестроечный период (см. рис. 5), можно сделать вывод, что даже при отсутствии внешнего воздействия на демографическую систему России удалось бы не избежать, а лишь отсрочить наступление «русского креста» до 1994 г.

В то же время результаты моделирования позволяют утверждать, что периоды адаптации к внешнему воздействию у рождаемости и смертности существенно отличаются: если фактическое значение рождаемости достигает уровня, который она имела бы при условии отсутствия внешнего воздействия, в 2002 г., то фактическое значение смертности — лишь в 2009 г.

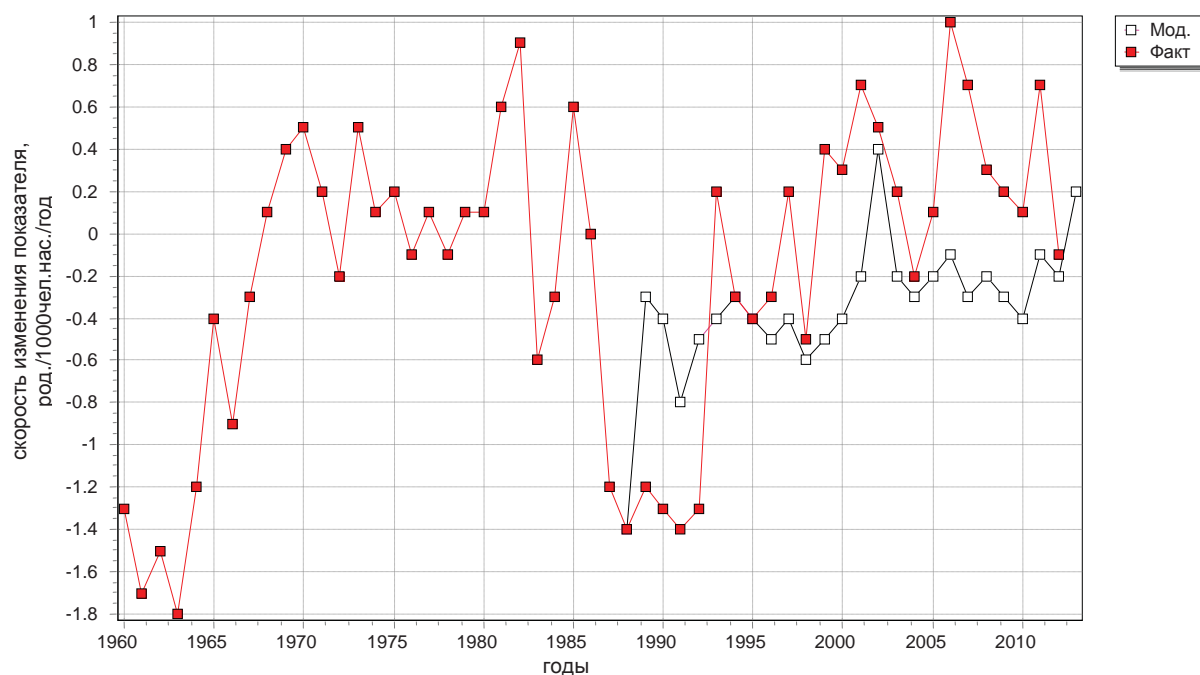

Рис. 3. Прогноз по глобальным минимумам стандартного отклонения функции R/S для общего коэффициента рождаемости СССР и РФ

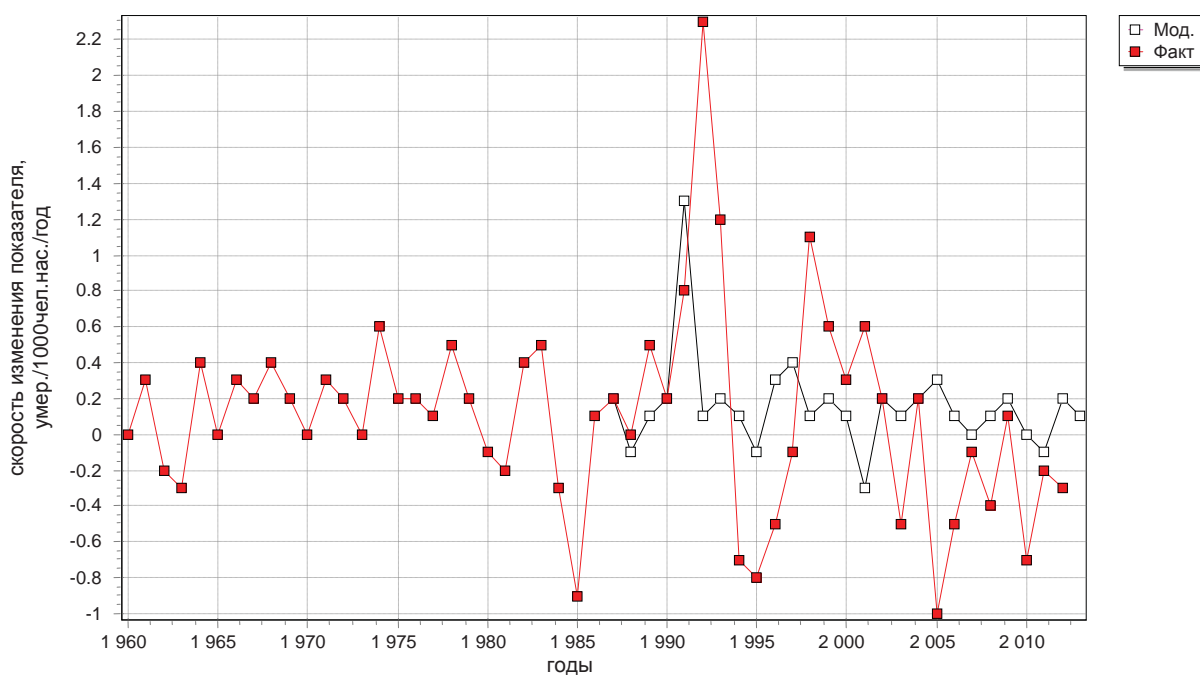

Рис. 4. Прогноз по глобальным минимумам стандартного отклонения функции R/S для общего коэффициента смертности СССР и РФ

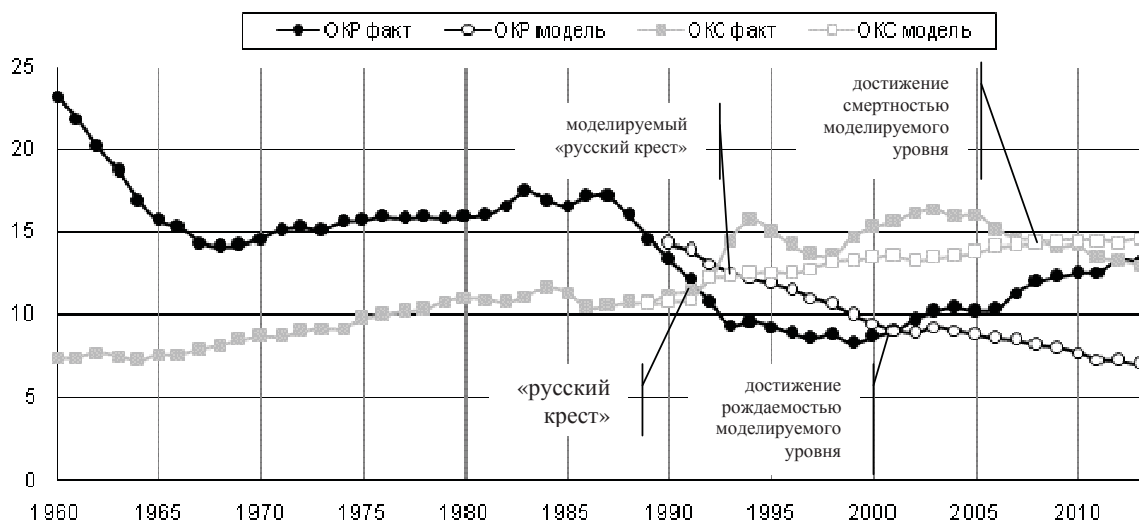

Рис. 5. Фактическая и прогнозируемая динамика рождаемости и смертности в России

Следовательно, активизация демографической политики после 2007 г., в т.ч. национального проекта «Здоровье», существенно повлияла, главным образом, на показатели смертности. В свою очередь, превышение фактических значений рождаемости над прогнозными с 2002 по 2007 гг. является следствием реализации отложенных рождений, но их резкий скачок после 2007 г. безусловно — результатом введения «материнского капитала». Сравнение фактических и модельных значений общего коэффициента рождаемости позволило сделать вывод, что внешнее воздействие на демографическую систему, как положительное, так и отрицательное влияет, главным образом, не на ожидаемое число детей, а на планируемое время их рождения.

В целом полученные результаты подтвердили положительный эффект принятых Правительством РФ мер по преодолению демографического кризиса, как на рождаемость, так и на смертность. Для выявления времени преодоления негативных последствий социально-экономического преобразования России было произведено сравнение численности населения по фак-

ту и по сценарию отсутствия внешнего воздействия на демографическую систему.

Взяв в качестве точки отсчета значение численности населения России за 1989 г. и умножив ее на фактические и модельные значения коэффициента естественного прироста населения, были получены фактические и модельные значения численности населения России за постперестроечный период без учета вклада миграции (см. таблицу). Сравнение данных значений делает очевидным, что начиная с 1990 г. и до сих пор Россия несет «человеческие жертвы» от ее реформирования, ускоренной приватизации и дефолта. Максимальная разница фактической численности населения и какой бы она могла быть в случае отсутствия социального стресса от отмеченных событий наблюдалась в 2005 г. и составляла 6,5 млн человек. Наблюдаемое с 2006 г. снижение данной разницы, безусловно, свидетельствует о положительном эффекте демографической политики России, однако полностью восполнить численные потери от социально-экономических шоков 1990-х гг. до сих пор не удалось.

Расчет фактических и модельных значений численности населения России за постперестроечный период

Наименование показателя	Годы																								
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Общий коэффициент рождаемости, чел/тыс. чел.	факт	13,4	12,1	10,7	9,4	9,6	9,3	8,9	8,6	8,8	8,3	8,7	9,0	9,7	10,2	10,4	10,2	10,3	11,3	12,0	12,3	12,5	12,6	13,3	13,2
	мод.	14,3	13,9	13,1	12,6	12,2	11,9	11,5	11,0	10,6	10,0	9,5	9,1	8,9	9,3	9,1	8,8	8,6	8,5	8,2	8,0	7,7	7,7	7,3	7,2
Общий коэффициент смертности, чел/тыс. чел.	факт	11,2	11,4	12,2	14,5	15,7	15	14,2	13,7	13,6	14,7	15,3	15,6	16,2	16,4	15,9	16,1	15,1	14,6	14,5	14,1	14,2	13,5	13,3	13
	мод.	10,7	10,9	12,2	12,3	12,5	12,6	12,5	12,8	13,2	13,3	13,5	13,6	13,3	13,5	13,6	13,8	14,1	14,2	14,3	14,5	14,5	14,5	14,4	14,6
Коэффициент естественного прироста, чел/тыс. чел.	факт	2,2	0,7	-1,5	-5,1	-6,1	-5,7	-5,3	-5,1	-4,8	-6,4	-6,6	-6,6	-6,5	-6,2	-5,5	-5,9	-4,8	-3,3	-2,5	-1,8	-1,7	-0,9	0,0	0,2
	мод.	3,6	3,0	0,9	0,3	-0,3	-0,7	-1,0	-1,8	-2,6	-3,3	-4,0	-4,5	-4,4	-4,2	-4,5	-5,0	-5,5	-5,7	-6,1	-6,5	-6,8	-7,2	-7,2	-7,6
Численность населения (без учета вклада миграции), млн чел.	факт	148	148	148	147	146	145	145	144	143	142	141	140	139	139	138	137	136	136	136	135	135	135	135	135
	мод.	148	149	149	149	149	149	149	148	148	147	147	146	145	145	144	144	143	142	141	140	139	138	137	136
Разность фактической и модельной численности населения, млн чел.		-0,2	-0,5	-0,9	-1,7	-2,6	-3,3	-3,9	-4,4	-4,7	-5,1	-5,5	-5,7	-6,0	-6,3	-6,4	-6,5	-6,3	-6,0	-5,4	-4,8	-4,0	-3,2	-2,2	-1,1

Выводы. Итак, выделили пять основных полученных результатов, использование которых позволит органам исполнительной власти повысить эффективность принимаемых ими управленческих решений в демографической сфере:

1) при условии отсутствия негативного воздействия социально-экономических преобразований 1990-х гг. на демографическую систему России удалось бы не избежать, а лишь отсрочить наступление «русского креста» до 1994 г.;

2) период адаптации к негативному внешнему воздействию у смертности значительно дольше, чем у рождаемости;

3) «человеческие потери» от снижения рождаемости могут быть восполнены при эффективной демографической политике, т.к. данное снижение является результатом отложенных рождений, а не изменений норм детности. В свою очередь «человеческие потери» от роста смертности при

негативном социально-экономическом воздействии на демографическую систему невосполнимы;

4) активизация демографической политики России после 2006 г. положительно повлияла как на рождаемость, так и на смертность;

5) «человеческие потери» от социально-экономических шоков 1990-х гг. не восполнены до сих пор.

При этом существующие различия в социально-экономическом развитии регионов России [11, 13, 14, 17] определяют необходимость, кроме реализации общенациональных мер, разработки собственных региональных программ в данном направлении. А в наиболее кризисных по показателям воспроизводства населения субъектах РФ [7, 12, 20] не обойтись без оптимизации иммиграционных потоков [5, 6, 16, 21].

Литература

1. Быстрай Г.П., Васильева А.В., Лыков И.А. Прогнозирование демографического развития России // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 6. С. 61-72.
2. Быстрай Г.П., Коршунов Л.А., Лыков И.А., Никулина Н.Л., Охотников С.А. Методы нелинейной динамики в анализе и прогнозировании экономических систем регионального уровня // Журнал экономической теории. 2010. № 3. С. 103-114.
3. Быстрай Г.П., Коршунов Л.А., Никулина Н.Л., Лыков И.А. Диагностика и прогнозирование социально-экономического развития регионов в рамках нелинейной динамики // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 4. С.164-170.
4. Быстрай Г.П. Термодинамика необратимых процессов в открытых системах. М. – Ижевск: НИЦ Регулярная и хаотическая динамика. 2011. 264 с.
5. Васильева А.В. Прогнозирование миграционного движения и его экономических эффектов в рамках теории поиска и подбора соответствий // Журнал экономической теории. 2013. № 3. С. 117-131.
6. Васильева А.В., Тарасьев А.А. Динамическая модель трудовой миграции: построение и реализация // Экономика региона. 2012. № 4. С. 140-148.

References

1. Bystray G.P., Vasilyeva A.V., Lykov I.A. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* (Bulletin of URFU. Series: Economy and management), 2012, no. 6. P. 61-72.
2. Bystray N.L., Korshunov L.A., Lykov I.A., Nikulina N.L., Okhotnikov S.A. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* (Journal of economic theory), 2010, no. 3. P. 103-114.
3. Bystray G. P., Korshunov L. A., Nikulina N. L., Lykov I. A. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Tyumen State University), 2010, no. 4. P. 164-170.
4. Bystray G.P. *Termodinamika neobratimyyh protsessov v otkrytyh sistemah* [Thermodynamics of irreversible processes in open systems]. Moscow, Izhevsk, 2011. 264 p.
5. Vasilyeva A.V. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* (Journal of economic theory), 2013, no. 3. P. 117-131.
6. Vasilyeva A.V., Tarasyev A.A. *Ekonomika regiona* (Economy of Region), 2012, no. 4. P. 140-148.

7. Васильева Е.В., Гурбан И.А. Диагностика качества жизни населения: международный опыт и российская действительность // Ползуновский альманах. 2011. № 3. С. 12-20.
8. Васильева Е.В. Обоснование приоритетных направлений оптимизации социально-демографического развития субъектов УрФО // Управленец. 2013. № 4 (44). С. 41-47.
9. Величковский Б.Т. Жизнеспособность Нации. Роль социального стресса и генетических особенностей популяции в развитии демографического кризиса и изменении состояния здоровья населения России. М.: РАМН, 2009. 176 с.
10. Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга: Экономические реформы в России 1991-2002 гг. М: Эксмо, 2004. С. 21-23.
11. Куклин А.А., Быстрой Г.П., Никулина Н.Л., Синенко А.И. Синергетическая диагностика кризисных явлений в сфере финансовой безопасности региона // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 7. С. 101-110.
12. Куклин А.А., Васильева Е.В. Методический подход к оценке эффективности управления социально-демографическими процессами в регионе // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. Т. 41. № 3. С. 79-86.
13. Куклин А.А., Леонтьева А.Г. Государственная политика в области оплаты труда и ее влияние на динамику бедности в регионе // Экономика региона. 2010. № 1. С. 21-27.
14. Куклин А.А., Мызин А.Л., Пыхов П.А., Потанин М.М. Диагностика и механизмы повышения энергетической безопасности России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 10. С. 134-149.
15. Римашевская Н.М. Человек и реформы: Секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003.
16. Тарасьев А.А. Построение прогноза миграционных потоков в регионы России // Экономика региона. 2013. № 2. С. 192-199.
17. Татаркин А.И., Куклин А.А., Чусова А.Е. Влияние теневой экономики на хозяйственный комплекс региона // Экономика. Налоги. Право. 2009. № 6. С. 101-110.
18. Федер Е. Фракталы: Пер. с англ. М.: Мир, 1991. 254 с.
19. Черепанова А.В. Оценка демографической политики в рамках механизма обеспечения эффективного развития региона // Экономика региона. 2009. №4 (20). С. 219-223.
20. Черепанова А.В., Васильева Е.В. Проблемы и перспективы социально-демографического развития регионов России (на примере Свердловской области) // Экономика региона. 2011. № 1. С. 57-61.
7. Vasilyeva E.V., Gurban I.A. *Polzunovskiy almanah* (Polzunovsky almanac), 2011, no. 3. P. 12-20.
8. Vasilyeva E.V. *Upravlenets* (Administrator), 2013, no. 4 (44). P. 41-47.
9. Velichkovskiy B.T. *Zhiznesposobnost Natsii. Rol sotsialnogo stressa i geneticheskikh osobennostey populyatsii v razvitiu demograficheskogo krizisa i izmenenii sostoyaniya zdoroviya naseleniya Rossii* [Nation viability. Role of social stress and genetic features of population in demographic crisis development and change of health state of population of Russia]. Moscow, RAMS, 2009. 176 p.
10. Glaziev S.Yu., Kara-Murza S.G., Batchikov S.A. *Belaya kniga: Ekonomicheskie reformy v Rossii 1991-2002* [White book: Economic reforms in Russia 1991-2002]. Moscow, Eksmo, 2004. P. 21-23.
11. Kuklin A.A., Bystray G.P., Nikulina N.L., Sinenko A.I. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Transbaikal State University Journal), 2013, no. 7. P. 101-110.
12. Kuklin A.A., Vasilyeva E.V. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* (Proceedings of the Ural State University of Economics), 2012, no. 3. P. 79-86.
13. Kuklin A.A., Leontieva A.G. *Ekonomika regiona* (Economy of Region), 2010, no. 1. P. 21-27.
14. Kuklin A.A., Myzin A.L., Pyhov P.A., Potanin M.M. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* (Transbaikal State University Journal), 2013, no. 10. P. 134-149.
15. Rimashevskaya N.M. *Chelovek i reformy: Sekrety vyzhivaniya* [Person and reforms: Survival secrets]. Moscow, ISJePN RAN, 2003.
16. Tarasyev A.A. *Ekonomika regiona* (Economy of Region), 2013, no. 2. P. 192-199.
17. Tatarkin A.I., Kuklin A.A., Chusova A.E. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* (Economy. Taxes. Right), 2009, no. 6. P. 101-110.
18. Feder E. *Fraktaly: Per. s angl.* [Fractals: translation from English]. Moscow, Mir, 1991. 254 p.
19. Cherepanova A.V. *Ekonomika regiona* (Economy of Region), 2009. No 4 (20). P. 219-223.
20. Vasilyeva A.V., Vasilyeva E. V. *Ekonomika regiona* (Economy of Region), 2011, no. 1. P. 57-61.

21. Черешнев В.А., Васильева А.В. Модельный комплекс прогнозирования взаимообусловленного развития миграционных процессов и рынка труда региона // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 272-281.

22. Штемберг А.С., Шафиркин А.В., Ушаков И.Б. Влияние психического и психологического состояния населения, обусловленного социальным стрессом, на демографическую ситуацию в России // Материалы Всероссийской научной конференции «Демографическая ситуация в современной России: состояние и перспективы». Тверь, 27-28 ноября 2008 г. Тверь, 2008. С. 375-383.

23. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (в ред. Федеральных законов от 23.07.2008 N 160-ФЗ, от 25.12.2008 N 288-ФЗ, от 28.07.2010 N 241-ФЗ, от 29.12.2010 N 440-ФЗ) : [сайт]. URL: http://www.pfrf.ru/mother_fam_capital/726.html (дата обращения 4.08.2013)

24. Основные документы по приоритетному национальному проекту «Здоровье» // Приоритетные национальные проекты : [сайт]. URL: <http://www.rost.ru/projects/health/p05/docs.shtml> (дата обращения: 4.03.2010).

25. Быстрой Г.П., Лыков И.А. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2012615414 «Оценка рисков, нелинейный анализ и прогнозирование для длинных временных рядов экономических показателей». Роспатент. Зарегистрировано 15 июня 2012 г.

21. Chereshnev V.A., Vasilyeva A.V. *Ekonomika regiona* (Economy of Region), 2013, no. 3 (35). P. 272-281.

22. Shtemberg A.S., Shafirkin A.V., Ushakov I.B. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Demograficheskaya situatsiya v sovremennoy Rossii: sostoyanie i perspektivy»* (Materials of the All-Russian scientific conference «Demographic situation in modern Russia: state and prospects»), Tver, 2008. P. 375-383.

23. *Federalny zakon ot 29 dekabrya 2006 g. № 256-FZ «O dopolnitelnykh merakh gosudarstvennoy podderzhki semey, imeyushhih detey»* (The Federal Law of 29 December 2006 № 256-FZ «On Additional Measures of State Support for Families with Children») (in red. Federal Law of 23.07.2008 № 160-FZ of 25.12.2008 № 288-FZ, from 28.07.2010 № 241-FZ of 29.12.2010 № 440-FZ) Available at: http://www.pfrf.ru/mother_fam_capital/726.html (accessed 04.08.2013).

24. *Osnovnye dokumenty po prioritetnomu nacionalnomu proektu «Zdorovie»* (Essential Documents on the priority of national project «Health») Available at: <http://www.rost.ru/projects/health/p05/docs.shtml> (accessed 04.03.2010).

25. Bystray G.P., Lykov I.A. *Svidetelstvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM №2012615414 «Otsenka riskov, nelineyny analiz i prognozirovanie dlya dlennykh vremennykh ryadov ekonomicheskikh pokazateley»* [Certificate of state registration of the computer № 2012615414 «Risk Assessment, nonlinear analysis and forecasting for long time series of economic indicators»]. Rospatent. Registered June 15, 2012.

Коротко об авторах

Черешнев В.А., академик РАН, д-р мед. наук, вед. науч. сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия
chereshnev@duma.gov.ru

Научные интересы: проблемы демографического развития, иммунитет, стресс, цитокины, фагоцитоз, лимфоциты, иммунорегуляция, иммунокоррекция

Быстрой Г.П., д-р физ.-мат. наук, профессор каф. «Общая и молекулярная физика», институт естественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. г. Екатеринбург, Россия
gennadyi.bystrai@usu.ru

Briefly about the authors

V. Chereshnev, academician, Russian Academy of Sciences, doctor of medical sciences, leading researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Scientific interests: problems of demographic development, immunity, stress, cytokines, phagocytosis, lymphocytes, immunoregulation, immunocorrection

G. Bystray, doctor of physical and mathematical sciences, professor, General and Molecular Physics department, Federal State Autonomous Educational Institution, Higher Professional Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin»

Научные интересы: методы синергетика, нелинейная динамика, теория детерминированного хаоса, математическое и компьютерное моделирование социально-экономических процессов, фракталы

Scientific interests: Synergetics, nonlinear dynamics, theory of determined chaos, mathematical and computer modeling of socio-economic processes, fractals

Васильева А.В., канд. экон. наук, науч. сотрудник центра экономической безопасности, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия
sa840sha@mail.ru)

A. Vasileva, candidate of economic sciences, research associate, Center for Economic Security, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Научные интересы: трудовая миграция, воспроизводство населения, математическое моделирование, вычислительные методы

Scientific interests: labor migration, population reproduction, mathematical modeling, computing methods

Лыков И.А., канд. физ.-мат. наук, ассистент, каф. «Общая и молекулярная физика», институт естественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия
john-winner@yandex.ru

I. Lykov, candidate of physical and mathematical sciences, assistant, Chair for general and molecular physics, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin»

Научные интересы: методы нелинейной динамики, экономическое прогнозирование

Scientific interests: methods of nonlinear dynamics, economic forecasting

Шилкова Е.В., канд. экон. наук, ст. бухгалтер, ООО «ПИРРО», г. Екатеринбург, Россия
tch_ev@mail.ru).

E. Shilkova, candidate of economic sciences, senior accountant, Limited Company PIRRO

Научные интересы: демография, математические методы в экономике

Scientific interests: demography, mathematical methods in economics

**Перечень требований и условий публикации статей в научном журнале
«Вестник Забайкальского государственного университета»**

1. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. В статье необходимо последовательно излагать следующие составляющие: актуальность, задачи, современное состояние проблемы, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов, выводы. Рекомендованный объем статьи – 0,5...1 печ. л. (8...16 стр.).

1.2. Редакционная коллегия оставляет за собой право на научное и литературное редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Присланные рукописи авторам не возвращаются.

1.3. Редакция научного журнала «Вестник Забайкальского государственного университета» осуществляет независимое рецензирование статей. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена редакции (с пометкой «исправленная») в течение 10 дней, в противном случае она будет отклонена. Доработанный вариант статьи рецензируется и рассматривается заново.

1.4. Публикация статьи платная – 500 руб. за одну страницу машинописного текста (интервал – 1,5; размер шрифта – 14). Оплата производится после утверждения текста статьи редакционным советом. Для сотрудников ЗабГУ и аспирантов всех вузов публикация статей — за счет средств университета. Один экземпляр журнала входит в оплату и высылается каждому автору.

1.5. Материалы статьи предоставляются:

а) по электронной почте: rik-romanova-chita@mail.ru;

б) на почтовый адрес: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Забайкальский государственный университет, редакция журнала «Вестник Забайкальского государственного университета»;

в) непосредственно в редакцию (корпус НС, каб. 320).

По вопросам публикации статей обращаться к научному редактору журнала – Романовой Нелли Петровне – по тел.: (3022) 41-67-18; факс (3022) 41-64-44; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

2. Комплектность и форма предоставления авторских экземпляров

2.1. Предоставляемые материалы должны содержать:

– научное направление;

– шифр УДК;

– фамилию, имя, отчество автора (соавторов) (полностью) (на русском и английском языках);

– название статьи (на русском и английском языках);

– аннотацию – минимум 250 слов (850 машинописных знаков, не менее 10 строк) (на русском и английском языках);

– ключевые слова – в пределах 10 (на русском и английском языках);

– основную часть;

– библиографический список (не более чем 5-летней давности) не менее 10 источников (правила оформления см. в п. 2.4);

– сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, занимаемая должность, место работы, город, страна, контактный телефон и e-mail, почтовый адрес с индексом (для отправления журнала) (на русском и английском языках);

– научные интересы автора (авторов) (на русском и английском языках);

– цветную фотографию автора (авторов) на белом фоне (деловой стиль) в электронной версии в формате *.JPG, *.BMP или *.TIFF, размер файла до 1 МВ;

– рецензию научного руководителя, консультанта или специалиста, занимающегося темой заявленного исследования (оригинальная или электронная версия);

– квитанцию об оплате за публикацию (высылается после утверждения статьи редакционным советом (допускается электронная копия квитанции). Реквизиты Забайкальского государственного университета Вы можете найти на сайте www.zabgu.ru в разделе «Справочная информация».

– договор о предоставлении услуг (в случае, если статья платная) по научному редактированию статей, акт выполненных работ (допускается сканированная копия подписанного документа, оригинал высылается почтой), (образец – на сайте www.zabgu.ru);

– экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (сканированная копия) (образец – на сайте www.zabgu.ru);

– результат оригинальности текста, проверенного на плагиат желательно в системе «Антиплагиат» (info@antiplagiat.ru) (необходимо предоставить сведения об оригинальности текста).

2.2. Общие правила оформления текста

Статью на электронном носителе следует сохранять под именем, соответствующим фамилии первого автора, набирается в программе Microsoft Office Word.

Рекомендуется соблюдать следующие установки:

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1 см; ориентация – книжная; перенос – автоматический. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – на нижнем поле. Шрифт – Times New Roman, размер – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Формат бумаги – А4.

Для акцентирования элементов текста рекомендуется использовать курсив. Выделение текста жирным шрифтом и подчеркивание не допускается.

2.3. Формулы, рисунки, таблицы

При использовании формул (кроме заголовка статьи и аннотации) рекомендуется применять Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы – курсивом; для греческих букв и символов – шрифт Symbol, для остальных элементов – Times New Roman (использование букв русского алфавита в формуле нежелательно). Размер символов: обычный – 14 пт, крупный индекс – 10 пт, мелкий индекс – 7 пт, крупный символ – 18 пт, мелкий символ – 14 пт. Экспозиции элементов формул в тексте следует оформлять в виде формул. Пояснение значений символов и числовых коэффициентов рекомендуется приводить непосредственно под формулой в той же последовательности, в которой они даны в формуле. Формулы следует нумеровать порядковой нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках, например, $A = a \cdot v$, (1). Ссылки в тексте на порядковые номера формул оформляют в скобках, например, ... в формуле (1).

Рисунки необходимо выполнять с разрешением 300 dpi (B&W – для черно-белых иллюстраций, Grayscale – для полутонов, максимальный размер рисунка с надписью: ширина 150 мм, высота 245 мм); представлять в виде отдельных файлов с расширением *.JPG, *.BMP, *.TIFF и распечаткой на бумаге формата А4 с указанием имени файла. Изображения должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Схемы и графики выполнять во встроеной программе MS Word или в MS Excel с предоставлением исходного файла. Рисунки следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется.

Таблицы должны иметь тематические и нумерационные заголовки и ссылки на них в тексте. Тематические заголовки должны отражать их содержание, быть точными, краткими, размещены над таблицей. Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу. Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы; при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф.

Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman или Symbol, 12 кегль. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.4. Библиографический список

Библиографические ссылки в тексте статьи следует оформлять в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в библиографическом списке, который для оригинальной статьи – не менее 10 источников.

Библиографический список необходимо составлять в алфавитном порядке. Алфавитный порядок ссылок нумеруется. Не допускается выносить ссылки из текста вниз полосы.

Библиографический список предоставлять в двух вариантах: на русском языке (ГОСТ 7.0.5. – 2008. Библиографическая ссылка), а также НЕОБХОДИМО повторять русскоязычный список литературы полностью в романском алфавите (для зарубежных баз данных), согласно следующим требованиям:

– авторы (транслитерация), название источника (транслитерация, курсивом; в круглых скобках перевод на английский язык), выходные данные с обозначениями на английском языке либо только цифровые. Заглавия статей опускаются, т.к. в аналитической системе они не используются (достаточно указать название журнала) (подробная информация оформления библиографического списка см. на сайте www.zabgu.ru).

Пример описания статьи из журналов:

Polyanchikov Yu.N., Vannikov A.I., Kurchenko A.I. Vestn. Saratovsk. Gos. Tekhn. Univ. (Saratovsk State Technical University), 2007, no. 1 (23), P. 21-24.

Материалы конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma «Novye resursoberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi» (Proc. 6th Int. Technol. Symp. “New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, P. 267-272.

Книги (монографии, сборники, материалы конференций в целом):

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Ссылка на Интернет-ресурс:

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 February 2011)

2.5. Правила транслитерации

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

Наши награды

Содержание

Науки о Земле

Павленко Ю.В. Пришилкинский структурно-формационный комплекс: основные разрывные структуры юго-западного фланга Yu. Pavlenko Prishilkinsky Structure-Formation Complex: Major Fault Structures of Southwestern Flank	4
Савельева П.Ю., Мистрюков А.А. Результаты среднемасштабного геоморфологического картографирования рельефа Чуйской впадины (Юго-Восточный Алтай) P. Saveleva, A. Mistryukov Results of the Medium-Geomorphological Mapping Relief of Chuya Depression (Southeast Altai)	20

Политические науки

Власова К.Е. Факторы миграции российских немцев на территории Забайкальского края K. Vlasova Factors of Russian Germans' Migration on the Territory of Transbaikalie	34
Дудин П.Н. Государственная экономическая политика Мэнцзяна и ее правовое закрепление P. Dudin State Economic Policy of Mengjiang and Its Legal Confirmation.....	44
Лаврик Н.В. Теоретические концепции информационного общества как предпосылки к зарождению электронной демократии N. Lavrik Theoretical Concepts of Information Society As a Prerequisite to the Origin of E-Democracy.....	56
Романова Н.П., Жуков А.В., Жукова А.А. Образы культуры и религии Китая в сознании населения российско-китайского приграничья N. Romanova, A. Zhukov, A. Zhukova Images of Chinese Culture and Religion in the Minds of Russian-Chinese Border Population	66
Рыжкова А.А. Разновозрастный брак как феноменологическая категория A. Ryzhkova Age-Specific Marriage As a Phenomenological Category	77
Шемелин А.В., Егоров Е.В. Правовая основа отношений, связанных с обеспечением доступа к информации о деятельности судов A. Shemelin, E. Egorov Basic of Relations Associated with Access to Information Report of Ships.....	88

Экономические науки

Глазырина И.П., Яковлева К.А., Жадина Н.В. Сравнительный анализ социально-экономической эффективности регионального лесопользования I. Glazyrina, K. Yakovleva, N. Zhadina Socio-Economic Efficiency of Regional Forest Use: a Comparative Analysis	95
Дондокова Е.Б., Пильчинова Е.В. Развитие производительных сил, ориентированное на устойчивое развитие E. Dondokova, E. Pilchinova Development of Productive Forces Oriented to Sustainable Development.....	104
Козлов А.В., Гутман С.С., Зайченко И.М. Программа развития Арктической зоны Российской Федерации на основе комплекса региональных индикаторов A. Kozlov, S. Gutman, I. Zaychenko Program of Arctic Zone Development in the Russian Federation on the Basis of Complex Regional Indicators.....	110

Козлов А.В., Тесля А.Б., Ся Чжан Опыт индустриального развития Китая: что можно использовать для подъема промышленности Арктической зоны России A. Kozlov, A. Teslya, Zhangxia How to Use the Successful Experience of China Industrial Development for Industrial Growth of Russian Arctic Regions	121
Колесникова А.В. Проблемы нелегального лесопользования в регионах России A. Kolesnikova Problems of Illegal Forest Use in Russian Regions.....	131
Малышев Е.А., Томских Н.А. Поэтапный переход к долгосрочному регулированию тарифов в сфере теплоснабжения E. Malyshev, N. Tomskih Gradual Transition to Long-Term Regulation of Tariff in the Heating Sector.....	146
Черешнев В.А., Быстрой Г.П., Васильева А.В., Лыков И.А., Шилкова Е.В. Оценка результатов внешнего воздействия на демографическое развитие постперестроечной России V. Chereshnev, G. Bystray, A. Vasileva, I. Lykov, E. Shilkova Assessment of External Impact Results on the Demographic Development of Post-Perestroika Russia	154

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 11 (114)

2014

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.И. Михайлова

Технический редактор И.В. Петрова

Подписано в печать 25.11.2014

Сдано в производство 27.11.2014

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 15,8

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 14,7

Заказ № 30014

ФГБОУ ВПО «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30
Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru